
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324284 9

СТИХОТВОРЕНІЯ

К. Р.

1900 — 1910

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

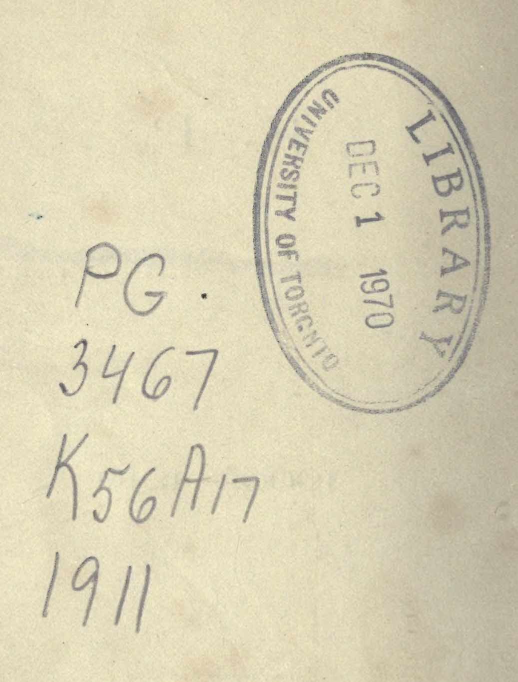
1911

СТИХОТВОРЕНІЯ

К. Р.

1900 — 1910

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ
1911

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1900—1910.

У БЕРЕГОВЪ.

ВРЕМЕНА ГОДА.

НОЧИ.

МЕЧТЫ И ДУМЫ.

ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО.

стр.

ВЪ СТРОЮ.

ПЕРЕВОДЫ.

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1900—1910.

У БЕРЕГОВЪ.

У взморья.

Ты безмолвно, затихшее море,
Ты безбреженъ, привольный просторъ.
Какъ отъ шумнаго, тѣснаго свѣта
Здѣсь и слухъ отдыхаетъ, и взоръ!

Но надолго ли это затишье,
И всегда ли ясна эта даль?
Какъ и въ сердцѣ, живутъ, чередуясь,
Въ мірѣ радость и злая печаль.

Мигъ — и море взреветъ, даль померкнетъ,
Волны яростно ринутся въ бой,
И подъ черною тучей бѣлѣя
Крылья чайки заспорятъ съ грозой.

Ты не та же ли чайка, о сердце?
Долго ль тишью плѣняться тебѣ?
Грянетъ громъ, разбушуется буря —
Будь готово къ отважной борьбѣ.

Стрѣльна.
19-го іюня 1902.

На Иматрѣ.

Надъ пѣнистой, бурной пучиной
Стою на крутомъ берегу,
Мятежной любуюсь стремниной
И глазъ оторвать не могу.

Нависшими стиснутъ скалами,
Клокочетъ потокъ и бурлитъ;
Сшибаются волны съ волнами,
Дробясь о недвижный гранитъ.

И рвутся, и мечутся воды
Изъ камня гнетущихъ оковъ,
И молитъ немолчно свободы
Ихъ вѣчный неистовый ревъ.

О, еслибъ занять этой силы,
И твердости здѣсь почерпнуть,
Чтобъ смѣло свершать до могилы
Невѣдомый жизненный путь;

Чтобъ съ совѣстью чистой и ясной,
Съ открытымъ и свѣтлымъ челомъ
Пробиться до цѣли прекрасной
Въ бореньи съ неправдой и зломъ.

Иматра.
5-го августа 1907.

Элегіи.

I.

Оріанда.

Я посѣтилъ родное пепелище —
Разрушенный родительскій очагъ,
Моей минувшей юности жилище,
Гдѣ каждый мнѣ напоминаетъ шагъ
О дняхъ, когда душой свѣтлѣй и чище,
Вкусивъ впервые высшее изъ благъ,
Поэзіи святого вдохновенья
Я пережилъ блаженныя мгновенья.

Тогда еще былъ цѣлъ нашъ милый домъ.
Широко садъ разросся благовонный
Средь дикихъ скалъ на берегу морскомъ;
Подъ портикомъ фонтанъ неугомонный
Во мраморный струился водоемъ,
Прохладой въ зной лаская полуденный,
И виноградъ, віясь между колоннъ,
Какъ занавѣскою скрывалъ балконъ.

А нынѣ я брожу среди развалинъ:
Обрушился балконъ; фонтанъ разбитъ;
Обломками полъ каменный заваленъ;
Цвѣты пробились между звонкихъ плитъ;
Глициніей, безпомощно печаленъ,
Заросъ колоннъ развѣнчанныхъ гранитъ;
И миртъ, и лавръ, и кипарисъ угрюмый
Вѣчнозеленою объяты думой.

Побѣги розъ мнѣ преградили путь...
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью взволновали грудь.
Но этотъ край такъ полнъ очарованья,
И суждено природѣ здѣсь вдохнуть
Такъ много прелести въ свои созданья,
Что передъ этой дивною красой
Смирился я плѣненною душой.

Оріанда — Вильдунгенъ.
10-го августа 1908.

II.

Осташево.

Люблю тебя, пріютъ уединенный!
Старинный домъ надъ тихою рѣкой
И бѣлорозовый, въ ней отраженный
Напротивъ сельскій храмъ надъ крутизной.
Садъ незатѣйливый, но благовонный,
Надъ цвѣтомъ липы пчелъ гудящій рой;
И передъ домомъ лугъ съ двумя прудами,
И островки съ густыми тополями.

Люблю забраться въ лѣсъ, поглубже въ тѣнь;
Тамъ, послѣ солнцемъ залитаго сада,
Засушнымъ лѣтомъ, въ яркій знойный день
И тишина, и сумракъ, и прохлада...
Люблю присѣсть на мхомъ обросшій пень:
Среди зеленой тьмы что̀ за отрада,
Когда въ глаза сверкнетъ изъ-за деревъ
Рѣка, зеркальной гладью заблестѣвъ!

Подъ ельника мохнатыми вѣтвями
Таинственный, суровый полумракъ.
Коверъ опавшей хвои подъ ногами;
Она мягка и заглушаетъ шагъ.
А дальше манитъ бѣлыми стволами
Къ себѣ веселый, свѣтлый березнякъ
Съ кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травою.

Схожу въ оврагъ. Оттуда вверхъ ведетъ
Ступенями тропа на холмъ лѣсистый;
Надъ нею старыхъ елей мрачный сводъ
Нависъ, непроницаемый, вѣтвистый,
И потайной пробился въ чащѣ ходъ.
Тамъ ароматъ обдастъ меня смолистый.
Въ густой тѣни алѣетъ мухоморъ
И бѣлый грибъ украдкой дразнитъ взоръ.

Другой оврагъ. Вотъ мостъ желтѣетъ новый.
Съ него взберусь опять, на холмъ другой
И прихожу, минуя боръ сосновый,
Къ отвѣсному обрыву надъ рѣкой.
Мнѣ видны здѣсь: отливъ ея свинцовый,
Далекій бѣгъ и заворотъ крутой,
Просторъ и гладь, и ширь, и зелень луга
Прибрежнаго напротивъ полукруга.

А вдалекѣ на берегу нашъ домъ
Съ колоннами, классическимъ фронтономъ,
Широкой лѣстницей передъ крыльцомъ,
Двумя рядами оконъ и балкономъ.
— Смеркается. Малиновымъ огнемъ
Рѣка горитъ подъ алымъ небосклономъ.
Ужъ огонекъ между колоннъ въ окнѣ
Изъ комнаты моей сіяетъ мнѣ.

•

Домой, гдѣ ждетъ плѣнительный, любимый
За письменнымъ столомъ вседневный трудъ!
Домой, гдѣ миръ царитъ невозмутимый,
Гдѣ тишина и отдыхъ, и уютъ!
Лишь маятникъ стучитъ неутомимый,
Твердя, что слишкомъ скоро дни бѣгутъ...
О, какъ душа полна благодаренья
Судьбѣ за благодать уединенья!

Осташево.
20-го августа 1910.

ВРЕМЕНА ГОДА.

* *
*

Еще и Марта нѣтъ, а снѣгъ
Ужь таетъ, обнажая землю.
Я вешнихъ водъ веселый бѣгъ
Опять, обрадованный, внемлю.

Струи взломали хрупкій ледъ,
Грачи обратно прилетѣли...
Пройдетъ еще двѣ-три недѣли —
И міръ воскреснетъ, зацвѣтетъ.

Пригрѣй, о солнце, землю лаской
Твоихъ живительныхъ лучей
И оживи весенней сказкой
Глухую мертвенность полей!

Зазимовавшею душою
Пора очнуться ото сна:
Добра и свѣта дай, весна,
И мнѣ въ борьбѣ со зломъ и тьмою!

Павловскъ.
28-го февраля 1910.

Весной.

Посвящается Д. А. Муринову.

Вешнія воды бѣгутъ... Засинѣвшее
Небо пригрѣло поля.
Зимнее горе, давно наболѣвшее,
Выплакать хочетъ земля.

Зори полночныя, нѣгою томною
Млѣя, гоните вы прочь
Тысячезвѣздную, холодно-темную,
Долгую зимнюю ночь.

Ласточки, жаждой свиданья влекомыя,
Милыя дѣти весны,
Намъ вы, вернувшися въ гнѣзда знакомыя,
Счастья навѣете сны.

Яблоня, снѣгъ отряхнувъ, бѣлоснѣжною
Ризой цвѣтовъ убрана;
О, какъ плѣнительна свѣжестью нѣжною,
Какъ благовонна она!

Грѣй ты насъ, солнце; сіяй ослѣпительно
Стужѣ на смѣну и тьмѣ;
Дай насладиться весной упоительной,
Дай позабыть о зимѣ.

Мраморный дворецъ.
4-го мая 1902.

Ландыши.

Если ландыша листья средь жаркаго лѣта
Мнѣ въ тѣни попадутся лѣсной,
Я не вижу на нихъ благовоннаго цвѣта,
Облетѣвшаго ранней весной.

Затаенною грустью и радостью ясной
Сердце сладко заноетъ въ груди:
Много счастья извѣдано въ жизни прекрасной,
Мнѣ не знать ужь весны впереди.

Пусть землѣ возвращаетъ она ежегодно
Бѣлоснѣжнаго ландыша цвѣтъ, —
Призракъ старости манитъ рукою холодной:
Юнымъ днямъ повторенія нѣтъ.

Но не жаль мнѣ покинуть земное жилище:
Тамъ, въ невѣдомой сердцу дали
Расцвѣтаютъ красы и свѣтлѣе, и чище
Милыхъ ландышей бѣдной земли.

Либенштейнъ.
3-го іюля 1909.

* *
*

Послѣдней стаи журавлей
Подъ небомъ крики прозвучали.
Садъ облетѣлъ. Изъ за вѣтвей
Сквозятъ безжизненныя дали.

Давно скосили за рѣкой
Широкій лугъ, и сжаты нивы.
Роняя листья, надъ водой
Грустятъ задумчивыя ивы.

Въ красѣ нетронутой своей
Лишь озимь зеленѣетъ пышно,
Дразня подобьемъ вешнихъ дней...
— Зима, зима ползетъ неслышно! —

Какъ знать. Невидимымъ крыломъ
Ужь вѣетъ смерть и надо мною...
О, еслибъ съ радостнымъ челомъ
Отдаться въ руки ей безъ бою;

И съ тихой, кроткою мольбой,
Безропотно, съ улыбкой ясной
Угаснуть осенью безгласной
Предъ неизбѣжною зимой!

Козельскій уѣздъ.
1-го октября 1901.

Къ осени.

Роковая, неизбѣжная,
Подползла, подкралась ты,
О, губительница нѣжная
Милой лѣтней красоты!

Обольстительными ласками
Соблазнивъ и лѣсъ, и садъ,
Ты плѣнительными красками
Расцвѣтила ихъ нарядъ.

Багряницей свѣтозарною
Ты по царски ихъ убравъ,
Сдернешь прихотью коварною
Ризу пышную дубравъ.

Но пока красы обманчивой
Не сорвала ты съ лѣсовъ,
Сколько прелести заманчивой
Въ этой радугѣ цвѣтовъ!

Скоро съ кротостью печальною
Въ увяданья тихій часъ
Садъ улыбкой насъ прощальною
Подаритъ въ послѣдній разъ.

И съ порою грустью вѣющей
Я безропотно мирюсь
И природѣ вечерѣющей
Побѣжденный отдаюсь.

Павловскъ.
30-го сентября 1907.

Зимой.

О, тишина
Глуши безмолвной, безмятежной!
О, бѣлизна
Луговъ подъ пеленою снѣжной!

О, чистота
Прозрачныхъ струй обледенѣлыхъ!
О, красота
Рощъ и лѣсовъ заиндевѣлыхъ!

Какъ хороша
Зимы чарующая греза!
Усни, душа,
Какъ спятъ сугробы, прудъ, береза...

Сумѣй понять
Природы строгое безстрастье:
Въ немъ — благодать,
Земное истинное счастье.

Свѣтлѣй снѣговъ
Твои да будутъ сновидѣнья
И чище льдовъ
Порывы сердца и стремленья.

У ней учись,
У зимней скудости прелестной
И облекись
Красою духа безтѣлесной.

Павловскъ.
18-го марта 1906.

Къ концу зимы.

Чѣмъ солнце зимнее теплѣе,
Тѣмъ ослѣпительнѣй снѣга;
А нагота вѣтвей въ аллеѣ
Все такъ же мертвенно строга.

Хоть не сдаютъ еще морозы —
Но жизни чуется приливъ,
И свѣтлыя роятся грезы,
Печаль унылую смѣнивъ.

На зло зимѣ, гдѣ въ полдень жарче,
Ужь таетъ ледяной нарядъ,
И капли съ крышъ алмазовъ ярче
Слезами счастія горятъ.

Уже не хохлится сонливо
Семья домашнихъ голубей
И суетится хлопотливо,
Купаясь въ золотѣ лучей.

Царица Ночь изнемогаетъ,
Дню покоряясь, какъ царю,
А онъ все шире раздвигаетъ
Утра и вечера зарю.

И крыльевъ плескъ, и воркованье,
И жизнерадостные сны,
И всепобѣдное сіянье —
Все вѣетъ близостью весны.

Павловскъ.
31-го марта 1906.

Снѣгъ.

Падай, падай, снѣгъ пушистый,
Разстилайся пеленой,
Падай, легкій, падай, чистый,
Землю зябнущую крой.

Заметая дали мглою,
Всякій цвѣтъ, отливъ и тѣнь
Непорочной бѣлизною
Словно саваномъ одѣнь.

И беззвучной, и безцвѣтной,
И безжизненной порой
Дай природѣ безотвѣтной
Миръ и отдыхъ, и покой;

Чтобъ забыться ей, зимою
Усыпленной до весны,
Чтобы грезились тобою
Ей навѣянные сны;

Чтобъ копилася въ ней сила
На иное бытіе,
И съ весною воскресила
Тайна творчества ее.

Павловскъ.
12-го января 1907.

Времена года.

Сонетъ.

О, радость утра яснаго весной!
Ты ласточекъ навѣяна крылами.
Вы, незабудки, споря съ небесами,
Такъ празднично убрались бирюзой.

О, лѣтній день! Сіяя надъ землей,
Ты теплыми даришь ее лучами
И мака знойными во ржи цвѣтами
И жаворонка пѣсней заливной.

О, золотистость осени печальной!
Скорбь увяданья, грусти красота
И журавлей отлетъ зарей прощальной.

О, зимней ночи жуть и нагота!
Зловѣщій воронъ въ бѣлизнѣ хрустальной
И лунный свѣтъ, и глушь, и нѣмота...

Симбирскъ — Москва.
28-го октября 1910.

НОЧИ.

* *
*

Тихая, теплая ночь. — Позабудь
Жалкія нужды земли.
Выйди, взгляни: высокò млечный путь
Стелется въ синей дали.

Чтò передъ свѣтлою звѣздной стезей
Темные наши пути?
Имъ, ознакомленнымъ съ ложью людской
Неба красой не цвѣсти.

Глазъ не сводилъ бы съ лучистыхъ высотъ!
— Выйди, зову тебя вновь:
Въ небо вглядись, отрѣшись отъ заботъ,
Къ вѣчности душу готовь.

Павловскъ.
22-го августа 1900.

Сонеты къ Ночи.

I.

Она плыветъ неслышно надъ землею,
Безмолвная, чарующая ночь;
Она плыветъ и манитъ за собою
И отъ земли меня уноситъ прочь.

И тихой къ ней взываю я мольбою:
— О ты, небесъ таинственная дочь!
Усталому и тѣломъ, и душою
Ты можешь, безтѣлесная, помочь.

Умчи меня въ лазоревыя бездны:
Свой лунный свѣтъ, свой кроткій пламень звѣздный
Во мракъ души глубокій зарони;

И тайною меня обвѣявъ чудной,
Дай отдохнуть отъ жизни многотрудной
И въ сердце миръ и тишину вдохни.

Мраморный дворецъ.
19-го сентября 1904.

II.

Какой восторгъ! Какая тишина!
Благоуханно ночи дуновенье;
И тайною истомой усыпленья
Природа сладостно напоена.

Тепло... Сіяетъ кроткая луна...
И очарованный, въ благоговѣньѣ
Я весь объятъ расцвѣтомъ обновленья,
И надо мною властвуетъ весна.

Апрѣльской ночи полумракъ волшебный
Тебя, мой стихъ мечтательно-хвалебный,
Изъ глубины души опять исторгъ.

Цвѣтущую я созерцаю землю
И, восхищенъ, веснѣ и ночи внемлю...
Какая тишина! Какой восторгъ!

Павловскъ.
21-го апрѣля 1906.

III.

О, лунная ночная красота,
Я предъ тобой опять благоговѣю.
Предъ тишиной и кротостью твоею
Опять нѣмѣютъ грѣшныя уста.

Такъ непорочна эта чистота,
Такъ дѣвственна, что омовенный ею
Восторгомъ я томлюсь и пламенѣю.
Какъ эта ночь, будь, о душа, чиста!

Отдайся вся ея цѣлебной власти,
Забудь земли и помыслы, и страсти,
Дай пронизать себя лучамъ луны.

И просвѣтленнѣй, безтѣлеснѣй ночи,
И мира полная, и тишины,
Ты вѣчности самой заглянешь въ очи.

Осташево.
17-го августа 1909.

МЕЧТЫ И ДУМЫ.

Въ горахъ Гастейна.

Главой вѣнчанною снѣгами
Какъ высоко̀, громада горъ,
Ты вознеслася надъ долами
Въ недосягаемый просторъ!

Что̀ передъ мощью горделивой
Твердыни царственной твоей
Въ борьбѣ тревожно суетливой
Заботы жалкія людей?

Душой изъ дольняго я міра
Стремлюся въ эти высоты̀,
Обитель отдыха и мира,
Пріютъ нетлѣнной чистоты.

Берлинъ.
12-го іюля 1900.

* *
*

Бываютъ свѣтлыя мгновенья:
Земля такъ несравненно хороша!
И неземного восхищенья
Полна душа.

Творцу міровъ благоуханье
Несетъ цвѣтокъ, и птица пѣснь даритъ:
Создателя Его созданье
Благодаритъ.

О, еслибъ воедино слиться
Съ цвѣткомъ и птицею, и всей землей,
И съ ними, какъ они, молиться
Одной мольбой;

Безъ словъ, безъ думы, безъ прошенья
Въ восторгѣ трепетномъ душой горѣть
И въ жизнерадостномъ забвеньѣ
Благоговѣть!

Стрѣльна.
2-го іюля 1902.

Поэту.

Служа поэзіи святой,
Благоговѣйно чти искусство;
Ему отдайся всей душой,
Дари ему и умъ, и чувство.

Будь вѣренъ долгу своему
И, гордый званіемъ поэта,
Преслѣдуй пѣснью ложь и тьму
Во имя истины и свѣта.

На ладъ возвышенный настрой
Свою божественную лиру,
О небесахъ немолчно пой
Ихъ забывающему міру.

Во злѣ лежитъ онъ искони,
Но люди жаждутъ обновленья —
Къ добру и правдѣ ихъ мани
Могучей силой пѣснопѣнья.

Пой о любви толпѣ людской,
Пой величаво, вдохновенно,
Священнодѣйствуя смиренно,
Передъ поэзіей святой.

Мраморный дворецъ.
12-го января 1904.

* *
*

Угасло дитя наше бѣдное
Въ расцвѣтѣ младенческихъ дней;
Все грезится личико блѣдное
Мнѣ милой малютки моей.

Черты ея дѣтски прекрасныя
Не дѣтскую думу таятъ,
А свѣтлыя, чистыя, ясныя
Смежилися очи; ихъ взглядъ

Со строгостью, съ грустью блаженною
Какъ будто во внутрь устремленъ,
Лазурь созерцая нетлѣнную
И ангельскихъ силъ легіонъ.

Надъ гробомъ малютки склоненные,
На милыя глядя черты,
Горюемъ мы, тайной плѣненные
Небесной ея красоты;

И плачемъ, боясь рыданьями
Смутить этотъ сонъ гробовой
Стяжавшей земными страданьями
Безсмертія вѣчный покой.

Павловскъ.
10-го марта 1906.

***

Блаженны мы, когда идемъ
Отважно, твердою стопою
Съ неунывающей душою
Тернистымъ жизненнымъ путемъ;

Когда лукавыя сомнѣнья
Не подрываютъ вѣры въ насъ,
Когда соблазна горькій часъ
И неизбѣжныя паденья

Намъ не преграда на пути,
И мы, возставъ, прахъ отряхая,
Къ вратамъ невѣдомаго края
Готовы бодро вновь идти;

Когда не только дѣлъ и слова,
Но даже мыслей чистоту
Мы возведемъ на высоту,
Все отрѣшаясь отъ земного;

Когда къ Создателю, какъ дымъ
Кадильный, возносясь душою,
Неутомимою борьбою
Себя самихъ мы побѣдимъ.

Иматра.
1-го августа 1907.

* *
*

О, еслибъ совѣсть уберечь,
Какъ небо утреннее, ясной,
Чтобъ непорочностью безстрастной
Дышали дѣло, мысль и рѣчь!

Но силы мрачныя не дремлютъ,
И тучи — дѣти грозъ и бурь —
Небесъ привѣтную лазурь
Тьмой непроглядною объемлютъ.

Какъ пламень солнечныхъ лучей
На небѣ тучи заслоняютъ —
Въ насъ образъ Божій затемняютъ
Зло дѣлъ, ложь мыслей и рѣчей.

Но смолкнутъ грозы, стихнутъ бури
И — всепрощенія привѣтъ —
Опять заблещетъ солнца свѣтъ
Среди безоблачной лазури.

Мы свято совѣсть соблюдемъ,
Какъ небо утреннее, чистой
И радостно тропой тернистой
Къ послѣдней пристани придемъ.

Стрѣльна.
21-го августа 1907.

П. С. Соловьевой

на ея піесу: „Свадьба солнца и весны“.

Со свадьбы солнца и весны
Въ мой зимній сумракъ и морозы,
Какъ упоительные сны,
Ворвались радужныя грезы.

Нежданной радостью дыша,
Твоимъ овѣяна привѣтомъ,
Переполняется душа
Тепломъ живительнымъ и свѣтомъ.

На крыльяхъ ласточекъ твоихъ
Ко мнѣ, свѣжо благоухая,
Несется твой пѣвучій стихъ,
Какъ пѣсня сладостная Мая.

Мнѣ сыплешь полною рукой
Ты цвѣтъ черемухи душистой;
О счастьѣ жаворонокъ твой
Звенитъ въ лазури неба чистой.

Въ душѣ тобой воскрешены
Мечты, восторгъ и вдохновенье...
Прими жь поэта восхищенье,
Пѣвица солнца и весны!

Павловскъ.
3-го марта 1909.

ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО.

Сонеты.

I.

Не только тѣмъ великъ и дорогъ онъ,
Что бранной славой жизнь его богата,
И что нигдѣ онъ не былъ побѣжденъ —
Нѣтъ: вѣрой въ родину была объята

Его душа; той вѣрою силёнъ
Онъ полюбить умѣлъ меньшого брата,
И свѣтлый образъ русскаго солдата,
Нашъ чудо-богатырь въ немъ воплощенъ.

Молитвою готовился онъ къ бою
И, глазомѣръ вѣнчая быстротою
И натискомъ, врага шелъ поражать.

Сразивъ, его щадилъ онъ милосердно:
Вотъ отчего Россія чтитъ усердно
Создателя Науки побѣждать.

Мраморный дворецъ.
23-го декабря 1900.

II.

Твои намъ пѣсни дороги и милы;
Сильна ихъ власть надъ русскою душой.
Высокъ и чистъ ихъ величавый строй
То радостный, то ласково-унылый.

Твой голосъ намъ изъ сумрака могилы
Звучитъ донынѣ ясный и живой:
Онъ намъ поетъ, какъ шелъ на смертный бой
Русланъ вослѣдъ утраченной Людмилы;

Какъ принялъ смерть Сусанинъ отъ враговъ,
Жизнь за Царя безстрашно отдавая
Въ нѣмой глуши средь Костромскихъ лѣсовъ.

И „Славься“ твоего хвала родная
Гремитъ поднесь подъ звонъ колоколовъ
По всей Руси отъ края и до края.

Стрѣльна.
22-го августа 1906.

III.

Посвящается С. Ѳ. Платонову.

Ѳ, ты, могучій тѣломъ и душой,
Богатырей старинныхъ воплощенье,
Всю жизнь и сердца каждое біенье
Ты посвятилъ своей землѣ родной.

Возрождена, просвѣщена тобой,
Русь твоего величья отраженье.
Къ наукамъ ты въ ней пробудилъ влеченье
И засвѣтилъ искусствъ огонь святой.

Тебя въ уныньи не видали бѣды,
И пиръ-горой знаменовалъ побѣды.
Ты былъ солдатъ, матросъ, кузнецъ, токарь...

Тобой горда Россійская держава.
Вовѣкъ тебѣ хвала и честь, и слава,
Законодатель, кормчій, вождь и Царь!

Павловскъ.
6-го марта 1910.

ВЪ СТРОЮ.

Портъ-артурцамъ.

Среди громовъ и молній бури бранной
Твердыни вы незыблемый оплотъ.
Смерть, въ очи вамъ глядяся непрестанно,
Борцамъ вѣнцы безсмертія плететъ.

О, страстотерпцы! Мукой несказанной
Запечатлѣнъ осады грозный годъ...
За ужасы лишеній и невзгодъ
Блеснетъ ли вамъ свободы день желанный?

Вы претерпѣть готовы до конца;
Богатырей въ васъ ожили сердца
Съ ихъ мужествомъ, отвагою и рвеньемъ.

Россіи слава, гордость и любовь,
За подвигъ вашъ, страданія и кровь
Мы скорбью платимъ вамъ и восхищеньемъ.

Псковъ.
8-го декабря 1904.

Кадету.

Сонетъ.

Хоть мальчикъ ты, но сердцемъ сознавая
Родство съ великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой.
Ты не одинъ: орлиная вы стая.

Настанетъ день, и крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно въ смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славныя дѣла
Свершать лишь тѣмъ, въ комъ доблесть
расцвѣла:
Ей нужны трудъ и знанье, и усилья.

Пускай твои ростутъ и крѣпнутъ крылья,
Чтобъ могъ и ты, святымъ огнемъ горя,
Стать головой за Русь и за Царя.

Воронежъ — Вольскъ.
11-го марта 1909.

Юнкеру.

Сонетъ.

Ты — что разсвѣта вешняя заря:
Минула ночь, до дня еще далеко,
Какъ утра блескъ твое сіяетъ око,
Рѣшимостью и удалью горя.

Міръ тѣсенъ для тебя: вдаль за моря
Стремишься ты, за облака высоко
И радъ сражаться съ недругомъ жестоко
За родину, за вѣру, за Царя.

Повѣетъ лѣто за весной прекрасной.
О, встрѣть его, храня душою ясной
Отвагу, доблесть, мужество и честь;

Чтобы закатомъ осени холодной
До зимней тьмы стезею благородной
Свѣтильникъ правды и добра донесть.

Полоцкъ.
6-го декабря 1910.

На 25-лѣтіе Измайловскаго Досуга.

Робко мы въ храмѣ огонь возжигали
 Съ жертвой смиренной своей,
Не проникая туманныя дали
 Жречества будущихъ дней.

Лиру и мечъ мы сплетали цвѣтами
 И не гадали о томъ,
Какъ нашъ алтарь разгорится съ годами
 Свѣтлымъ и жаркимъ огнемъ.

Вамъ завѣщаемъ мы наше служенье:
 Старымъ пора на покой, —
Юное, полное силъ поколѣнье
 Пусть насъ замѣнитъ собой.

О, да не гаснетъ нашъ пламень завѣтный,
 Бережно вами хранимъ!
Пусть онъ пылаетъ отрадный, привѣтный,
 Пусть озаряются имъ

Долго Досуги! Дверь храма родного
Двадцать пять лѣтъ отперта;
Намъ ее отперли эти три слова:
Доблесть, добро, красота.

Павловскъ.
2-го ноября 1909.

ПЕРЕВОДЫ.

Die drei Vögel.

Ich sprach zur Taube: „Flieg und bring im Schnabel
Das Kraut mir Heim, das Liebesrecht verleiht...
Am Ganges blüht's, im alten Land der Fabel...“
Die Taube sprach: „Es ist zu weit!“

Ich sprach zum Adler: „Spanne dein Gefieder
Und für das Herz, das kalt sich mir entzog,
Hol' einen Funken Glut vom Himmel nieder...“
Der Adler sprach: „Es ist zu hoch!..“

Da sprach zum Geier ich: „Reiss aus dem Herzen
Den Namen mir, das drin geschrieben steht:
Vergessen lernen will ich und verschmerzen...“
Der Geier sprach: „Es ist zu spät!..“

Три птицы.

Посвящается А. Л. Герхену.

Я горлицѣ сказалъ: Лети въ тотъ край прекрасный,
Гдѣ плещетъ Ганга тихая волна,
И мнѣ достань цвѣтокъ любви всевластный. —
„Далеко", молвила она.

Орлу сказалъ я: Дай мнѣ молнію изъ тучи;
Любовь, что хладно мной пренебрегла,
Пускай согрѣетъ пламень неба жгучій. —
„Высоко", былъ отвѣтъ орла.

Я коршуну сказалъ: О, выклюй образъ милый,
Запечатлѣнный въ сердца глубинѣ:
Переболѣть, ни позабыть нѣтъ силы...
„Ужь поздно", молвилъ коршунъ мнѣ.

Павловскъ.
26-го ноября 1909.

Ἀσάνδρου Γλυκάρεια δάμαρ, παρὰ πυραμίδος σευ
ἀγχίκρηνον ὕδωρ εἵλκυσα σὺν Βρωμίωι·
δίψος δ' ἀμπαύσας τοῦτ' ἔφρασα· καὶ ζώουσα
καὶ φθιμένη σώζεις τοὺς ἐπιδευομένους.

Посвящается М. И. Ростовцеву *).

Здѣсь, о Гликарія, здѣсь, о царица, Асандра супруга,
Изъ родника твоего выпилъ воды я съ виномъ;
Жажду свою утоливъ, я промолвилъ: и въ жизни и въ смерти
Всѣмъ, кому гибель грозитъ, ты избавленье даришь.

Павловскъ.
28-го января 1910.

*) Фонтанъ у могилы въ Нимфеѣ. Эпиграмма.

Lorenzo Stecchetti.

Quando cadran le foglie e tu verrai
A cercar la mia croce in camposanto,

In un cantuccio la ritroverai
E molti fior le saran nati accanto.

Cògli allor tu pe'tuoi biondi capelli
I fiori nati dal mio cor: son quelli

I canti che pensai ma che non scrissi,
Le parole d' amor che non ti dissi.

Изъ Стеккетти.

Посвящается В. В. Пушкаревой-Котляревской.

Когда спадутъ листы, и ты пойдешь
Искать на кладбищѣ мой крестъ могильный,

Въ укромномъ ты углу его найдешь
И всходъ цвѣтовъ вокругъ него обильный.

Для русыхъ косъ твоихъ сорви же ты
Живые сердца мертваго цвѣты:

То недопѣтыхъ пѣсней расцвѣтанье,
То недосказанной любви признанье.

Мраморный дворецъ.
16-го февраля 1910.

Marquis de Foudras.*)

* *
*

Tu veux être marin, c'est un bien bel étât.
Toute âme généreuse aime cette carrière,
Où même dans la paix on trouve encor la guerre,
Car on a l'ouragan pour repos du combat!

Mais si tu veux la suivre, enfant, avec éclat
Demande chaque jour à Dieu dans ta prière
Le don de ces vertus si rares sur la terre
Qu'il faut au matelot encor plus qu'au soldat:

C'est partout, c'est toujours le mépris de la vie,
C'est avant tout l'amour ardent de la patrie,
C'est l'orgueil du drapeau poussé jusqu'à l'excès.

C'est de mettre au dessus de toute récompense
Le témoignage obscur de notre conscience
C'est le dédain du prix et même du succès!

---

*) Sonnet extrait des „Echos de l'âme" (Paris, 1840).

Изъ маркиза де-Фудра.

Сонетъ.

Посвящается Д. С. Арсеньеву.

Ты въ моряки идешь; то славное влеченье:
Оно плѣняетъ всѣхъ, кто бодръ и смѣлъ душой.
Мятежный океанъ и въ миръ грозитъ войной
И въ бурѣ отдыхъ шлетъ усталому въ сраженьѣ.

Но чтобъ высокое исполнить назначенье,
У Бога доблести проси на подвигъ свой;
Не можетъ обойтись безъ нихъ солдатскій строй,—
Вдвойнѣ ихъ требуетъ — матросское служенье:

Готовься жертвовать и жизнью вмѣстѣ съ кровью,
Люби Отечество горячею любовью
И съ гордой радостью честь флага защищай.

Безчувственъ къ похваламъ, къ наградамъ равнодушенъ
Единой совѣсти внушеньямъ будь послушенъ
И, мздой гнушаяся, успѣхи презирай.

Павловскъ.
7-го мая 1910.

Helene von Engelhardt.

Ein Sangesleben.

I.

Über eines Kindes Wiege
War auf silberhellen Schwingen
Einst ein Engel hingeflogen,
Unter hellem Harfenklingen.

Kinderaugen, Seheraugen!
Von dem Himmelsglanz umwoben
Hat das Kind die Blicke staunend
Zu der Lichtgestalt erhoben.

Und am güldnen Saitenspiele
Blieb entzückt sein Auge hängen, —
Täppisch reckt es seine Ärmchen
Nach der Harf' empor zu langen. —

Und mit ew'ger Lieb' im Antlitz
Neigte sich gar hold und linde
Gottes sel'ger Himmelsbote
Zu dem armen Erdenkinde.

Изъ Елены Энгельгардтъ.

Жизнь пѣсни.

I.

Разъ надъ дѣтской колыбелью
На серебряныхъ крылахъ
Пролеталъ посланникъ рая
Съ арфой ангельской въ рукахъ.

Зорко зрѣнье у ребенка —
Блескомъ неба озаренъ
На видѣнье неземное
Устремляетъ очи онъ,

Съ гостя свѣтлаго не сводитъ
Ихъ и къ арфѣ золотой
Онъ протягиваетъ ручки,
Восхищенъ ея игрой.

Съ нѣжной лаской ниспустился
Изъ лазоревой дали
Неба посланный къ ребенку,
Сыну бѣдному земли.

Breitet über'm kleinen Köpfchen
Segnend aus die Silberschwingen,
Haucht — die Lippen ihm berührend —
„Was du lebst, das sollst du singen."

II.

Tausend Morgensonnen glühten, —
Tausend Abendsonnen lohten, — —
Schlafend in der jungen Seele
Lag das Wort des Himmelsboten.

Doch allmählich flohn die Nebel
Vor dem Hauch des Frühlingswindes,
Und wie dämmerndes Erwachen
Regt sich's in der Brust des Kindes.

Fremde unverstandne Kräfte
Fühlt es nach Entfaltung ringen, —
Ahnungsvoll begehrt's nach Worten —:
Was es lebte, wollt es singen:

Seine Träume wurden Lieder...
Seine Wonnen... seine Tränen...
Seiner Kindheit Lust und Schmerzen...
Seiner Jugend, Glück und Sehnen!..

Онъ простеръ, благословляя,
Крылья надъ его главой;
Устъ его коснувшись, молвилъ:
„Пой, что прожито тобой“.

II.

Много лѣтъ всходило солнце,
Солнце меркло много лѣтъ —
Въ душу дѣтскую запавшій
Дремлетъ ангельскій завѣтъ.

Развѣваются туманы
Отъ весенней теплоты —
И въ душѣ младенца зрѣютъ
Предразсвѣтныя мечты.

Чуетъ онъ приливъ нежданный
Пробуждающихся силъ.
Съ мукой сладкой словъ онъ ищетъ,
Хочетъ пѣть, что пережилъ.

Въ пѣснѣ юноши сказались
Грезы утра, сны ночей,
Дѣтства радости и горе,
Грусть и счастье юныхъ дней.

Schönheitstrunkne Schaffensfreude, —
Wanderfahrt in Wind und Sonne, —
Sturm und Kampf und Heldengrösse...
Licht und Glanz und Liebeswonne...

Was sein glühend Herz begeistert
Muss' im Liede wiederklingen:
Denn ob seiner Wiege rauschten
Harfenschlag und Engelschwingen.

III.

Sinnend, mit gebleichten Locken,
Über herbstlichwelke Blätter,
Schritt ein greiser Sangesmeister,
Rings umtost von Sturm und Wetter.

Schritt dahin — auf wunden Füssen...
Schritt dahin — auf dunklen Wegen...
Sehnend hob er seine Blicke,
Sang ein Lied dem Licht entgegen.

„Greiser Tor," so tönten Stimmen,
„Träumst du noch mit weissen Haaren?
Willst du heut noch Lieder singen,
Siech- und wund- und schmerz-erfahren?!"

Страсти творческой услада,
Бранной сѣчи стонъ и кровь,
Солнце, грозы странствій дальнихъ,
Жажда славы и любовь.

Все, чѣмъ сердце пламенѣло,
Спѣла пѣснь. Не даромъ онъ
Слышалъ смутно въ колыбели
Шелестъ крылъ и арфы звонъ.

III.

Листъ опавшій попирая,
Шелъ задумчиво сѣдой
Престарѣлый пѣснопѣвецъ
Въ бурю осени сырой.

Шелъ онъ, въ кровь изранивъ ноги,
Шелъ по темному пути,
Возводя съ надеждой взоры,
Пѣлъ о свѣтѣ впереди.

„О, безумецъ!“ — говорили
Люди — „грезишь, хоть и сѣдъ,
Все поешь, иль не довольно
Вынесъ горестей и бѣдъ?!“

Und es wandte sich der Alte, —
Wandte lächelnd sich zur Menge,
Und empor wie heimlich Jauchzen
Stiegen seiner Harfe Klänge:

„Ob des Lebens beste Kräfte
Ich schon kämpfend aufgerieben, —
Alle Kämpfe überdauernd
Ist mir eine Kraft geblieben!

Fordert nicht, dass mir im Busen
Meiner Lieder Quell versiege:
Engelsharfen, Silberschwingen
Rauschten über meiner Wiege!

Ob mein Auge Tränen weinet, —
Ob sich's froh zum Licht erhebet, —
Bis die Sonne mich bescheinet
Muss ich singen, was ich lebe!

Bis ich selbst auf Silberschwingen
Einst entrückt der armen Erde,
Anders leben, — anders singen,
Andre Sonnen grüssen werde!"

Кротко старецъ улыбнулся,
Обратясь къ толпѣ людской —
И плѣнительно запѣли
Струны арфы золотой:

„Пусть я лучшія растратилъ
Силы въ жизненномъ бою —
Но одинъ есть даръ: донынѣ
Душу краситъ онъ мою.

„Нѣтъ, не ждите, чтобъ я въ сердцѣ
Пѣсню вольную сокрылъ:
Съ колыбели мнѣ ужь пѣли
Звоны арфы съ плескомъ крылъ.

„Возвожу ли очи къ свѣту,
Лью ли слезы я порой,
Не смолкая должно пѣть мнѣ
Все, что пережито мной,

„До поры, когда умчавшись
На серебряныхъ крылахъ,
Жизнь другую, пѣснь иную
Я узнаю въ небесахъ!“

Осташево.
26-го іюня 1910.

Alfred de Musset.

Rappelle-toi, quand l'Aurore craintive
Ouvre au Soleil son palais enchanté;
Rappelle-toi, lorsque la nuit pensive
Passe en rêvant sous son voile argenté;
A l'appel du plaisir lorsque ton sein palpite,
Aux doux songes du soir lorsque l'ombre t'invite,
Ecoute au fond des bois
Murmurer une voix:
Rappelle-toi.

Rappelle-toi, lorsque les destinées
M'auront de toi pour jamais séparé,
Quand le chagrin, l'exil et les années
Auront flétri ce cœur désespéré;
Songe à mon triste amour, songe à l'adieu suprême.
L'absence ni le temps ne sont rien quand on aime.
Tant que mon cœur battra,
Toujours il te dira:
Rappelle-toi.

Изъ Альфреда де-Мюссе.

Не забывай! Когда заря разсвѣта
Чертогъ волшебный солнцу распахнетъ;
Когда сребристой ризою одѣта
Задумчиво по небу ночь плыветъ;
Когда трепещетъ грудь отъ жажды наслажденій,
И вечеръ сладостныхъ навѣетъ сновидѣній,
О, слушай, лѣсъ шумитъ, —
Тебѣ онъ говоритъ:
Не забывай!

Не забывай, хотя бъ судьба разлукой
Грозила намъ съ тобою навсегда;
Хотя бы блекло съ безнадежной мукой
Въ изгнаньи сердце долгіе года;
Припомни грусть любви, припомни разставанье.
Что̀ даль и время тѣмъ, кто зналъ любви страданье!
Къ тебѣ, пока я живъ,
Стремится мой призывъ:
Не забывай!

Rappelle-toi, quand sous la froide terre
Mon cœur brisé pour toujours dormira;
Rappelle-toi, quand la fleur solitaire
Sur mon tombeau doucement s'ouvrira.
Tu ne me verras plus; mais mon âme immortelle
Reviendra près de toi comme une sœur fidèle.
Écoute, dans la nuit,
Une voix qui gémit:
Rappelle-toi.

Не забывай, когда засну глубоко
Съ разбитымъ сердцемъ я въ землѣ сырой;
Когда цвѣтокъ тихонько, одиноко
Надъ гробовой распустится плитой.
Мнѣ не видать тебя; но вѣрною сестрою
Безсмертная душа все будетъ жить съ тобою.
Услышь въ ночной тиши
Ты стонъ моей души:
Не забывай!

Павловскъ.
30-го декабря 1910.

IPHIGENIE AUF TAURIS.

Goethe.

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.

Гёте.

Iphigenie auf Tauris.

Ein Schauspiel.

PERSONEN:

IPHIGENIE.
THOAS, König der Taurier.
OREST.
PILADES.
ARKAS.

Schauplatz:

Hain vor Dianens Tempel.

Ифигенія въ Тавридѣ.

Драма.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ифигенія.
Ѳоантъ, царь Тавриды.
Орестъ.
Пиладъ.
Аркадъ.

Мѣсто дѣйствія:

Роща при храмѣ Діаны.

Erster Aufzug.

Erster Auftritt.

IPHIGENIE.

Heraus in Eure Schatten, rege Wipfel
Des alten, heil'gen, dichtbelaubten Haines,
Wie in der Göttin stilles Heiligtum
Tret' ich noch jetzt mit schauderndem Gefühl,
Als wenn ich sie zum erstenmal beträte,
Und es gewöhnt sich nicht mein Geist hierher.
So manches Jahr bewahrt mich hier verborgen
Ein hoher Wille, dem ich mich ergebe;
Doch immer bin ich wie im ersten fremd.
Denn ach, mich trennt das Meer von den Geliebten,
Und an dem Ufer steh' ich lange Tage,
Das Land der Griechen mit der Seele suchend;
Und gegen meine Seufzer bringt die Welle
Nur dumpfe Töne brausend mir herüber.
Weh dem, der fern von Eltern und Geschwistern
Ein einsam Leben führt! Ihm zehrt der Gram
Das nächste Glück vor seinen Lippen weg.
Ihm schwärmen abwärts immer die Gedanken
Nach seines Vaters Hallen, wo die Sonne

Дѣйствіе первое.

Явленіе первое.

Ифигенія.

Подъ тѣнь вершинъ колеблющихся древней
Священной, густолиственной дубравы,
Какъ въ тихое святилище богини,
Все съ чувствомъ трепета еще вхожу я,
Какъ будто въ первый разъ сюда вступая,
И здѣсь моя душа не обжилась.
Ужь многіе я годы сокровенно
Хранима здѣсь, покорна высшей волѣ,
Но все чужая, какъ и въ первый годъ.
Ахъ, съ милыми разлучена я моремъ,
По долгимъ днямъ у берега стою,
Душой по греческой землѣ тоскуя;
И на мои стенанія въ отвѣтъ
Глухой лишь гулъ волна несетъ мнѣ. Горе
Тому, кто отъ родителей и братьевъ
Вдали живетъ одинъ. Снѣдаетъ скорбь
Всѣ радости передъ его устами.
Его несутся мысли непрестанно
Въ отцовскіе чертоги, гдѣ впервые

Zuerst den Himmel vor ihm aufschloss, wo
Sich Mitgeborne spielend fest und fester
Mit sanften Banden an einander knüpften.
Ich rechte mit den Göttern nicht; allein
Der Frauen Zustand ist beklagenswert.
Zu Haus und in dem Kriege herrscht der Mann,
Und in der Fremde weiss er sich zu helfen.
Ihn freuet der Besitz; ihn krönt der Sieg!
Ein ehrenvoller Tod ist ihm bereitet.
Wie eng-gebunden ist des Weibes Glück!
Schon einem rauhen Gatten zu gehorchen,
Ist Pflicht und Trost; wie elend, wenn sie gar
Ein feindlich Schicksal in die Ferne treibt!
So hält mich Thoas hier, ein edler Mann,
In ernsten, heil'gen Sklavenbanden fest.
O wie beschämt gesteh' ich, dass ich dir
Mit stillem Widerwillen diene, Göttin,
Dir, meiner Retterin! Mein Leben sollte
Zu freiem Dienste dir gewidmet sein.
Auch hab' ich stets auf dich gehofft und hoffe
Noch jetzt auf dich, Diana, die du mich,
Des grössten Königes verstossne Tochter,
In deinen heil'gen, sanften Arm genommen.
Ja, Tochter Zeus, wenn du den hohen Mann,
Den du, die Tochter fordernd, ängstigtest,
Wenn du den göttergleichen Agamemnon,
Der dir sein Liebstes zum Altare brachte,
Von Trojas umgewandten Mauern rühmlich
Nach seinem Vaterland zurück begleitet,
Die Gattin ihm, Elektren und den Sohn,

Надъ нимъ зажглося солнце въ небесахъ,
Гдѣ сродниковъ среди забавъ все крѣпче
И крѣпче узы нѣжныя сплетали.
Съ богами не тягаюсь я; но женскій
Достоинъ сожалѣнія удѣлъ.
Мужъ, на войнѣ и дома властный, сможетъ
Найтись и на чужбинѣ. Обладаньемъ
Обрадованъ, побѣдою вѣнча̀нъ,
Онъ славную готовъ принять кончину.
Какъ тѣсенъ счастья женщины предѣлъ!
Покорной быть и грубому супругу —
Долгъ и утѣха ей; какъ горько, если
Вдаль занесетъ ее враждебный рокъ!
Такъ и меня Ѳоантъ, достойный мужъ,
Въ священныхъ, строгихъ узахъ рабства держитъ.
О, какъ сознаться стыдно мнѣ, богиня,
Что противъ воли я служу тебѣ,
Защитницѣ моей! Жизнь я должна бы
Обречь тебѣ на вольное служенье.
Я на тебя, Діана, уповала
И нынѣ уповаю; ты меня,
Царя царей отверженную дочь,
Священной, нѣжною рукой пріяла.
Дщерь Зевсова! Коль ты у властелина
Дочь требуя, ему лишь пригрозила:
Коль Агамемнонъ богоравный, въ жертву
На твой алтарь любимицу вознесшій,
Отъ Трои стѣнъ разрушенныхъ, со славой
Тобой сопутствуемъ домой вернулся;
Коль и жену, и сына, и Электру,

Die schönen Schätze, wohl erhalten hast:
So gib auch mich den Meinen endlich wieder
Und rette mich, die du vom Tod errettet,
Auch von dem Leben hier, dem zweiten Tode!

Zweiter Auftritt.

Iphigenie. Arkas.

Arkas.

Der König sendet mich hieher und beut
Der Priesterin Dianens Gruss und Heil.
Dies ist der Tag, da Tauris seiner Göttin
Für wunderbare neue Siege dankt.
Ich eile vor dem König und dem Heer,
Zu melden, dass er kommt und dass es naht.

Iphigenie.

Wir sind bereit, sie würdig zu empfangen,
Und unsre Göttin sieht willkommnem Opfer
Von Thoas' Hand mit Gnadenblick entgegen.

Arkas.

O fänd' ich auch den Blick der Priesterin,
Der werten, vielgeehrten, deinen Blick,
O heil'ge Jungfrau, heller, leuchtender,
Uns allen gutes Zeichen! Noch bedeckt
Der Gram geheimnisvoll dein Innerstes;
Vergebens harren wir schon Jahre lang

Какъ лучшій кладъ, ему ты сберегла,
То и меня къ моимъ верни ты снова
И, какъ отъ смерти разъ спасла, спаси
Отъ жизни здѣсь, гдѣ мнѣ вторая смерть!

Явленіе второе.

Ифигенія. Аркадъ.

Аркадъ.

Я посланный царемъ являюсь; жрицѣ
Діаны шлетъ привѣтъ онъ и поклонъ.
Таврида въ этотъ день свою богиню
За новыя благодаритъ побѣды.
Спѣшу я о царѣ сказать и войскѣ,
Что онъ идетъ, и что оно ужь близко.

Ифигенія.

Готовы мы достойно ихъ принять;
Угодную изъ рукъ Ѳоанта жертву
Богиня благосклоннымъ узритъ окомъ.

Аркадъ.

О, еслибы я также встрѣтить могъ
Взоръ дорогой и многочтимой жрицы,
Твой, о святая дѣва, взоръ, но ясный,
Свѣтящійся, въ знакъ добрый всѣмъ намъ. Скорби
Покровомъ міръ твой внутренній донынѣ
Отъ насъ сокрытъ; годами тщетно ждемъ

Auf ein vertraulich Wort aus deiner Brust.
So lang' ich dich an dieser Stätte kenne,
Ist dies der Blick, vor dem ich immer schaudre;
Und wie mit Eisenbanden bleibt die Seele
Ins Innerste des Busens dir geschmiedet.

IPHIGENIE.

Wie's der Vertriebnen, der Verwaisten ziemt.

ARKAS.

Scheinst du dir hier vertrieben und verwaist?

IPHIGENIE.

Kann uns zum Vaterland die Fremde werden?

ARKAS.

Und dir ist fremd das Vaterland geworden.

IPHIGENIE.

Das ist's, warum mein blutend Herz nicht heilt.
In erster Jugend, da sich kaum die Seele
An Vater, Mutter und Geschwister band,
Die neuen Schösslinge, gesellt und lieblich,
Vom Fuss der alten Stämme himmelwärts
Zu dringen strebten: leider fasste da
Ein fremder Fluch mich an und trennte mich
Von den Geliebten, riss das schöne Band
Mit ehrner Faust entzwei. Sie war dahin,
Der Jugend beste Freude, das Gedeihn
Der ersten Jahre. Selbst gerettet, war

Мы отъ тебя довѣрчиваго слова.
Здѣсь сколько я тебя ни знаю, тотъ-же
Все этотъ взоръ; онъ въ дрожь меня ввергаетъ;
Твоя душа въ желѣзныхъ словно узахъ
Закована во глубинѣ груди.

Ифигенія.

Какъ сиротѣ-изгнанницѣ пристойно.

Аркадъ.

Себя ты мнишь въ сиротствѣ и изгнаньи?

Ифигенія.

Чужбина станетъ ли отчизной намъ?

Аркадъ.

Но чуждою тебѣ отчизна стала.

Ифигенія.

Зато больному сердцу не зажить.
Въ дни юности, едва душа успѣла
Къ родителямъ и братьямъ привязаться,
Мы, новой порослью отъ корня старыхъ
Стволовъ, любовно, дружно къ небесамъ
Стремились; тутъ, увы, меня коснулось
Мнѣ чуждое проклятье и отъ милыхъ
Отторгло какъ желѣзной дланью, узы
Прекрасныя порвавъ. Не стало лучшей
Отрады молодости — первыхъ лѣтъ
Приволья. Я, и спасшись, только тѣнью

Ich nur ein Schatten mir, und frische Lust
Des Lebens blüht in mir nicht wieder auf.

ARKAS.

Wenn du dich so unglücklich nennen willst,
So darf ich dich auch wohl undankbar nennen.

IPHIGENIE.

Dank habt ihr stets.

ARKAS.

Doch nicht den reinen Dank,
Um dessentwillen man die Wohltat tut,
Den frohen Blick, der ein zufriednes Leben
Um ein geneigtes Herz dem Wirte zeigt.
Als dich ein tief-geheimnisvolles Schicksal
Vor so viel Jahren diesem Tempel brachte,
Kam Thoas, dir, als einer Gottgegebnen,
Mit Ehrfurcht und mit Neigung zu begegnen,
Und dieses Ufer ward dir hold und freundlich,
Das jedem Fremden sonst voll Grausens war,
Weil niemand unser Reich vor dir betrat,
Der an Dianens heil'gen Stufen nicht
Nach altem Brauch ein blutig Opfer fiel.

IPHIGENIE.

Frei atmen macht das Leben nicht allein.
Welch Leben ist's, das an der heil'gen Stätte,
Gleich einem Schatten um sein eigen Grab,
Ich nur vertrauern muss? Und nenn' ich das

Своею же была, и жажды жизни
Во мнѣ не возродится свѣжій цвѣтъ.

Products

Аркадъ.

Когда несчастной ты себя считаешь,
Счесть я дерзну тебя неблагодарной.

Ифигенія.

Я благодарностью плачу.

Аркадъ.

Не тою,
Изъ-за которой дѣлаютъ добро,
Не взоромъ радостнымъ довольства жизнью
И склонности сердечной властелину.
Давно, когда таинственной судьбою
Приведена была ты въ этотъ храмъ,
Ѳоантъ тебя, посланницу боговъ,
Съ почтительнымъ расположеньемъ встрѣтилъ.
Тебѣ радушенъ, ласковъ былъ нашъ берегъ,
Столь чужеземцу каждому ужасный:
Здѣсь не было пришельца до тебя,
Кто бъ на священныхъ ступеняхъ Діаны
Не палъ обычая кровавой жертвой.

Ифигенія.

Дышать свободно, значитъ ли то жить?
Но что за жизнь, когда въ святомъ пріютѣ,
Надъ собственной могилой словно тѣнь
Я изнывать должна? И жизнь ли это

Ein fröhlich selbstbewusstes Leben, wenn
Uns jeder Tag, vergebens hingeträumt,
Zu jenen grauen Tagen vorbereitet,
Die an dem Ufer Lethes selbstvergessend
Die Trauerschar der Abgeschiednen feiert?
Ein unnütz Leben ist ein früher Tod;
Dies Frauenschicksal ist vor allen meins.

ARKAS.

Den edlen Stolz, dass du dir selbst nicht gnügest,
Verzeih' ich dir, so sehr ich dich bedaure;
Er raubet den Genuss des Lebens dir.
Du hast hier nichts getan seit deiner Ankunft?
Wer hat des Königs trüben Sinn erheitert?
Wer hat den alten grausamen Gebrauch,
Dass am Altar Dianens jeder Fremde
Sein Leben blutend lässt, von Jahr zu Jahr
Mit sanfter Überredung aufgehalten
Und die Gefangnen vom gewissen Tod
Ins Vaterland so oft zurückgeschickt?
Hat nicht Diane, statt erzürnt zu sein,
Dass sie der blut'gen alten Opfer mangelt,
Dein sanft Gebet in reichem Mass erhört?
Umschwebt mit frohem Fluge nicht der Sieg
Das Heer? und eilt er nicht sogar voraus?
Und fühlt nicht jeglicher ein besser Loos,
Seitdem der König, der uns weis' und tapfer
So lang' geführet, nun sich auch der Milde
In deiner Gegenwart erfreut und uns
Des schweigenden Gehorsams Pflicht erleichtert?

Отрадная, сознательная, если
Насъ каждый день въ безплодныхъ снахъ готовитъ
Къ тѣмъ сумрака и страха днямъ, — что скорбной
Толпой, томясь на Леты берегахъ,
Въ забвеніи умершіе проводятъ?
Безъ пользы жизнь подобна ранней смерти;
То всякой женщины удѣлъ и мой.

Аркадъ.

Достойной гордости уничиженье
Прощаю я, хоть жалко мнѣ тебя.
Она тебѣ любить мѣшаетъ жизнь.
Иль ничего ты не свершила здѣсь?
А кто духъ сумрачный царя разсѣялъ?
Кто древній, полный ужаса обычай —
На жертвенникъ Діаны приносить
Жизнь окровавленныхъ пришельцевъ — кроткимъ
Годъ отъ году здѣсь вывелъ увѣщаньемъ?
Отъ вѣрной смерти плѣнниковъ спасая,
Кто ихъ назадъ въ отчизну отсылалъ?
Иль щедрая Діана, вмѣсто гнѣва,
Что прежнихъ жертвъ кровавыхъ лишена,
Не слышитъ кроткую твою молитву?
Иль радостнымъ полетомъ не паритъ
Побѣда, мчась и упреждая войско?
Иль каждому не лучшій выпалъ жребій
Съ тѣхъ поръ, какъ царь, и мудро, и отважно
Досель царившій, близъ тебя теперь
И въ милости сталъ почерпать отраду,
Безмолвную намъ облегчивъ покорность?

Das nennst du unnütz, wenn von deinem Wesen
Auf Tausende herab ein Balsam träufelt?
Wenn du dem Volke, dem ein Gott dich brachte,
Des neuen Glückes ew'ge Quelle wirst
Und an dem unwirtbaren Todesufer
Dem Fremden Heil und Rückkehr zubereitest?

IPHIGENIE.

Das Wenige verschwindet leicht dem Blick,
Der vorwärts sieht, wieviel noch übrig bleibt.

ARKAS.

Doch lobst du den, der, was er tut, nicht schätzt?

IPHIGENIE.

Man tadelt den, der seine Taten wägt.

ARKAS.

Auch den, der wahren Wert zu stolz nicht achtet,
Wie den, der falschen Wert zu eitel hebt.
Glaub' mir und hör' auf eines Mannes Wort,
Der treu und redlich dir ergeben ist:
Wenn heut der König mit dir redet, so
Erleichtr' ihm, was er dir zu sagen denkt.

IPHIGENIE.

Du ängstest mich mit jedem guten Worte;
Oft wich ich seinem Antrag mühsam aus.

Или въ томъ пользы нѣтъ, что отъ тебя
Какъ бы бальзамъ на всѣхъ на насъ струится?
Что ты, народу данная богами,
Источникъ вѣчный счастья для него,
А пришлецу на побережьи смерти
Спасеніе даруешь и возвратъ?

Ифигенія.

Не видишь малаго, коль остается
Обнять такъ много взоромъ впереди.

Аркадъ.

Ты хвалишь тѣхъ, кто дѣлъ своихъ не цѣнитъ?

Ифигенія.

Хулятъ и тѣхъ, кто взвѣшиваетъ ихъ.

Аркадъ.

И тѣхъ, кто вѣрную имъ цѣну сбавитъ,
И также тѣхъ, кто ложную набьетъ.
Вѣрь мнѣ и слово выслушай отъ мужа,
Который преданъ искренно тебѣ;
Сегодня царь заговоритъ съ тобою:
Въ его рѣчахъ ему ты помоги.

Ифигенія.

Меня страшишь ты каждымъ добрымъ словомъ;
Не разъ я просьбъ его съ трудомъ избѣгла.

ARKAS.

Bedenke, was du tust und was dir nützt.
Seitdem der König seinen Sohn verloren,
Vertraut er wenigen der Seinen mehr,
Und diesen wenigen nicht mehr wie sonst.
Missgünstig sieht er jedes Edlen Sohn
Als seines Reiches Folger an, er fürchtet
Ein einsam hilflos Alter, ja vielleicht
Verwegnen Aufstand und frühzeit'gen Tod.
Der Scythe setzt ins Reden keinen Vorzug,
Am wenigsten der König. Er, der nur
Gewohnt ist zu befehlen und zu tun,
Kennt nicht die Kunst, von weitem ein Gespräch
Nach seiner Absicht langsam fein zu lenken.
Erschwer's ihm nicht durch ein rückhaltend Weigern,
Durch ein vorsätzlich Missverstehen. Geh
Gefällig ihm den halben Weg entgegen.

IPHIGENIE.

Soll ich beschleunigen, was mich bedroht?

ARKAS.

Willst du sein Werben eine Drohung nennen?

IPHIGENIE.

Es ist die schrecklichste von allen mir.

ARKAS.

Gib ihm für seine Neigung nur Vertraun.

Аркадъ.

Какъ поступить, и польза въ чемъ, обдумай.
Съ тѣхъ поръ какъ царь лишился сына, онъ
Уже немногимъ близкимъ довѣряетъ,
Но даже имъ уже не такъ, какъ прежде,
И въ каждомъ родовитомъ сынѣ съ гнѣвомъ
Преемника онъ видитъ, одинокой,
Безсильной старости страшась и даже
Возстанья дерзкаго и ранней смерти.
Не склоненъ скиѳъ растрачивать слова,
А царь тѣмъ менѣе. Ему привычно
Повелѣвать и дѣйствовать; вести
Рѣчь издали, неспѣшно, тонко, ею
По волѣ правя, не искусенъ онъ.
Воздержностью, непониманьемъ строгимъ
Умышленно не затрудняй его;
Но полпути пройди ему навстрѣчу.

Ифигенія.

Должна ль ускорить я, что̀ мнѣ грозитъ?

Аркадъ.

Ты сватовство его зовешь угрозой?

Ифигенія.

Всѣхъ для меня ужаснѣе она.

Аркадъ.

Довѣрьемъ лишь отвѣть расположенью.

IPHIGENIE.

Wenn er von Furcht erst meine Seele löst.

ARKAS.

Warum verschweigst du deine Herkunft ihm?

IPHIGENIE.

Weil einer Priesterin Geheimnis ziemt.

ARKAS.

Dem König sollte nichts Geheimnis sein;
Und ob er's gleich nicht fordert, fühlt er's doch
Und fühlt es tief in seiner grossen Seele,
Dass du sorgfältig dich vor ihm verwahrst.

IPHIGENIE.

Nährt er Verdruss und Unmut gegen mich?

ARKAS.

So scheint es fast. Zwar schweigt er auch von dir;
Doch haben hingeworfne Worte mich
Belehrt, dass seine Seele fest den Wunsch
Ergriffen hat dich zu besitzen. Lass,
O überlass ihn nicht sich selbst, damit
In seinem Busen nicht der Unmut reife
Und dir Entsetzen bringe, du zu spät
An meinen treuen Rat mit Reue denkest!

Ифигенія.

Когда души моей онъ страхъ разсѣетъ.

Аркадъ.

Зачѣмъ предъ нимъ скрываешь ты свой родъ?

Ифигенія.

Затѣмъ, что жрицѣ тайна подобаетъ.

Аркадъ.

Передъ царемъ не должно тайнъ имѣть.
Воздержанъ онъ, но чувствуетъ, — а чувство
Въ душѣ его великой глубоко, —
Какъ передъ нимъ ты тщательно таишься.

Ифигенія.

Питаетъ онъ досаду на меня?

Аркадъ.

Такъ кажется. Молчитъ и о тебѣ онъ;
Но угадалъ я изъ случайныхъ словъ,
Что все сильнѣй въ душѣ его желанье
Тобою обладать. Не оставляй
Его съ самимъ собой, чтобъ недовольство,
Въ груди его созрѣвъ, не ввергло въ ужасъ
Тебя, и чтобы съ позднимъ сожалѣньемъ
Не вспомнила ты добрый мой совѣтъ.

IPHIGENIE.

Wie? Sinnt der König, was kein edler Mann,
Der seinen Namen liebt und dem Verehrung
Der Himmlischen den Busen bändiget,
Je denken sollte? Sinnt er vom Altar
Mich in sein Bette mit Gewalt zu ziehn?
So ruf' ich alle Götter und vor allen
Dianen, die entschlossne Göttin, an,
Die ihren Schutz der Priesterin gewiss
Und Jungfrau einer Jungfrau gern gewährt.

ARKAS.

Sei ruhig! Ein gewaltsam neues Blut
Treibt nicht den König, solche Jünglingstat
Verwegen auszuüben. Wie er sinnt,
Befürcht' ich andern harten Schluss von ihm,
Den unaufhaltbar er vollenden wird;
Denn seine Seel' ist fest und unbeweglich.
Drum bitt' ich dich, vertrau' ihm, sei ihm dankbar,
Wenn du ihm weiter nichts gewähren kannst.

IPHIGENIE.

O sage, was dir weiter noch bekannt ist.

ARKAS.

Erfahr's von ihm. Ich seh' den König kommen;
Du ehrst ihn, und dich heisst dein eigen Herz
Ihm freundlich und vertraulich zu begegnen.
Ein edler Mann wird durch ein gutes Wort
Der Frauen weit geführt.

Ифигенія.

Какъ? То, чего-бъ не вздумалъ ни единый
Мужъ чести, имя любящій свое,
Обузданный безсмертныхъ почитаньемъ,
Замыслилъ царь? Меня возьметъ ли силой
Отъ алтаря на ложе онъ свое?
Ко всѣмъ богамъ я воззову, къ Діанѣ,
Богинѣ смѣлой, раньше всѣхъ; она
Въ своемъ покровѣ жрицѣ не откажетъ;
Ей, дѣвѣ, любо дѣву защищать.

Аркадъ.

О, не тревожься! Пылъ горячей крови
Къ такому юной дерзости насилью
Его не побудитъ. Боюсь, иное,
Жестокое рѣшеніе задумавъ,
Его онъ выполнитъ неудержимо.
Онъ непреклоненъ сильною душой.
Прошу тебя, довѣрься благодарно,
Коль уступить ему не можешь ты.

Ифигенія.

О, что еще, скажи, тебѣ извѣстно?

Аркадъ.

Ты отъ него узнаешь. Царь идетъ.
Его ты чтишь; тебя и сердце учитъ
Привѣтливымъ его встрѣчать довѣрьемъ.
По слову доброму жены пойдетъ
Достойный мужъ далеко.

IPHIGENIE *(allein).*

Zwar seh' ich nicht,
Wie ich dem Rat des Treuen folgen soll;
Doch folg' ich gern der Pflicht, dem Könige
Für seine Wohltat gutes Wort zu geben,
Und wünsche mir, dass ich dem Mächtigen,
Was ihm gefällt, mit Wahrheit sagen möge.

Dritter Auftritt.

IPHIGENIE. THOAS.

IPHIGENIE.

Mit königlichen Gütern segne dich
Die Göttin! Sie gewähre Sieg und Ruhm
Und Reichtum und das Wohl der Deinigen
Und jedes frommen Wunsches Fülle dir,
Dass, der du über viele sorgend herrschest,
Du auch vor vielen seltnes Glück geniessest!

THOAS.

Zufrieden wär' ich, wenn mein Volk mich rühmte;
Was ich erwarb, geniessen andre mehr
Als ich. Der ist am glücklichsten, er sei
Ein König oder ein Geringer, dem
In seinem Hause Wohl bereitet ist.
Du nahmest Teil an meinen tiefen Schmerzen,
Als mir das Schwert der Feinde meinen Sohn,
Den letzten, besten, von der Seite riss.

Ифигенія. *(Одна).*

Не пойму я,
Какъ вѣрнаго послушаться совѣта.
Охотно долгъ исполню, добрымъ словомъ
За царское платить благодѣянье.
Хотѣлось-бы угодное сказать мнѣ
Могучему, лишь правду говоря.

Явленіе третье.

Ифигенія. Θоантъ.

Ифигенія.

Тебя богиня царскимъ достояньемъ
Да наградитъ! Да дастъ тебѣ богатство,
Побѣду, славу, благо всѣмъ твоимъ
И исполненье добрыхъ пожеланій!
Чтобы, надъ многими въ заботахъ правя,
Ты больше многихъ счастья испыталъ.

Θоантъ.

Я былъ бы радъ хвалу стяжать въ народѣ:
Отъ до́бытаго мною больше пользы
Другимъ, чѣмъ мнѣ. Счастливѣй всѣхъ, кто, будь онъ
Царь или нищій, въ собственномъ дому
Благополучіе находитъ. Горе
Глубокое со мной дѣлила ты,
Когда отъ вражьяго меча мой лучшій,
Послѣдній сынъ погибъ со мною рядомъ.

So lang' die Rache meinen Geist besass,
Empfand ich nicht die Öde meiner Wohnung;
Doch jetzt, da ich befriedigt wiederkehre,
Ihr Reich zerstört, mein Sohn gerochen ist,
Bleibt mir zu Hause nichts, das mich ergötze.
Der fröhliche Gehorsam, den ich sonst
Aus einem jeden Auge blicken sah,
Ist nun von Sorg' und Unmut still gedämpft.
Ein jeder sinnt, was künftig werden wird,
Und folgt dem Kinderlosen, weil er muss.
Nun komm' ich heut' in diesen Tempel, den
Ich oft betrat um Sieg zu bitten und
Für Sieg zu danken. Einen alten Wunsch
Trag' ich im Busen, der auch dir nicht fremd
Noch unerwartet ist: ich hoffe, dich
Zum Segen meines Volks und mir zum Segen
Als Braut in meine Wohnung einzuführen.

IPHIGENIE.

Der Unbekannten bietest du zu viel,
O König, an. Es steht die Flüchtige
Beschämt vor dir, die nichts an diesem Ufer
Als Schutz und Ruhe sucht, die du ihr gabst.

THOAS.

Dass du in das Geheimnis deiner Abkunft
Vor mir wie vor dem letzten stets dich hüllest,
Wär' unter keinem Volke recht und gut.
Dies Ufer schreckt die Fremden: das Gesetz
Gebietet's und die Not. Allein von dir,

Пока душа моя пылала местью,
Не ощущалъ я въ домѣ пустоты;
Теперь, когда довольный я вернулся,
Врагъ разоренъ и отомщенъ мой сынъ,
Я дома не найду ни въ чемъ утѣхи.
Бывало, мнѣ веселая покорность
Изъ каждаго сіяла взора; нынѣ-жь
Ее мрачитъ угрюмая забота.
О томъ, что будетъ, помышляютъ всѣ,
Бездѣтному лишь долгъ ихъ подчиняетъ.
Сегодня прихожу я въ этотъ храмъ,
Побѣды гдѣ молилъ и за побѣду
Благодарилъ не разъ. Давно въ груди
Желанье я ношу; оно не будетъ
Невѣдомымъ тебѣ или нежданнымъ:
Хочу себѣ на счастье и народу
Невѣстою въ мой домъ тебя ввести.

Ифигенія.

Царь, ты сулишь безвѣстной слишкомъ много;
Изгнанница въ смущеньи предъ тобой.
На этомъ берегу ей нужны только
Защита и покой, что ты ужь далъ ей.

Ѳоантъ.

Что въ тайну своего происхожденья
Ты предо мной одѣта какъ предъ всѣми,
Любой народъ того бы не одобрилъ.
Нашъ берегъ страшенъ иноземцу: въ томъ
Необходимость и законъ. Ты всѣми

Die jedes frommen Rechts geniesst, ein wohl
Von uns empfangner Gast, nach eignem Sinn
Und Willen ihres Tages sich erfreut,
Von dir hofft' ich Vertrauen, das der Wirt
Für seine Treue wohl erwarten darf.

IPHIGENIE.

Verbarg ich meiner Eltern Namen und
Mein Haus, o König, war's Verlegenheit,
Nicht Misstraun. Denn vielleicht, ach, wüsstest du,
Wer vor dir steht, und welch verwünschtes Haupt
Du nährst und schützest, ein Entsetzen fasste
Dein grosses Herz mit seltnem Schauer an,
Und statt die Seite deines Thrones mir
Zu bieten, triebest du mich vor der Zeit
Aus deinem Reiche, stiessest mich vielleicht,
Eh zu den Meinen frohe Rückkehr mir
Und meiner Wandrung Ende zugedacht ist,
Dem Elend zu, das jeden Schweifenden,
Von seinem Haus Vertriebnen überall
Mit kalter, fremder Schreckenshand erwartet.

THOAS.

Was auch der Rat der Götter mit dir sei,
Und was sie deinem Haus und dir gedenken,
So fehlt es doch, seitdem du bei uns wohnst
Und eines frommen Gastes Recht geniessest,
An Segen nicht, der mir von oben kommt.
Ich möchte schwer zu überreden sein,
Dass ich an dir ein schuldvoll Haupt beschütze.

Правами пользуешься, гостьей, нами
Радушно принятой, проводишь дни
По волѣ ты и прихоти своей;
Я отъ тебя довѣрья ждалъ, какого
Хозяинъ ждетъ за ласковый пріемъ.

Ифигенія.

Я имена родителей и родъ свой,
О, царь, скрывала только изъ смущенья;
Въ томъ недовѣрья не было. О, знай ты,
Кто предъ тобой стоитъ, и что пригрѣлъ ты
Злосчастную, — отчаяньемъ бы сердце
Великое твое затрепетало;
Взамѣнъ того, чтобъ на престолѣ рядомъ
Съ собой сажать, изъ царства своего
Меня бъ изгналъ ты; ранѣе, быть можетъ,
Чѣмъ суждено къ своимъ вернуться мнѣ,
Закончивъ странствіе, ты оттолкнулъ бы
Меня на скорбь, которая скитальцу,
Изгна̀нному изъ дома, всюду страшно
Грозитъ холодной, чуждою рукой.

Θоантъ.

Что̀ бъ о тебѣ ни порѣшили боги,
Къ чему бъ твой родъ съ тобой ни присудили,
Отъ той поры, какъ ты живешь у насъ
И милой гостьи пользуешься правомъ,
Я не лишенъ благословенья свыше.
Меня увѣрить трудно, что въ тебѣ
Я грѣшную оберегаю душу.

IPHIGENIE.

Dir bringt die Wohltat Segen, nicht der Gast.

THOAS.

Was man Verruchten tut, wird nicht gesegnet.
Drum endige dein Schweigen und dein Weigern;
Es fordert dies kein ungerechter Mann.
Die Göttin übergab dich meinen Händen;
Wie du ihr heilig warst, so warst du's mir.
Auch sei ihr Wink noch künftig mein Gesetz:
Wenn du nach Hause Rückkehr hoffen kannst,
So sprech' ich dich von aller Fordrung los.
Doch ist der Weg auf ewig dir versperrt,
Und ist dein Stamm vertrieben oder durch
Ein ungeheures Unheil ausgelöscht,
So bist du mein durch mehr als ein Gesetz.
Sprich offen! und du weisst, ich halte Wort.

IPHIGENIE.

Vom alten Bande löset ungern sich
Die Zunge los, ein langverschwiegenes
Geheimnis endlich zu entdecken. Denn
Einmal vertraut, verlässt es ohne Rückkehr
Des tiefen Herzens sichre Wohnung, schadet,
Wie es die Götter wollen, oder nützt.
Vernimm! Ich bin aus Tantalus' Geschlecht.

THOAS.

Du sprichst ein grosses Wort gelassen aus.
Nennst du den deinen Ahnherrn, den die Welt

Ифигенія.

Не въ гостьѣ, а въ добрѣ благословенье.

Ѳоантъ.

Тамъ, гдѣ нечестье, благодати нѣтъ.
Оставь уклончивость; прерви молчанье;
Къ тебѣ взываетъ мужъ неправды чуждый.
Ты въ руки мнѣ богиней отдана;
Какъ ей, такъ ты и мнѣ была священна;
Намекъ ея да будетъ мнѣ законъ:
Коль ты домой вернуться уповаешь,
То отъ моихъ свободна притязаній.
Но если путь обратный прегражденъ
Тебѣ навѣкъ, и весь твой родъ угасъ
Въ изгнаніи иль бѣдствіи ужасномъ,
То ты моя по всѣмъ законамъ. Все мнѣ
Открой! Ты знаешь: слово я сдержу.

Ифигенія.

Языкъ, молчавшій долго — неохотно
Молчанья узы рветъ, чтобъ наконецъ
Давно скрываемую выдать тайну.
Когда жь она повѣдана, то сердца
Тайникъ покинувъ навсегда, по волѣ
Боговъ приноситъ пользу или вредъ.
Узнай же: изъ Танталова я рода.

Ѳоантъ.

Ты важное спокойно молвишь слово.
Того ли предкомъ ты зовешь, о комъ

Als einen ehmals Hochbegnadigten
Der Götter kennt? Ist's jener Tantalus,
Den Jupiter zu Rat und Tafel zog,
An dessen alterfahrnen, vielen Sinn
Verknüpfenden Gesprächen Götter selbst,
Wie an Orakelsprüchen sich ergötzten?

IPHIGENIE.

Er ist es; aber Götter sollten nicht
Mit Menschen wie mit ihres gleichen wandeln;
Das sterbliche Geschlecht ist viel zu schwach,
In ungewohnter Höhe nicht zu schwindeln.
Unedel war er nicht und kein Verräter,
Allein zum Knecht zu gross und zum Gesellen
Des grossen Donnrers nur ein Mensch. So war
Auch sein Vergehen menschlich; ihr Gericht
War streng, und Dichter singen: Übermut
Und Untreu stürzten ihn von Jovis Tisch
Zur Schmach des alten Tartarus hinab.
Ach, und sein ganz Geschlecht trug ihren Hass!

THOAS.

Trug es die Schuld des Ahnherrn oder eigne?

IPHIGENIE.

Zwar die gewalt'ge Brust und der Titanen
Kraftvolles Mark war seiner Söhn' und Enkel
Gewisses Erbteil; doch es schmiedete
Der Gott um ihre Stirn ein ehern Band.
Rat, Mässigung und Weisheit und Geduld

Весь міръ слыхалъ, что милости безсмертныхъ
Онъ нѣкогда стяжалъ? Того Тантала,
Съ кѣмъ раздѣлялъ Зевесъ совѣтъ и столъ?
Чьей мудрою и опытной бесѣдой
Свой услаждали слухъ и сами боги,
Какъ вѣщими оракула рѣчами?

Ифигенія.

Его я назвала. Богамъ не должно бъ
Какъ съ равнымъ обходиться съ человѣкомъ.
Такъ слабы смертные! Ихъ голова
На высотахъ несвойственныхъ кружится.
Не низокъ, чуждъ измѣнѣ, былъ онъ слишкомъ
Великъ, чтобъ стать рабомъ при Громовержцѣ;
Чтобъ равнымъ стать — онъ былъ лишь человѣкъ.
И грѣхъ его былъ человѣченъ. Строго
Онъ осужденъ. Пѣвцы поютъ, что гордость
Съ невѣрностью отъ Зевсова стола
Его на срамъ низвергли въ Тартаръ древній.
И гнѣвъ боговъ весь родъ его постигъ.

Ѳоантъ.

За предка ли вину, иль за свою?

Ифигенія.

Грудь крѣпкая, Титановъ мощь и сила
Наслѣдьемъ сыновей его и внуковъ
Отчасти были; но вокругъ чела имъ
Богъ выковалъ желѣзный словно обручъ.
Совѣтъ, воздержность, мудрость и терпѣнье

Verbarg er ihrem scheuen, düstern Blick;
Zur Wut ward ihnen jegliche Begier,
Und grenzenlos drang ihre Wut umher.
Schon Pelops, der Gewaltig-wollende,
Des Tantalus geliebter Sohn, erwarb
Sich durch Verrat und Mord das schönste Weib,
Önomaus' Erzeugte, Hippodamien.
Sie bringt den Wünschen des Gemahls zwei Söhne,
Thyest und Atreus. Neidisch sehen sie
Des Vaters Liebe zu dem ersten Sohn
Aus einem andern Bette wachsend an.
Der Hass verbindet sie, und heimlich wagt
Das Paar im Brudermord die erste Tat.
Der Vater wähnet Hippodamien
Die Mörderin, und grimmig fordert er
Von ihr den Sohn zurück, und sie entleibt
Sich selbst —

THOAS.

Du schweigest? Fahre fort zu reden!
Lass dein Vertraun dich nicht gereuen! Sprich!

IPHIGENIE.

Wohl dem, der seiner Väter gern gedenkt,
Der froh von ihren Taten, ihrer Grösse
Den Hörer unterhält und still sich freuend
Ans Ende dieser schönen Reihe sich
Geschlossen sieht! Denn es erzeugt nicht gleich
Ein Haus den Halbgott noch das Ungeheuer;
Erst eine Reihe Böser oder Guter

Онъ скрылъ отъ дикихъ, тусклыхъ взоровъ ихъ.
Въ неистовство ихъ прихоть превращалась,
Неистово бушуя безъ границъ.
Уже могучій волею Пелопъ,
Тантала сынъ, измѣной и убійствомъ
Себѣ, всѣхъ женъ прекраснѣйшую, въ жены
Взялъ Ипподамію, дочь Ойномая.
Она ему родила двухъ сыновъ,
Ѳіеста и Атрея. Имъ на зависть
Отцомъ любимъ былъ первородный сынъ,
Что̀ отъ другой произошелъ постели.
И, ненавидя, братья совершаютъ
Въ братоубійствѣ первое злодѣйство.
Убійцей Ипподамію считая,
Сталъ грозно требовать отецъ, чтобъ сына
Она вернула; и лишила жизни
Себя она —

Ѳоантъ.

Молчишь ты? Продолжай!
Не сожалѣй, что мнѣ открылась! Дальше!

Ифигенія.

Блаженъ, кто любитъ поминать отцовъ,
Кто радъ повѣствовать о ихъ дѣяньяхъ,
О ихъ величіи, съ отрадой тайной
Весь этотъ рядъ прекрасный заключить
Собой. Въ роду являются не сразу
Чудовище иль полубогъ: рядъ цѣлый
Минуетъ или злыхъ, иль добрыхъ прежде,

Bringt endlich das Entsetzen, bringt die Freude
Der Welt hervor. — Nach ihres Vaters Tode
Gebieten Atreus und Thyest der Stadt,
Gemeinsam-herrschend. Lange konnte nicht
Die Eintracht dauern. Bald entehrt Thyest
Des Bruders Bette. Rächend treibet Atreus
Ihn aus dem Reiche. Tückisch hatte schon
Thyest, auf schwere Taten sinnend, lange
Dem Bruder einen Sohn entwandt und heimlich
Ihn als den seinen schmeichelnd auferzogen.
Dem füllet er die Brust mit Wut und Rache
Und sendet ihn zur Königsstadt, dass er
Im Oheim seinen eignen Vater morde.
Des Jünglings Vorsatz wird entdeckt; der König
Straft grausam den gesandten Mörder, wähnend,
Er tödte seines Bruders Sohn. Zu spät
Erfährt er, wer vor seinen trunknen Augen
Gemartert stirbt; und die Begier der Rache
Aus seiner Brust zu tilgen, sinnt er still
Auf unerhörte Tat. Er scheint gelassen,
Gleichgültig und versöhnt, und lockt den Bruder
Mit seinen beiden Söhnen in das Reich
Zurück, ergreift die Knaben, schlachtet sie
Und setzt die ekle, schaudervolle Speise
Dem Vater bei dem ersten Mahle vor.
Und da Thyest an seinem Fleische sich
Gesättigt, eine Wehmut ihn ergreift,
Er nach den Kindern fragt, den Tritt, die Stimme
Der Knaben an des Saales Türe schon
Zu hören glaubt, wirft Atreus grinsend

Чѣмъ наконецъ страшилище родится
Иль радость міра: — Умеръ лишь отецъ,
Атрей сталъ городомъ съ Ѳіестомъ править
Совмѣстно. Долго длиться не могло
Согласье ихъ. И вскорѣ обезчестилъ
Ѳіестъ постелю брата. Въ отомщенье
Изгналъ его Атрей. Замысливъ злое,
Ѳіестъ коварный ужь давно у брата
Похитилъ сына и, какъ своего,
Въ притворныхъ ласкахъ воспиталъ тайкомъ.
Ему вселилъ онъ въ душу месть и ярость
И подослалъ его въ столицу, чтобы
Отца родного въ дядѣ онъ убилъ.
Открылся замыселъ; жестоко царь
Подосланнаго покаралъ убійцу,
Его племянникомъ считая. Поздно
Узналъ онъ, чьей мучительною смертью
Упился взоръ его; чтобы въ груди
Пылъ мести утолить, задумалъ онъ
Неслыханное дѣло. Притворясь
Спокойнымъ, равнодушнымъ, примиреннымъ,
Къ себѣ съ обоими сынами брата
Онъ заманилъ. Дѣтей, схвативъ, заклали
И блюдомъ омерзительнымъ и страшнымъ
Отцу на первомъ подали пиру.
Когда жь, насытившись своей же плотью,
Ѳіестъ, охваченъ нѣжностью, спросилъ
Объ отрокахъ, ихъ голосъ, ихъ шаги
Какъ будто слыша за дверьми чертога,
Атрей съ злораднымъ хохотомъ предъ нимъ

Ihm Haupt und Füsse der Erschlagnen hin. —
Du wendest schaudernd dein Gesicht, o König:
So wendete die Sonn' ihr Antlitz weg
Und ihren Wagen aus dem ew'gen Gleise.
Dies sind die Ahnherrn deiner Priesterin;
Und viel unseliges Geschick der Männer,
Viel Taten des verworrnen Sinnes deckt
Die Nacht mit schweren Fittigen und lässt
Uns nur in grauenvolle Dämmrung sehn.

THOAS.

Verbirg sie schweigend auch. Es sei genug
Der Greuel! Sage nun, durch welch ein Wunder
Von diesem wilden Stamme du entsprangst.

IPHIGENIE.

Des Atreus ältster Sohn war Agamemnon:
Er ist mein Vater. Doch ich darf es sagen,
In ihm hab' ich seit meiner ersten Zeit
Ein Muster des vollkommnen Manns gesehn.
Ihm brachte Klytämnestra mich, den Erstling
Der Liebe, dann Elektren. Ruhig herrschte
Der König, und es war dem Hause Tantals
Die lang' entbehrte Rast gewährt. Allein
Es mangelte dem Glück der Eltern noch
Ein Sohn; und kaum war dieser Wunsch erfüllt,
Dass zwischen beiden Schwestern nun Orest,
Der Liebling, wuchs, als neues Übel schon
Dem sichern Hause zubereitet war.
Der Ruf des Krieges ist zu euch gekommen,

Убитыхъ головы и ноги бросилъ. —
Царь, отвративъ лицо, ты содрогнулся:
Такъ солнце ликъ свой отвратило, вѣчный
Путь колесницы измѣнивъ своей.
Такъ вотъ кто были предки царской жрицы!
И много жребіевъ злосчастныхъ, много
Безумія дѣяній покрываетъ
Тяжелыми крылами ночь, давая
Намъ только страшный сумракъ разглядѣть.

Ѳоантъ.

Въ молчаніи и ты сокрой же ихъ.
Довольно ужасовъ! Какимъ же чудомъ
Явилась въ этомъ дикомъ родѣ ты?

Ифигенія.

Атрея старшій сынъ былъ Агамемнонъ:
То мой отецъ. И въ правѣ я сказать,
Что видѣла я съ самыхъ раннихъ лѣтъ
Въ немъ совершеннѣйшаго мужа образъ.
Меня ему родила Клитемнестра,
Какъ первый плодъ любви, потомъ Электру.
Царь мирно властвовалъ; въ дому Тантала
Насталъ такъ долго жданный отдыхъ. Но
Недоставало счастью только сына;
Когда жь исполнилось желанье это
И между двухъ сестеръ теперь Орестъ,
Любимецъ, росъ, ужь новая бѣда
Готовилась упроченному дому.
Донесся и до васъ слухъ о войнѣ,

Der, um den Raub der schönsten Frau zu rächen,
Die ganze Macht der Fürsten Griechenlands
Um Trojens Mauern lagerte. Ob sie
Die Stadt gewonnen, ihrer Rache Ziel
Erreicht, vernahm ich nicht. Mein Vater führte
Der Griechen Heer. In Aulis harrten sie
Auf günst'gen Wind vergebens: denn Diane,
Erzürnt auf ihren grossen Führer, hielt
Die Eilenden zurück und forderte
Durch Kalchas' Mund des Königs ältste Tochter.
Sie lockten mit der Mutter mich ins Lager;
Sie rissen mich vor den Altar und weihten
Der Göttin dieses Haupt. — Sie war versöhnt:
Sie wollte nicht mein Blut, und hüllte rettend
In eine Wolke mich; in diesem Tempel
Erkannt' ich mich zuerst vom Tode wieder.
Ich bin es selbst, bin Iphigenie,
Des Atreus Enkel, Agamemnons Tochter,
Der Göttin Eigentum, die mit dir spricht.

THOAS.

Mehr Vorzug und Vertrauen geb' ich nicht
Der Königstochter als der Unbekannten.
Ich wiederhole meinen ersten Antrag:
Komm, folge mir und teile, was ich habe.

IPHIGENIE.

Wie darf ich solchen Schritt, o König, wagen?
Hat nicht die Göttin, die mich rettete,
Allein das Recht auf mein geweihtes Leben?

Что за увозъ прекраснѣйшей изъ женъ
Въ отмщенье собрала подъ стѣны Трои
Всѣ полчища князей Эллады. Взять ли
Былъ ими городъ и достигла ль цѣли
Ихъ месть, я не узнала. Войска грековъ
Вождемъ былъ мой отецъ. Въ Авлидѣ тщетно
Попутнаго они прождали вѣтра:
Діана въ гнѣвѣ на вождя стремленье
Ихъ задержала, требуя устами
Калханта дочь старѣйшую царя.
Въ станъ заманили мать мою со мною
И эту голову предъ алтаремъ
Богинѣ обрекли. — Она смягчилась:
Не надо было крови ей; она
Спасла меня, скрывъ облакомъ. Отъ смерти
Въ себя пришла лишь въ этомъ храмѣ я.
Съ тобою Ифигенія сама,
Дочь Агамемнона, Атрея внука,
Избранница богини говоритъ.

Ѳоантъ.

Не больше предпочтенья и довѣрья
Дарю царевнѣ я, чѣмъ неизвѣстной.
Свое я повторяю предложенье:
Приди, дѣли со мной все, что̀ мое.

Ифигенія.

На этотъ шагъ, о царь, какъ мнѣ рѣшиться?
Не въ правѣ ль спасшая меня богиня
Одна владѣть ей посвященной жизнью?

Sie hat für mich den Schutzort ausgesucht,
Uud sie bewahrt mich einem Vater, den
Sie durch den Schein genug gestraft, vielleicht
Zur schönsten Freude seines Alters hier.
Vielleicht ist mir die frohe Rückkehr nah;
Und ich, auf ihren Weg nicht achtend, hätte
Mich wider ihren Willen hier gefesselt?
Ein Zeichen bat ich, wenn ich bleiben sollte.

THOAS.

Das Zeichen ist, dass du noch hier verweilst.
Such' Ausflucht solcher Art nicht ängstlich auf.
Man spricht vergebens viel, um zu versagen;
Der andre hört von allem nur das Nein.

IPHIGENIE.

Nicht Worte sind es, die nur blenden sollen;
Ich habe dir mein tiefstes Herz entdeckt.
Und sagst du dir nicht selbst, wie ich dem Vater,
Der Mutter, den Geschwistern mich entgegen
Mit ängstlichen Gefühlen sehnen muss?
Dass in den alten Hallen, wo die Trauer
Noch manchmal stille meinen Namen lispelt,
Die Freude wie um eine Neugeborne
Den schönsten Kranz von Säul' an Säulen schlinge?
O sendetest du mich auf Schiffen hin!
Du gäbest mir und allen neues Leben.

THOAS.

So kehr' zurück! Tu, was dein Herz dich heisst,
Und höre nicht die Stimme guten Rats

Мнѣ избрала пристанище она
И бережетъ здѣсь для отца, что ею
Довольно былъ наказанъ, можетъ быть
Какъ радость лучшую ему подъ старость.
Ужь близокъ, можетъ быть, возвратъ счастливый,
А здѣсь, съ путемъ богини не считаясь,
Ей вопреки, себя связала бъ я?
Просила я намека здѣсь остаться ль.

Ѳоантъ.

Въ томъ и намекъ, — что ты еще у насъ.
Не прибѣгай опасливо къ уловкамъ.
Кто хочетъ отказать, напрасно тратитъ
Слова: одно въ нихъ только слышно: нѣтъ.

Ифигенія.

Не ослѣпить словами я хочу;
Передъ тобой всю душу я раскрыла.
Ужель не знаешь ты, какъ по отцѣ,
По матери и братьямъ въ боязливыхъ
Мечтахъ тоскуя, къ нимъ стремлюся я?
Какъ средь палатъ старинныхъ, гдѣ печаль
Мое тихонько шепчетъ имя, радость
Въ честь новоявленной ряды колоннъ
Душистыми вѣнками обвила бы?
На кораблѣ уславъ меня туда,
Жизнь новую ты мнѣ и всѣмъ вернулъ бы!

Ѳоантъ.

Вернись домой! Влеченью сердца слѣдуй,
Не слушай го̀лоса благихъ совѣтовъ

Und der Vernunft! Sei ganz ein Weib und gib
Dich hin dem Triebe, der dich zügellos
Ergreift und dahin oder dorthin reisst!
Wenn ihnen eine Lust im Busen brennt,
Hält vom Verräter sie kein heilig Band,
Der sie dem Vater oder dem Gemahl
Aus langbewährten, treuen Armen lockt;
Und schweigt in ihrer Brust die rasche Glut,
So dringt auf sie vergebens treu und mächtig
Die Überredung goldne Zunge los.

IPHIGENIE.

Gedenk', o König, deines edeln Wortes!
Willst du mein Zutraun so erwidern? Du
Schienst vorbereitet alles zu vernehmen.

THOAS.

Aufs Ungehoffte war ich nicht bereitet;
Doch sollt' ich's auch erwarten; wusst' ich nicht,
Dass ich mit einem Weibe handeln ging?

IPHIGENIE.

Schilt nicht, o König, unser arm Geschlecht.
Nicht herrlich wie die euern, aber nicht
Unedel sind die Waffen eines Weibes.
Glaub' es, darin bin ich dir vorzuziehn,
Dass ich dein Glück mehr als du selber kenne.
Du wähnest, unbekannt mit dir und mir,
Ein näher Band werd' uns zum Glück vereinen.
Voll guten Mutes wie voll guten Willens,

И разума! Будь женщиной, отдайся
На волю прихотей, неудержимо
Тебя туда влекущихъ и сюда.
Коль въ женщинѣ желанье возгорится,
Для милаго, священнѣйшія узы
Порвавъ, она супруга иль отца
Надежныя объятья забываетъ;
Когда же въ ней пылъ страсти не горитъ,
Тогда напрасны убѣжденій сила
И золотыя, вѣрныя слова.

Ифигенія.

Свое, о, царь, припомни обѣщанье!
Такъ отвѣчаешь на довѣрье ты?
Ты все готовъ былъ выслушать, казалось.

Ѳоантъ.

Я не былъ на нежданное готовъ,
Но ждать того былъ долженъ: иль не зналъ я,
Что дѣло буду съ женщиной имѣть?

Ифигенія.

Не поноси, о, царь, нашъ слабый полъ.
Блистательностью съ вашимъ не сравнится,
Но не презрѣнно женщины оружье.
Есть преимущество за мной, повѣрь,
Въ томъ, что твое я лучше знаю счастье.
Ты мнишь, хоть оба мы того не знаемъ,
Что счастье намъ тѣснѣйшій дастъ союзъ.
Благоволенья, благодушья полный,

Dringst du in mich, dass ich mich fügen soll;
Und hier dank' ich den Göttern, dass sie mir
Die Festigkeit gegeben, dieses Bündnis
Nicht einzugehen, das sie nicht gebilligt.

THOAS.

Es spricht kein Gott; es spricht dein eignes Herz.

IPHIGENIE.

Sie reden nur durch unser Herz zu uns.

THOAS.

Und hab' ich sie zu hören nicht das Recht?

IPHIGENIE.

Es überbraust der Sturm die zarte Stimme.

THOAS.

Die Priesterin vernimmt sie wohl allein?

IPHIGENIE.

Vor allen andern merke sie der Fürst.

THOAS.

Dein heilig Amt und dein geerbtes Recht
An Jovis Tisch bringt dich den Göttern näher
Als einen erdgebornen Wilden.

IPHIGENIE.

So
Büss' ich nun das Vertraun, das du erzwangst.

Ты требуешь чтобъ подчинилась я;
И вотъ, боговъ благодарю я нынѣ
За то, что мнѣ они послали твердость
Союзъ имъ нежеланный отклонить.

Ѳоантъ.

Твое тò сердце говоритъ, не боги.

Ифигенія.

Чрезъ сердце лишь намъ говорятъ они.

Ѳоантъ.

А развѣ я не въ правѣ слышать ихъ?

Ифигенія.

Ихъ нѣжный голосъ буря заглушаетъ.

Ѳоантъ.

Одна, конечно, жрица слышитъ ихъ?

Ифигенія.

Но раньше всѣхъ царю внимать имъ должно.

Ѳоантъ.

Священнымъ саномъ и по праву предка
Дѣлить съ Зевесомъ столъ къ богамъ ты ближе,
Чѣмъ я, дикарь лишь земнородный.

Ифигенія.

Такъ-то
За вырванное я плачусь довѣрье!

THOAS.

Ich bin ein Mensch; und besser ist's, wir enden.
So bleibe denn mein Wort: Sei Priesterin
Der Göttin, wie sie dich erkoren hat;
Doch mir verzeih' Diane, dass ich ihr
Bisher mit Unrecht und mit innerm Vorwurf
Die alten Opfer vorenthalten habe.
Kein Fremder nahet glücklich unserm Ufer;
Von alters her ist ihm der Tod gewiss.
Nur du hast mich mit einer Freundlichkeit,
In der ich bald der zarten Tochter Liebe,
Bald stille Neigung einer Braut zu sehn
Mich tief erfreute, wie mit Zauberbanden
Gefesselt, dass ich meiner Pflicht vergass.
Du hattest mir die Sinnen eingewiegt,
Das Murren meines Volks vernahm ich nicht;
Nun rufen sie die Schuld von meines Sohnes
Frühzeit'gem Tode lauter über mich.
Um deinetwillen halt' ich länger nicht
Die Menge, die das Opfer dringend fordert.

IPHIGENIE.

Um meinetwillen hab' ich's nie begehrt.
Der missversteht die Himmlischen, der sie
Blutgierig wähnt; er dichtet ihnen nur
Die eignen grausamen Begierden an.
Entzog die Göttin mich nicht selbst dem Priester?
Ihr war mein Dienst willkommner als mein Tod.

Θоантъ.

Я — человѣкъ; итакъ намъ лучше кончить.
Пусть будетъ такъ, какъ обѣщалъ я: жрицей
Богини будь, какъ призвана ты ею.
Но да проститъ Діана, что ее
Доселѣ, незаконно и въ душѣ
Себя коря, лишалъ я прежнихъ жертвъ.
Кто бъ ни ступалъ на берегъ нашъ, отъ вѣка
Здѣсь вѣрная ему грозила смерть.
Одна привѣтливость твоя, въ которой
То дочери любовь я видѣлъ, то
Невѣсты склонность съ радостью глубокой
Угадывалъ, меня околдовала
И позабыть заставила мой долгъ.
Ты усыпила бдительность во мнѣ;
Не слышалъ я, какъ ропщетъ мой народъ,
И нынѣ громче все въ вину мнѣ ставитъ
Онъ сына преждевременную смерть.
Не удержать ужь мнѣ тебѣ въ угоду
Толпы, настойчиво просящей жертвъ.

Ифигенія.

Отвергла ихъ я не себѣ въ угоду.
Мы на боговъ клевещемъ, почитая
Ихъ кровожадными; свое же имъ
Жестокосердіе мы придаемъ.
Изъ рукъ жреца не я ль взята богиней?
Угоднѣй смерти ей мое служенье.

THOAS.

Es ziemt sich nicht für uns, den heiligen
Gebrauch mit leicht beweglicher Vernunft
Nach unserm Sinn zu deuten und zu lenken.
Tu deine Pflicht, ich werde meine tun.
Zwei Fremde, die wir in des Ufers Höhlen
Versteckt gefunden, und die meinem Lande
Nichts Gutes bringen, sind in meiner Hand.
Mit diesen nehme deine Göttin wieder
Ihr erstes, rechtes, lang' entbehrtes Opfer!
Ich sende sie hieher; du weisst den Dienst.

Vierter Auftritt.

IPHIGENIE *(allein)*.

Du hast Wolken, gnädige Retterin,
Einzuhüllen unschuldig Verfolgte,
Und auf Winden dem ehrnen Geschick sie
Aus den Armen, über das Meer,
Über der Erde weiteste Strecken
Und wohin es dir gut dünkt, zu tragen.
Weise bist du und siehest das Künftige;
Nicht vorüber ist dir das Vergangne,
Und dein Blick ruht über den Deinen,
Wie dein Licht, das Leben der Nächte,
Über der Erde ruhet und waltet.
O enthalte vom Blut meine Hände!
Nimmer bringt es Segen und Ruhe;

Θоантъ.

Не должно намъ обычаевъ священныхъ
По своему сознанью исправлять
И шаткимъ истолковывать разсудкомъ.
Свой долгъ исполни — я исполню мой.
Два чужеземца найдены въ прибрежной
Пещерѣ; краю моему добра
Имъ не принесть. Они въ моихъ рукахъ.
Да приметъ ихъ твоя богиня снова
Законной, первой, долгожданной жертвой!
Я ихъ пришлю сюда: обрядъ ты знаешь.

Явленіе четвертое.

Ифигенія *(одна).*

Облака у тебя, о, защитница,
Чтобъ укрыть неповинно гонимыхъ,
У желѣзной судьбы ихъ исхитивъ,
И по вѣтру унесть за моря,
За широкія дали земныя,
И куда повелѣть ты захочешь.
Тебѣ, мудрой, открыто грядущее:
Предъ тобою былое не минуло,
И твой взоръ блюдетъ тебѣ вѣрныхъ,
А твой свѣтъ — жизнь мрака ночного —
Надъ землею покоясь царитъ.
О, избавь эти руки отъ крови!
Не принесть ей счастья и мира;

Und die Gestalt des zufällig Ermordeten
Wird auf des traurig-unwilligen Mörders
Böse Stunden lauern und schrecken.
Denn die Unsterblichen lieben der Menschen
Weit verbreitete gute Geschlechter,
Und sie fristen das flüchtige Leben
Gerne dem Sterblichen, wollen ihm gerne
Ihres eigenen, ewigen Himmels
Mitgeniessendes fröhliches Anschaun
Eine Weile gönnen und lassen.

И случайно убитаго призракъ
Будетъ скорбью убійцу невольнаго
Въ часъ недобрый стеречь и пугать.
Ибо мило безсмертнымъ, чтобъ добрыми
Поколѣньями люди плодились,
Любо жизнь мимолетную смертному
Имъ продлить, любо имъ созерцаньемъ
Ихъ родного, ихъ вѣчнаго неба
Съ нимъ дѣлиться и эту усладу
На мгновенье ему даровать.

Zweiter Aufzug.

Erster Auftritt.

Orest. Pylades.

Orest.

Es ist der Weg des Todes, den wir treten:
Mit jedem Schritt wird meine Seele stiller.
Als ich Apollen bat, das grässliche
Geleit der Rachegeister von der Seite
Mir abzunehmen, schien er Hilf' und Rettung
Im Tempel seiner vielgeliebten Schwester,
Die über Tauris herrscht, mit hoffnungsreichen,
Gewissen Götterworten zu versprechen;
Und nun erfüllet sich's, dass alle Not
Mit meinem Leben völlig enden soll.
Wie leicht wird's mir, dem eine Götterhand
Das Herz zusammendrückt, den Sinn betäubt,
Dem schönen Licht der Sonne zu entsagen.
Und sollen Atreus' Enkel in der Schlacht
Ein siegbekröntes Ende nicht gewinnen,
Soll ich wie meine Ahnen, wie mein Vater,
Als Opfertier im Jammertode bluten:

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

Орестъ. Пиладъ.

Орестъ.

Ступаемъ мы по смертному пути
Душа моя спокойнѣй съ каждымъ шагомъ.
Когда молилъ у Феба я защиты
Отъ духовъ мщенія погони страшной,
Онъ помощь и спасенье въ храмѣ милой
Ему сестры, царящей надъ Тавридой,
Мнѣ словомъ вѣрнымъ, божескимъ, богатымъ
Надеждою, казалось, обѣщалъ;
Оно сбывается, и вмѣстѣ съ жизнью
И бѣдствіямъ моимъ конецъ приходитъ.
Божественная длань мнѣ сжала сердце
И усыпила умъ, и мнѣ легко
Отъ свѣта солнца яркаго отречься.
Когда не суждено Атрея внукамъ
Въ бою стяжать съ концомъ вѣнецъ побѣдный;
Когда, какъ предки, какъ отецъ, я кровь
Пролью живою жертвой въ жалкой смерти —

So sei es! Besser hier vor dem Altar,
Als im verworfnen Winkel, wo die Netze
Der nahverwandte Meuchelmörder stellt.
Lasst mir so lange Ruh, ihr Unterird'schen,
Die nach dem Blut ihr, das von meinen Tritten
Hernieder träufelnd meinen Pfad bezeichnet,
Wie losgelassne Hunde spürend hetzt!
Lasst mich, ich komme bald zu euch hinab;
Das Licht des Tags soll euch nicht sehn, noch mich.
Der Erde schöner grüner Teppich soll
Kein Tummelplatz für Larven sein. Dort unten
Such' ich euch auf: dort bindet alle dann
Ein gleich Geschick in ew'ge matte Nacht.
Nur dich, mein Pylades, dich, meiner Schuld
Und meines Banns unschuldigen Genossen,
Wie ungern nehm' ich dich in jenes Trauerland
Frühzeitig mit! Dein Leben oder Tod
Gibt mir allein noch Hoffnung oder Furcht.

PYLADES.

Ich bin noch nicht, Orest, wie du bereit,
In jenes Schattenreich hinabzugehn.
Ich sinne noch, durch die verworrnen Pfade,
Die nach der schwarzen Nacht zu führen scheinen,
Uns zu dem Leben wieder aufzuwinden.
Ich denke nicht den Tod; ich sinn' und horche,
Ob nicht zu irgend einer frohen Flucht
Die Götter Rat und Wege zubereiten.
Der Tod, gefürchtet oder ungefürchtet,
Kommt unaufhaltsam. Wenn die Priesterin

Пусть такъ! И лучше здѣсь, предъ алтаремъ,
А не въ глухомъ углу, гдѣ кровный сродникъ
Предательски убійства сѣть разставитъ.
О вы, подземные, срокъ дайте мнѣ!
Какъ псы со своры спущенные въ травлѣ,
Вы гонитесь, почуя кровь, что̀ каплетъ,
Слѣды шаговъ моихъ обозначая.
Оставьте, скоро къ вамъ я низойду;
День ни меня, ни васъ не долженъ видѣть.
Земли коверъ прекрасный стать не долженъ
Страшилищъ поприщемъ. Тамъ, въ преисподней
Найду я васъ: тамъ общая одна
Всѣхъ свяжетъ участь въ вѣчной тусклой ночи.
Тебя лишь, мой Пиладъ, тебя, невинный
Изгнанья и вины моей товарищъ,
Въ тотъ скорбный міръ съ собой беру я противъ воли.
И для меня жизнь или смерть твоя
Однѣ полны надеждъ иль опасеній.

Пиладъ.

Какъ ты, Орестъ, еще я не готовъ
Спуститься въ царство тѣней. Помышляю
Я, какъ бы намъ со сбивчивыхъ путей,
Что̀ въ черную низводятъ ночь, опять
Вернуться къ жизни, и о смерти я
Не думаю; прислушиваюсь, мыслю,
Не подадутъ ли боги намъ совѣтъ,
И путь желанный къ бѣгству предоставятъ.
Смерть, хоть страшись, хоть не страшись, придетъ
Неудержимо. И когда надъ нами

Schon, unsre Locken weihend abzuschneiden,
Die Hand erhebt, soll dein' und meine Rettung
Mein einziger Gedanke sein. Erhebe
Von diesem Unmut deine Seele; zweifelnd
Beschleunigest du die Gefahr. Apoll
Gab uns das Wort: im Heiligtum der Schwester
Sei Trost und Hilf' und Rückkehr dir bereitet.
Der Götter Worte sind nicht doppelsinnig,
Wie der Gedrückte sie im Unmut wähnt.

OREST.

Des Lebens dunkle Decke breitete
Die Mutter schon mir um das zarte Haupt,
Und so wuchs ich herauf, ein Ebenbild
Des Vaters, und es war mein stummer Blick
Ein bittrer Vorwurf ihr und ihrem Buhlen.
Wie oft, wenn still Elektra, meine Schwester,
Am Feuer in der tiefen Halle sass,
Drängt' ich beklommen mich an ihren Schoss
Und starrte, wie sie bitter weinte, sie
Mit grossen Augen an. Dann sagte sie
Von unserm hohen Vater viel: wie sehr
Verlangt' ich ihn zu sehn, bei ihm zu sein!
Mich wünscht' ich bald nach Troja, ihn bald her.
Es kam der Tag —

PYLADES.

O lass von jener Stunde
Sich Höllengeister nächtlich unterhalten!
Uns gebe die Erinnrung schöner Zeit

Подыметъ руку жрица, чтобы срѣзать
Намъ кудри въ даръ богамъ — спасенье будетъ
Моей единой мыслью. Вознеси же
Свой духъ изъ этой скорби. Ты сомнѣньемъ
Опасность приближаешь. Аполлонъ
Намъ слово далъ: въ святилищѣ сестры
Утѣха, помощь и возвратъ тебѣ
Готовы. Не двусмысленны слова
Боговъ, какъ удрученный духомъ мнитъ.

Орестъ.

Надъ юною моею головой
Мать ужь простерла темный пологъ жизни,
И подросталъ я такъ, двойникъ отца,
И молчаливый взоръ мой горькимъ былъ
Укоромъ ей съ любовникомъ ея.
Какъ часто у огня съ сестрой Электрой
Въ тиши обширнаго чертога сидя,
Съ тоской прильнувъ къ ея груди, большими
Я на нее глядѣлъ глазами; горько
Слезами заливаясь, говорила
Она про славнаго отца. Я страстно
Съ нимъ свидѣться и быть при немъ желалъ,
Стремился въ Трою, ждалъ его возврата.
И день пришелъ —

Пиладъ.

О, пусть о часѣ томъ
Бесѣдуютъ ночами духи ада.
Воспоминаніе о лучшихъ дняхъ

Zu frischem Heldenlaufe neue Kraft.
Die Götter brauchen manchen guten Mann
Zu ihrem Dienst auf dieser weiten Erde.
Sie haben noch auf dich gezählt; sie gaben
Dich nicht dem Vater zum Geleite mit,
Da er unwillig nach dem Orkus ging.

Orest.

O wär' ich, seinen Saum ergreifend, ihm
Gefolgt!

Pylades.

So haben die, die dich erhielten,
Für mich gesorgt: denn was ich worden wäre,
Wenn du nicht lebtest, kann ich mir nicht denken,
Da ich mit dir und deinetwillen nur
Seit meiner Kindheit leb' und leben mag.

Orest.

Erinnre mich nicht jener schönen Tage,
Da mir dein Haus die freie Stätte gab,
Dein edler Vater klug und liebevoll
Die halberstarrte, junge Blüte pflegte,
Da du, ein immer munterer Geselle,
Gleich einem leichten, bunten Schmetterling
Um eine dunkle Blume, jeden Tag
Um mich mit neuem Leben gaukeltest,
Mir deine Lust in meine Seele spieltest,
Dass ich, vergessend meiner Not, mit dir
In rascher Iugend hingerissen schwärmte.

Намъ да придастъ на путь геройскій силы.
Служенье многихъ доблестныхъ мужей
Безсмертнымъ нужно на землѣ обширной.
Отмѣченъ ими ты: богами не былъ
Родителю ты въ спутники избра̀нъ,
Когда въ аидъ сошелъ онъ противъ воли.

Орестъ.

О, еслибъ ухватясь за край его
Одежды, съ нимъ исчезъ я!

Пиладъ.

Обо мнѣ
Заботились сберегшіе тебя.
Мнѣ не придумать, что̀ со мной бы сталось,
Когда бъ не ты; съ тобой и для тебя лишь
Я съ дѣтскихъ лѣтъ живу и въ силахъ жить.

Орестъ.

Не поминай мнѣ о прекрасныхъ дняхъ,
Когда твой домъ мнѣ далъ пріютъ привольный,
А доблестный отецъ твой и любовно,
И мудро мой расцвѣтъ берёгъ замершій;
Когда, товарищъ мой всегда безпечный,
Воздушной, пестрой бабочкой порхая
Вкругъ темнаго цвѣтка, ты каждый день
Вокругъ меня рѣзвился съ новой жизнью,
Мнѣ въ душу вѣя радостью своей;
И скорбь свою забывъ, я предавался
Съ тобою пылкой юности мечтамъ.

PYLADES.

Da fing mein Leben an, als ich dich liebte.

OREST.

Sag': meine Not begann, und du sprichst wahr.
Das ist das Ängstliche von meinem Schicksal,
Dass ich wie ein verpesteter Vertriebner
Geheimen Schmerz und Tod im Busen trage,
Dass, wo ich den gesundsten Ort betrete,
Gar bald um mich die blühenden Gesichter
Den Schmerzenszug langsamen Tods verraten.

PYLADES.

Der Nächste wär' ich diesen Tod zu sterben,
Wenn je dein Hauch, Orest, vergiftete.
Bin ich nicht immer noch voll Mut und Lust?
Und Lust und Liebe sind die Fittiche
Zu grossen Taten.

OREST.

Grosse Taten? Ja,
Ich weiss die Zeit, da wir sie vor uns sahn!
Wenn wir zusammen oft dem Wilde nach
Durch Berg' und Täler rannten und dereinst
An Brust und Faust dem hohen Ahnherrn gleich
Mit Keul' und Schwert dem Ungeheuer so,
Dem Räuber auf der Spur zu jagen hofften;
Und dann wir Abends an der weiten See
Uns an einander lehnend ruhig sassen,
Die Wellen bis zu unsern Füssen spielten,
Die Welt so weit, so offen vor uns lag;

Пиладъ.

Съ любви къ тебѣ жизнь началась моя.

Орестъ.

Скажи: скорбь родилась моя, и будешь
Ты правъ. Въ томъ страшное судьбы моей,
Что я скитальцемъ зачумленнымъ, тайно
Страданіе и смерть ношу въ груди;
Вхожу ли въ безопасное я мѣсто,
Мгновенно все, что̀ вкругъ меня цвѣтетъ,
Поражено предсмертной долгой мукой.

Пиладъ.

Я первый бы, Орестъ, погибъ той смертью,
Была бъ въ дыханіи твоемъ отрава.
Не все ли полнъ я мужества и счастья?
А радость и любовь — то два крыла
Великихъ дѣлъ.

Орестъ.

Великихъ дѣлъ? Да, помню
Я дни, когда намъ грезились они!
Когда за звѣремъ по горамъ и доламъ
Гонясь, мечтали мы когда нибудь
Съ великимъ предкомъ грудью и рукою
Сравнявшись, съ палицей, съ мечомъ по слѣду
Чудовища иль хищника погнаться;
А ввечеру предъ необъятнымъ моремъ
Сидѣли мы спокойно, другъ ко другу
Прижавшись; волны къ нашимъ подбѣгали
Ногамъ; міръ такъ обширенъ открывался;

Da fuhr wohl einer manchmal nach dem Schwert,
Und künft'ge Taten drangen, wie die Sterne
Rings um uns her unzählig aus der Nacht.

PYLADES.

Unendlich ist das Werk, das zu vollführen
Die Seele dringt. Wir möchten jede Tat
So gross gleich tun, als wie sie wächst und wird,
Wenn Jahre lang durch Länder und Geschlechter
Der Mund der Dichter sie vermehrend wälzt.
Es klingt so schön, was unsre Väter taten,
Wenn es, in stillen Abendschatten ruhend,
Der Jüngling mit dem Ton der Harfe schlürft;
Und was wir tun, ist, wie es ihnen war,
Voll Müh und eitel Stückwerk!
So laufen wir nach dem, was vor uns flieht,
Und achten nicht des Weges, den wir treten,
Und sehen neben uns der Ahnherrn Tritte
Und ihres Erdelebens Spuren kaum.
Wir eilen immer ihrem Schatten nach,
Der göttergleich in einer weiten Ferne
Der Berge Haupt auf goldnen Wolken krönt.
Ich halte nichts von dem, der von sich denkt,
Wie ihn das Volk vielleicht erheben möchte.
Allein, o Jüngling, danke du den Göttern,
Dass sie so früh durch dich so viel getan.

OREST.

Wenn sie dem Menschen frohe Tat bescheren,
Dass er ein Unheil von den Seinen wendet,

Рука бралась за мечъ; въ грядущемъ насъ
Манили подвиги, какъ безъ числа
Сіявшія изъ мрака ночи звѣзды.

Пиладъ.

Конца нѣтъ дѣлу, что душа свершить
Стремится. Мы для дѣлъ своихъ хотѣли бъ
Величія, котораго достигнутъ
Они съ годами въ племенахъ и странахъ,
Ростя и множася въ устахъ пѣвцовъ.
Отрадно слушать о дѣлахъ отцовскихъ,
Когда о нихъ въ тиши вечерней тѣни
Подъ рокотъ арфы юноша поетъ.
Межъ тѣмъ, и имъ, и намъ, дневныя злобы —
Тяжелый, тщетный трудъ!
Такъ мы бѣжимъ къ неуловимой цѣли,
Пути не замѣчая своего
И нашихъ предковъ близъ себя шаговъ
И жизни ихъ земной слѣда не видя.
Мы все спѣшимъ вослѣдъ за тѣнью ихъ,
Она жь, какъ облака, недостижима,
Вѣнчаетъ златомъ выси горъ вдали.
Не чту того я, кто мечтаетъ быть
На высоту народомъ вознесенъ.
Но ты благодари боговъ, свершившихъ
Черезъ тебя такъ рано и такъ много.

Орестъ.

Пусть тотъ, кому они даруютъ радость
Высокихъ дѣлъ, кто отвратитъ бѣду,

Dass er sein Reich vermehrt, die Grenzen sichert,
Und alte Feinde fallen oder fliehn:
Dann mag er danken! Denn ihm hat ein Gott
Des Lebens erste, letzte Lust gegönnt.
Mich haben sie zum Schlächter auserkoren,
Zum Mörder meiner doch verehrten Mutter,
Und, eine Schandtat schändlich rächend, mich
Durch ihren Wink zu Grund' gerichtet. Glaube,
Sie haben es auf Tantals Haus gerichtet,
Und ich, der letzte, soll nicht schuldlos, soll
Nicht ehrenvoll vergehn.

PYLADES.

Die Götter rächen
Der Väter Missetat nicht an dem Sohn;
Ein jeglicher, gut oder böse, nimmt
Sich seinen Lohn mit seiner Tat hinweg.
Es erbt der Eltern Segen, nicht ihr Fluch.

OREST.

Uns führt ihr Segen, dünkt mich, nicht hieher.

PYLADES.

Doch wenigstens der hohen Götter Wille.

OREST.

So ist's ihr Wille denn, der uns verderbt.

PYLADES.

Tu, was sie dir gebieten, und erwarte.
Bringst du die Schwester zu Apollen hin,

Свой край расширитъ, утвердитъ границы,
Предъ кѣмъ падутъ иль побѣгутъ враги,
Пусть тотъ благодаритъ, затѣмъ, что богъ
Далъ высшее ему извѣдать счастье.
Меня они избрали палачомъ,
Убійцей матери, все жь мною чтимой,
И за нечестье, мстить мнѣ повелѣвъ,
Меня жь, карая, погубили. Вѣрь мнѣ,
Танталовъ домъ богами осужденъ,
И я, послѣдній въ родѣ, не безвиннымъ,
Не съ честью долженъ пасть.

Пиладъ.

За грѣхъ отцовъ
Безсмертные не мстятъ, карая сына;
Въ добрѣ иль злѣ мзду получаетъ всякій
За свой поступокъ. Намъ дано въ наслѣдье
Отцовъ благословенье, не проклятье.

Орестъ.

Мы здѣсь едва ли съ ихъ благословенья.

Пиладъ.

Но все же по боговъ великихъ волѣ.

Орестъ.

Итакъ, ихъ воля гибель намъ несетъ.

Пиладъ.

Свершай, что̀ ими велѣно и жди.
Когда сестру вернешь ты Аполлону,

Und wohnen beide dann vereint zu Delphi,
Verehrt von einem Volk, das edel denkt;
So wird für diese Tat das hohe Paar
Dir gnädig sein, sie werden aus der Hand
Der Unterird'schen dich erretten. Schon
In diesen heil'gen Hain wagt keine sich.

OREST.

So hab' ich wenigstens geruh'gen Tod.

PYLADES.

Ganz anders denk' ich, und nicht ungeschickt
Hab' ich das schon Geschehne mit dem Künft'gen
Verbunden und im Stillen ausgelegt.
Vielleicht reift in der Götter Rat schon lange
Das grosse Werk. Diana sehnet sich
Von diesem rauhen Ufer der Barbaren
Und ihren blut'gen Menschenopfern weg.
Wir waren zu der schönen Tat bestimmt,
Uns wird sie auferlegt, und seltsam sind
Wir an der Pforte schon gezwungen hier.

OREST.

Mit seltner Kunst flichtst du der Götter Rat
Und deine Wünsche klug in eins zusammen.

PYLADES.

Was ist des Menschen Klugheit, wenn sie nicht
Auf jener Willen droben achtend lauscht?
Zu einer schweren Tat beruft ein Gott

Когда они вдвоемъ жить будутъ въ Дельфахъ,
Гдѣ чтить народъ ихъ будетъ благородный,
За подвигъ твой безсмертная чета
Тебя помилуетъ и защититъ
Отъ духовъ ада. Ужь и здѣсь не смѣютъ
Въ священную они проникнуть рощу.

Орестъ.

Хоть смерть спокойную приму я здѣсь.

Пиладъ.

Я думаю не такъ и не спроста
Прошедшее съ грядущимъ я связалъ
И уяснилъ въ тиши. Быть можетъ зрѣетъ
Великое уже давно въ совѣтѣ
Боговъ. Діану тянетъ прочь отсюда,
Отъ побережья варваровъ жестокихъ,
Отъ человѣческихъ кровавыхъ жертвъ.
Намъ суждено свершить прекрасный подвигъ,
На насъ возложенъ онъ, и вотъ, чудесно,
Мы противъ воли здѣсь, у самыхъ вратъ.

Орестъ.

Искусно, мудро ты свои желанья
Съ рѣшеніемъ боговъ въ одно сплетаешь.

Пиладъ.

Что̀ наша мудрость, если не умѣемъ
Прислушаться къ велѣнью вышнихъ мы!
На подвигъ трудный богомъ предназначенъ

Den edlen Mann, der viel verbrach, und legt
Ihm auf, was uns unmöglich scheint zu enden.
Es siegt der Held, und büssend dienet er
Den Göttern und der Welt, die ihn verehrt.

OREST.

Bin ich bestimmt, zu leben und zu handeln,
So nehm' ein Gott von meiner schweren Stirn
Den Schwindel weg, der auf dem schlüpfrigen,
Mit Mutterblut besprengten Pfade fort
Mich zu den Toten reisst. Er trockne gnädig
Die Quelle, die, mir aus der Mutter Wunden
Entgegen sprudelnd, ewig mich befleckt.

PYLADES.

Erwart' es ruhiger! Du mehrst das Übel
Und nimmst das Amt der Furien auf dich.
Lass mich nur sinnen, bleibe still! Zuletzt,
Bedarf's zur Tat vereinter Kräfte, dann
Ruf' ich dich auf, und beide schreiten wir
Mit überlegter Kühnheit zur Vollendung.

OREST.

Ich hör' Ulyssen reden.

PYLADES.

Spotte nicht.
Ein jeglicher muss seinen Helden wählen,
Dem er die Wege zum Olymp hinauf
Sich nacharbeitet. Lass es mich gestehn:

Мужъ доблестный, хотя преступный: долженъ
Невыполнимое исполнить онъ,
Грѣхъ искупивъ побѣдой и служа
Богамъ и міру, чтущему его.

Орестъ.

Коль суждено мнѣ дѣйствовать и жить,
Богъ съ головы моей да сниметъ бремя
Недуга; скользкимъ, материнской кровью
Забрызганнымъ путемъ меня влечетъ онъ
Къ усопшимъ. Пусть изсушитъ милосердно
Богъ тотъ родникъ, чт҄о бьетъ навстрѣчу мнѣ
Изъ материнскихъ ранъ, пятная вѣчно.

Пиладъ.

Терпи спокойнѣй! Зло ты удвояешь
И на себя берешь призванье Фурій.
Дай думать мнѣ и не тревожься! Послѣ,
Какъ силы нужны будутъ насъ обоихъ,
Я призову тебя, и вмѣстѣ мы
Со зрѣлой смѣлостью приступимъ къ дѣлу.

Орестъ.

Улисса рѣчь я слышу.

Пиладъ.

Не глумись.
Себѣ героя избираетъ каждый,
Ему вослѣдъ свой пролагая путь
Къ Олимпу. Признаюсь: сдается мнѣ,

Mir scheinet List und Klugheit nicht den Mann
Zu schänden, der sich kühnen Taten weiht.

OREST.

Ich schätze den, der tapfer ist und grad.

PYLADES.

Drum hab' ich keinen Rat von dir verlangt.
Schon ist ein Schritt getan. Von unsern Wächtern
Hab' ich bisher gar vieles ausgelockt.
Ich weiss, ein fremdes, göttergleiches Weib
Hält jenes blutige Gesetz gefesselt;
Ein reines Herz und Weihrauch und Gebet
Bringt sie den Göttern dar. Man rühmet hoch
Die Gütige; man glaubet, sie entspringe
Vom Stamm der Amazonen, sei geflohn,
Um einem grossen Unheil zu entgehn.

OREST.

Es scheint, ihr lichtes Reich verlor die Kraft
Durch des Verbrechers Nähe, den der Fluch,
Wie eine breite Nacht, verfolgt und deckt.
Die fromme Blutgier löst den alten Brauch
Von seinen Fesseln los, uns zu verderben.
Der wilde Sinn des Königs tötet uns;
Ein Weib wird uns nicht retten, wenn er zürnt.

PYLADES.

Wohl uns, dass es ein Weib ist! Denn ein Mann,
Der beste selbst, gewöhnet seinen Geist

Что умъ и хитрость не позорятъ мужа,
Себя обрекшаго на смѣлый подвигъ.

Орестъ.

Я чту того, кто мужественъ и прямъ.

Пиладъ.

Вотъ почему я не просилъ совѣта.
Одинъ ужь сдѣланъ шагъ: у нашихъ стражей
Ужь многое я вывѣдалъ. Я знаю,
Чужая, богоравная жена
Законъ кровавый здѣсь въ оковахъ держитъ;
Она богамъ молитвой, ѳиміамомъ
И сердцемъ чистымъ служитъ. Доброту
Ея высоко славятъ; происходитъ
Она, какъ думаютъ, отъ Амазонокъ
И отъ бѣды сюда спаслась великой.

Орестъ.

Знать, царство свѣтлое ея безсильно
Отъ близости преступника, проклятьемъ,
Какъ ночью настигаемаго вѣчной.
Съ обряда древняго срываетъ узы,
Губя насъ, жажда набожная крови.
Жестокій духъ царя грозитъ намъ смертью;
Жена ль отъ гнѣва царскаго спасетъ?

Пиладъ.

Она жена, въ томъ наше счастье. Ибо
И лучшій мужъ свой пріучаетъ духъ

An Grausamkeit und macht sich auch zuletzt
Aus dem, was er verabscheut, ein Gesetz,
Wird aus Gewohnheit hart und fast unkenntlich.
Allein ein Weib bleibt stet auf einem Sinn,
Den sie gefasst. Du rechnest sicherer
Auf sie im Guten, wie im Bösen. — Still!
Sie kommt; lass uns allein. Ich darf nicht gleich
Ihr unsre Namen nennen, unser Schicksal
Nicht ohne Rückhalt ihr vertraun. Du gehst,
Und eh sie mit dir spricht, treff' ich dich noch.

Zweiter Auftritt.

IPHIGENIE. PYLADES.

IPHIGENIE.

Woher du seist und kommst, o Fremdling, sprich!
Mir scheint es, dass ich eher einem Griechen
Als einem Scythen dich vergleichen soll.
(Sie nimmt ihm die Ketten ab).
Gefährlich ist die Freiheit, die ich gebe;
Die Götter wenden ab, was euch bedroht!

PYLADES.

O süsse Stimme! Vielwillkommner Ton
Der Muttersprach' in einem fremden Lande!
Des väterlichen Hafens blaue Berge
Seh' ich Gefangner neu willkommen wieder
Vor meinen Augen. Lass dir diese Freude

Къ жестокости; что̀ ненавидѣлъ, ставитъ
Себѣ въ законъ и, побѣжденъ привычкой,
Черствѣетъ, становясь неузнаваемъ.
Но нравъ жены всегда одинъ и тотъ же.
Вѣрнѣе на нее ты положиться
Какъ въ добромъ можешь, такъ и въ зломъ.—Но тише!
Она идетъ; оставь насъ. Не дерзну
Я наши имена и участь сразу
И прямо ей открыть. Съ тобою свижусь
Я раньше, чѣмъ ты съ ней заговоришь.

Явленіе второе.

Ифигенія. Пиладъ.

Ифигенія.

Откуда, кто бъ ты ни былъ, чужеземецъ,
О, говори! Мнѣ кажется, на грека
Скорѣе, чѣмъ на скиѳа ты похожъ.
(Она снимаетъ съ него цѣпи).
Опасна мною данная свобода;
Да отвратятъ все, что грозитъ вамъ, боги!

Пиладъ.

О, сладкій голосъ! Благодатный звукъ
Родного языка въ чужой странѣ!
Глазами плѣнника я снова вижу
Привѣтливо синѣющія горы
Отцовской гавани. Пусть эта радость

Versichern, dass auch ich ein Grieche bin!
Vergessen hab' ich einen Augenblick,
Wie sehr ich dein bedarf, und meinen Geist
Der herrlichen Erscheinung zugewendet.
O sage, wenn dir ein Verhängnis nicht
Die Lippe schliesst, aus welchem unsrer Stämme
Du deine göttergleiche Herkunft zählst.

IPHIGENIE.

Die Priesterin, von ihrer Göttin selbst
Gewählet und geheiligt, spricht mit dir.
Das lass dir g'nügen; sage, wer du seist
Und welch unselig waltendes Geschick
Mit dem Gefährten dich hieher gebracht.

PYLADES.

Leicht kann ich dir erzählen, welch ein Übel
Mit lastender Gesellschaft uns verfolgt.
O könntest du der Hoffnung frohen Blick
Uns auch so leicht, du Göttliche, gewähren!
Aus Kreta sind wir, Söhne des Adrasts:
Ich bin der jüngste, Kephalus genannt,
Und er Laodamas, der älteste
Des Hauses. Zwischen uns stand rauh und wild
Ein mittlerer und trennte schon im Spiel
Der ersten Jugend Einigkeit und Lust.
Gelassen folgten wir der Mutter Worten,
So lang' des Vaters Kraft vor Troja stritt;
Doch als er beutereich zurücke kam
Und kurz darauf verschied, da trennte bald

Тебѣ повѣдаетъ, что грекъ я тоже!
Я на мгновенье позабылъ, какъ сильно
Нуждаюся въ тебѣ и всей душою
Чудесному видѣнью отдаюсь.
Коль устъ тебѣ рокъ не сомкнулъ, о, молви,
Какой семьѣ принадлежитъ твое
Богоподобное происхожденье.

Ифигенія.

Съ тобой избранница богини, ею
Воспринятая жрица говоритъ.
Съ тебя довольно. Ты кто, мнѣ скажи?
Какой злосчастно-властною судьбою
Со спутникомъ сюда ты занесенъ?

Пиладъ.

Легко повѣдать, что̀ за бѣды насъ
Преслѣдуютъ, надъ нами тяготѣя.
О, еслибъ ты, божественная, такъ же
Легко могла намъ дать надежды радость!
Изъ Крита, сыновья Адраста мы:
Я младшій и зовутъ меня Кефаломъ,
А онъ, Лаодамантъ, старѣйшій въ родѣ.
Межъ нами прежде, нравомъ дикъ и грубъ,
Былъ средній братъ; онъ съ первыхъ юныхъ лѣтъ
Въ насъ нарушалъ и радость, и единство.
Мы слову матери повиновались,
Пока отецъ подъ Троей храбро бился;
Но лишь вернулся онъ, богатъ добычей,
И вскорѣ умеръ, начался раздоръ

Der Streit um Reich und Erbe die Geschwister.
Ich neigte mich zum ältsten. Er erschlug
Den Bruder. Um der Blutschuld willen treibt
Die Furie gewaltig ihn umher.
Doch diesem wilden Ufer sendet uns
Apoll, der Delphische, mit Hoffnung zu.
Im Tempel seiner Schwester hiess er uns
Der Hilfe segensvolle Hand erwarten.
Gefangen sind wir und hierher gebracht
Und dir als Opfer dargestellt. Du weisst's.

IPHIGENIE.

Fiel Troja? Teurer Mann, versichr' es mir.

PYLADES.

Es liegt. O sichre du uns Rettung zu!
Beschleunige die Hilfe, die ein Gott
Versprach. Erbarme meines Bruders dich.
O sag' ihm bald ein gutes holdes Wort;
Doch schone seiner, wenn du mit ihm sprichst,
Das bitt' ich eifrig; denn es wird gar leicht
Durch Freud' und Schmerz und durch Erinnerung
Sein Innerstes ergriffen und zerrüttet.
Ein fieberhafter Wahnsinn fällt ihn an,
Und seine schöne freie Seele wird
Den Furien zum Raube hingegeben.

IPHIGENIE.

So gross dein Unglück ist, beschwör' ich dich,
Vergiss es, bis du mir genug getan.

У братьевъ изъ-за царства и наслѣдства.
Я къ старшему склонялся. Брата онъ
Убилъ. Жестоко Фуріи его
Преслѣдуютъ за это дѣло крови.
И Аполлонъ Дельфійскій насъ послалъ
На этотъ дикій берегъ, давъ надежду
Въ святилищѣ его сестры обрѣсть
Благословенной помощи десницу.
Мы въ жертву обреченные, въ плѣну,
Приведены къ тебѣ. Ты знаешь все.

Ифигенія.

Такъ пала Троя? Подтверди, мужъ милый.

Пиладъ.

Она взята. О, дай спасенье намъ!
Ускорь обѣщанную богомъ помощь.
О, сжалься ты надъ братомъ и промолви
Ему скорѣе ласковое слово;
Но съ нимъ бесѣдуя, щади его,
О томъ молю усердно: такъ легко
И скорбь, и радость, и воспоминанья
До глубины души его волнуютъ:
Недугъ безумья имъ овладѣваетъ,
И духъ его открытый и прекрасный
Вдругъ достается Фуріямъ въ добычу.

Ифигенія.

Какъ ни страшна бѣда твоя, забудь
Ее, молю: отвѣть на мой вопросъ.

PYLADES.

Die hohe Stadt, die zehen lange Jahre
Dem ganzen Heer der Griechen widerstand,
Liegt nun im Schutte, steigt nich wieder auf.
Doch manche Gräber unsrer Besten heissen
Uns an das Ufer der Barbaren denken.
Achill liegt dort mit seinem schönen Freunde.

IPHIGENIE.

So seid ihr Götterbilder auch zu Staub!

PYLADES.

Auch Palamedes, Ajax Telamons,
Sie sahn des Vaterlandes Tag nicht wieder.

IPHIGENIE.

Er schweigt von meinem Vater, nennt ihn nicht
Mit den Erschlagnen. Ja! er lebt mir noch!
Ich werd' ihn sehn! O hoffe, liebes Herz!

PYLADES.

Doch selig sind die Tausende, die starben
Den bittersüssen Tod von Feindes Hand!
Denn wüste Schrecken und ein traurig Ende
Hat den Rückkehrenden statt des Triumphs
Ein feindlich aufgebrachter Gott bereitet.
Kommt denn der Menschen Stimme nicht zu euch?
So weit sie reicht, trägt sie den Ruf umher
Von unerhörten Taten, die geschahn.
So ist der Jammer, der Mycenens Hallen

Пиладъ.

Великій городъ, десять долгихъ лѣтъ
Боровшійся со всею ратью грековъ,
Лежитъ во прахѣ и не встанетъ болѣ.
Но лучшіе изъ насъ въ могилахъ спятъ,
Намъ берегъ варваровъ напоминая.
Тамъ палъ Ахиллъ съ своимъ прекраснымъ другомъ.

Ифигенія.

И вы, богоподобные, во прахѣ!

Пиладъ.

И Паламедъ, и Теламоновъ сынъ
Отчизны солнца болѣ не увидятъ.

Ифигенія.

Онъ объ отцѣ моемъ молчитъ; его
Средь павшихъ онъ не назвалъ. Да! Онъ живъ!
Мы свидимся! О, сердце, уповай!

Пиладъ.

Блаженны тѣ, что сладостно пріяли
Смерть горькую отъ вражеской руки!
Но воротившимся взамѣнъ тріумфа
И ужасы, и скорбную кончину
Припасъ разгнѣванный, враждебный богъ.
Иль не доходитъ къ вамъ молва людская?
Куда бъ она ни долетѣла, всюду
Вѣсть о неслыханныхъ несетъ дѣяньяхъ.
Ужель бѣда, что воплемъ непрестаннымъ

Mit immer wiederholten Seufzern füllt,
Dir ein Geheimnis? — Klytämnestra hat
Mit Hilf' Ägisthens den Gemahl berückt,
Am Tage seiner Rückkehr ihn ermordet! —
Ja, du verehrest dieses Königs Haus!
Ich seh' es, deine Brust bekämpft vergebens
Das unerwartet ungeheure Wort.
Bist du die Tochter eines Freundes? bist
Du nachbarlich in dieser Stadt geboren?
Verbirg es nicht und rechne mir's nicht zu,
Dass ich der erste diese Greuel melde.

IPHIGENIE.

Sag' an, wie ward die schwere Tat vollbracht?

PYLADES.

Am Tage seiner Ankunft, da der König
Vom Bad erquickt und ruhig, sein Gewand
Aus der Gemahlin Hand verlangend, stieg,
Warf die Verderbliche ein faltenreich
Und künstlich sich verwirrendes Gewebe
Ihm auf die Schultern, um das edle Haupt;
Und da er wie von einem Netze sich
Vergebens zu entwickeln strebte, schlug
Ägisth ihn, der Verräter, und verhüllt
Ging zu den Toten dieser grosse Fürst.

IPHIGENIE.

Und welchen Lohn erhielt der Mitverschworne?

Микенскіе чертоги оглашаетъ,
Тебѣ осталось тайной? — Клитемнестра
Съ Эгисѳомъ, обманувъ супруга въ день,
Когда вернулся онъ, его убила! —
Да, этотъ царскій родъ ты почитаешь!
Я вижу, свыше силъ потрясена ты
Нежданною, чудовищною вѣстью.
Не дочь ли друга ты? Не по сосѣдству ль
Отъ города того ты родилась?
Передо мною не таись, простивъ мнѣ,
Что первый я повѣдалъ этотъ ужасъ.

Ифигенія.

Скажи, какъ дѣло страшное свершилось?

Пиладъ.

Въ день возвращенья выйдя изъ купальни
Своей одежды царь безпечно ждалъ
Изъ рукъ жены; коварная покровъ,
Безчисленными складками все тѣло
Окутавшій, накинула ему
На благородную главу и плечи;
Пока напрасно, какъ изъ сѣти, онъ
Пытался выпутаться, поразилъ
Его Эгисѳъ измѣнникъ. И окутанъ
Покровомъ къ мертвымъ царь сошелъ великій.

Ифигенія.

Какая жь мзда сообщнику досталась?

PYLADES.

Ein Reich und Bette, das er schon besass.

IPHIGENIE.

So trieb zur Schandtat eine böse Lust?

PYLADES.

Und einer alten Rache tief Gefühl.

IPHIGENIE.

Und wie beleidigte der König sie?

PYLADES.

Mit schwerer Tat, die, wenn Entschuldigung
Des Mordes wäre, sie entschuldigte.
Nach Aulis lockt' er sie und brachte dort,
Als eine Gottheit sich der Griechen Fahrt
Mit ungestümen Winden widersetzte,
Die ältste Tochter, Iphigenien,
Vor den Altar Dianens, und sie fiel
Ein blutig Opfer für der Griechen Heil.
Dies, sagt man, hat ihr einen Widerwillen
So tief ins Herz geprägt, dass sie dem Werben
Ägisthens sich ergab und den Gemahl
Mit Netzen des Verderbens selbst umschlang.

IPHIGENIE *(sich verhüllend)*.

Es ist genug. Du wirst mich wiedersehn.

Пиладъ.

Постель, ужъ дóбытая имъ, и царство.

Ифигенія.

Такъ похоть къ преступленью привела?

Пиладъ.

И давней мести пламенная жажда.

Ифигенія.

А чѣмъ же царь могъ оскорбить царицу?

Пиладъ.

Дѣяньемъ тяжкимъ; оправдать могло бы
Оно, коль есть убійству оправданье.
Ее въ Авлиду заманивъ, когда
Божественная сила задержала
Мятежнымъ вѣтромъ грековъ на походѣ,
Передъ алтарь Діаны царь привелъ
Дочь Ифигенію: она погибла
Кровавой жертвою на благо грекамъ.
И въ сердце матери такъ глубоко
Внѣдрилось отвращенье, говорятъ,
Что страсть Эгисѳа раздѣливъ, она
Накрыла мужа гибельною сѣтью.

Ифигенія *(закрывая лицо)*.

Довольно. Ты меня еще увидишь.

PYLADES (*allein*).

Von dem Geschick des Königshauses scheint
Sie tief gerührt. Wer sie auch immer sei,
So hat sie selbst den König wohl gekannt
Und ist zu unserm Glück aus hohem Hause
Hierher verkauft. Nur stille, liebes Herz,
Und lass dem Stern der Hoffnung, der uns blinkt,
Mit frohem Mut uns klug entgegen steuern.

Пиладъ *(одинъ).*

Судьбою рода царскаго глубоко
Она взволнована. Кто бъ ни была
Она, но царь ей вѣрно былъ извѣстенъ,
И продали сюда, на счастье наше,
Изъ рода знатнаго ее. О, сердце,
Смирись! Звѣзда надежды намъ блеснула.
По ней съ отвагой мудрой держимъ путь.

Dritter Aufzug.

Erster Auftritt.

Iphigenie. Orest.

Iphigenie.

Unglücklicher, ich löse deine Bande
Zum Zeichen eines schmerzlichern Geschicks.
Die Freiheit, die das Heiligtum gewährt,
Ist, wie der letzte lichte Lebensblick
Des schwer Erkrankten, Todesbote. Noch
Kann ich es mir und darf es mir nicht sagen,
Dass ihr verloren seid! Wie könnt' ich euch
Mit mörderischer Hand dem Tode weihen?
Und niemand, wer es sei, darf euer Haupt,
So lang' ich Priesterin Dianens bin,
Berühren. Doch verweigr' ich jene Pflicht,
Wie sie der aufgebrachte König fordert,
So wählt er eine meiner Jungfraun mir
Zur Folgerin, und ich vermag alsdann
Mit heissem Wunsch allein euch beizustehn.
O werter Landsmann! Selbst der letzte Knecht,
Der an den Herd der Vatergötter streifte,

Дѣйствіе третье.

Явленіе первое.

Ифигенія. Орестъ.

Ифигенія.

Несчастный, я съ тебя снимаю узы
Въ знакъ болѣе прискорбнаго удѣла.
Святилищемъ даруется свобода,
Но какъ послѣдній ясный взоръ больного,
Она лишь вѣстникъ смерти. Все еще я
Не смѣю, не могу себя увѣрить,
Что гибель суждена вамъ. Какъ смогу я
Разящею рукой предать васъ смерти?
Но вашей головы, кто бъ ни былъ онъ,
Никто, покуда я Діаны жрица,
Коснуться не дерзнетъ. А откажись я
Тотъ долгъ свершить, какъ гнѣвный царь велитъ,
Взамѣнъ меня онъ изберетъ одну
Изъ дѣвъ моихъ, и теплымъ лишь участьемъ
Останется мнѣ помощь вамъ подать.
О, дорогой землякъ! И рабъ послѣдній,
Пригрѣтый очагомъ боговъ отцовскихъ,

Ist uns in fremdem Lande hoch willkommen:
Wie soll ich euch genug mit Freud' und Segen
Empfangen, die ihr mir das Bild der Helden,
Die ich von Eltern her verehren lernte,
Entgegen bringet und das innre Herz
Mit neuer, schöner Hoffnung schmeichelnd labet!

Orest.

Verbirgst du deinen Namen, deine Herkunft
Mit klugem Vorsatz? oder darf ich wissen,
Wer mir, gleich einer Himmlischen, begegnet?

Iphigenie.

Du sollst mich kennen. Jetzo sag' mir an,
Was ich nur halb von deinem Bruder hörte,
Das Ende derer, die von Troja kehrend
Ein hartes unerwartetes Geschick
Auf ihrer Wohnung Schwelle stumm empfing.
Zwar ward ich jung an diesen Strand geführt;
Doch wohl erinnr' ich mich des scheuen Blicks,
Den ich mit Staunen und mit Bangigkeit
Auf jene Helden warf. Sie zogen aus,
Als hätte der Olymp sich aufgetan
Und die Gestalten der erlauchten Vorwelt
Zum Schrecken Ilions herabgesendet.
Und Agamemnon war vor allen herrlich!
O sage mir! Er fiel, sein Haus betretend,
Durch seiner Frauen und Ägisthens Tücke?

Orest.

Du sagst's!

Намъ въ сторонѣ чужой — желанный гость:
Я радостныхъ благословеній вдоволь
Не приберу для васъ, представшихъ мнѣ
Во образѣ героевъ, чтимыхъ съ дѣтства
И глубоко мнѣ сердце усладившихъ
Нежданной лаской новыхъ упованій!

Орестъ.

Намѣренно ль таишь происхожденье
И имя ты свое? Иль можно знать мнѣ,
Кто ты, небесная, передо мной?

Ифигенія.

Меня узнаешь ты. Но возвѣсти мнѣ,
Что лишь на половину я узнала
Отъ брата твоего: кончину тѣхъ,
Кого по возвращеніи изъ Трои
Жестокій рокъ ждалъ молча у порога.
Ступила юной я на берегъ этотъ;
Но помню хорошо, какъ робкій взоръ
Пугливо съ изумленьемъ я бросала
На тѣхъ героевъ. Шли они, какъ будто
Олимпъ, разверзшись, ихъ ниспосылалъ,
И шли они какъ тѣни славныхъ лѣтъ,
Неся съ собою гибель Иліону.
И Агамемнонъ былъ прекраснѣй всѣхъ!
О, молви: въ домъ вступая свой, отъ козней
Своей супруги и Эгисѳа палъ онъ?

Орестъ.

Такъ ты сказала.

IPHIGENIE.

Weh dir, unseliges Mycen!
So haben Tantals Enkel Fluch auf Fluch
Mit vollen wilden Händen ausgesät
Und gleich dem Unkraut, wüste Häupter schüttelnd
Und tausendfält'gen Samen um sich streuend,
Den Kindeskindern nahverwandte Mörder
Zur ew'gen Wechselwut erzeugt! Enthülle,
Was von der Rede deines Bruders schnell
Die Finsternis des Schreckens mir verdeckte.
Wie ist des grossen Stammes letzter Sohn,
Das holde Kind, bestimmt des Vaters Rächer
Dereinst zu sein, wie ist Orest dem Tage
Des Bluts entgangen? Hat ein gleich Geschick
Mit des Avernus Netzen ihn umschlungen?
Ist er gerettet? Lebt er? Lebt Elektra?

OREST.

Sie leben.

IPHIGENIE.

Goldne Sonne, leihe mir
Die schönsten Strahlen, lege sie zum Dank
Vor Iovis Thron! Denn ich bin arm und stumm.

OREST.

Bist du gastfreundlich diesem Königshause,
Bist du mit nähern Banden ihm verbunden,
Wie deine schöne Freude mir verrät,
So bändige dein Herz und halt' es fest!

Ифигенія.

Горе вамъ, Микены!
Тантала внуки полными руками
Такъ сѣяли проклятье на проклятье
И словно плевелы, главой качая
И разсыпая тьмы сѣмянъ вокругъ,
Потомство сродныхъ имъ убійцъ взрастили
На вѣчную неистовства чреду!
Открой, что въ рѣчи брата твоего
Мракъ ужаса скрылъ отъ меня мгновенно.
Какъ рода славнаго послѣдній сынъ,
Младенецъ тотъ, что мстителемъ отца
Стать долженъ былъ съ годами; какъ Орестъ
Кроваваго избѣгнулъ дня? Накрыли
Аида сѣти также и его?
Спасенъ ли, живъ ли онъ? Жива ль Электра?

Орестъ.

Они живутъ.

Ифигенія.

Златое солнце, лучшихъ
Дай мнѣ лучей, сложи ихъ въ благодарность
Къ престолу Зевса! Я жь бѣдна, нѣма.

Орестъ.

Когда тотъ царскій домъ ты знала гостьей,
Иль съ нимъ тѣснѣйшія сближаютъ узы
Тебя, какъ выдаетъ твоя мнѣ радость,
То сердце закаливъ, сдержи его!

Denn unerträglich muss dem Fröhlichen
Ein jäher Rückfall in die Schmerzen sein.
Du weisst nur, merk' ich, Agamemnons Tod.

IPHIGENIE.

Hab' ich an dieser Nachricht nicht genug?

OREST.

Du hast des Greuels Hälfte nur erfahren.

IPHIGENIE.

Was fürcht' ich noch? Orest, Elektra leben.

OREST.

Und fürchtest du für Klytämnestren nichts?

IPHIGENIE.

Sie rettet weder Hoffnung, weder Furcht.

OREST.

Auch schied sie aus dem Land der Hoffnung ab.

IPHIGENIE.

Vergoss sie reuig wütend selbst ihr Blut?

OREST.

Nein, doch ihr eigen Blut gab ihr den Tod.

IPHIGENIE.

Sprich deutlicher, dass ich nicht länger sinne.

Счастливому невыносимъ внезапный
Возвратъ къ страданіямъ. Я вижу, ты
Про смерть лишь Агамемнона слыхала.

Ифигенія.

Или съ меня той вѣсти не довольно?

Орестъ.

Лишь половину ужаса ты знаешь.

Ифигенія.

Чего страшиться? Живъ Орестъ съ Электрой.

Орестъ.

Иль ты за Клитемнестру не страшишься?

Ифигенія.

Ей не помочь ни страхомъ, ни надеждой.

Орестъ.

Уже покинутъ ею міръ надежды.

Ифигенія.

Сама ль она кровь пролила свою?

Орестъ.

Нѣтъ, но ея же кровь дала ей смерть.

Ифигенія.

Скажи яснѣй, чтобъ не гадать мнѣ больше.

Die Ungewissheit schlägt mir tausendfältig
Die dunkeln Schwingen um das bange Haupt.

OREST.

So haben mich die Götter ausersehn
Zum Boten einer Tat, die ich so gern
Ins klanglos-dumpfe Höhlenreich der Nacht
Verbergen möchte? Wider meinen Willen
Zwingt mich dein holder Mund: allein er darf
Auch etwas Schmerzlichs fordern und erhält's.
Am Tage, da der Vater fiel, verbarg
Elektra rettend ihren Bruder; Strophius,
Des Vaters Schwäher, nahm ihn willig auf,
Erzog ihn neben seinem eignen Sohne,
Der, Pylades genannt, die schönsten Bande
Der Freundschaft um den Angekommnen knüpfte.
Und wie sie wuchsen, wuchs in ihrer Seele
Die brennende Begier, des Königs Tod
Zu rächen. Unversehen, fremd gekleidet,
Erreichen sie Mycen, als brächten sie
Die Trauernachricht von Orestens Tode
Mit seiner Asche. Wohl empfänget sie
Die Königin; sie treten in das Haus.
Elektren gibt Orest sich zu erkennen;
Sie bläst der Rache Feuer in ihm auf,
Das vor der Mutter heil'ger Gegenwart
In sich zurückgebrannt war. Stille führt
Sie ihn zum Orte, wo sein Vater fiel,
Wo eine alte leichte Spur des frech
Vergossnen Blutes oftgewaschnen Boden

Безчисленными мрачными крылами
Главу мнѣ обвѣваетъ неизвѣстность.

Орестъ.

Мнѣ ль вѣстникомъ судили боги быть
Дѣянія, которое охотно
Въ глухой, беззвучной безднѣ царства ночи
Сокрылъ бы я. Я противъ воли вызванъ
Твоими милыми устами; но
Они хоть муки требуй, я отвѣчу.
Въ день гибели отца, Электра, брата
Спасая, скрыла. Строфій, зять отца,
Далъ добровольно отроку пріютъ
И съ собственнымъ воспитывать сталъ сыномъ.
Его Пиладомъ звали; онъ съ пришельцемъ
Прекрасной дружбы узы завязалъ.
Росли они, а въ ихъ душѣ росло
Желанье пламенное отомстить
За смерть царя. Нежданно достигаютъ,
Переодѣтые, они Микенъ
И, словно смерть Ореста возвѣщая,
Его приносятъ пепелъ. Хорошо
Ихъ приняла царица. Входятъ въ домъ.
Орестъ открылъ передъ Электрой тайну;
Она раздула въ немъ огонь отмщенья,
Что̀ въ матери присутствіи священномъ
Сталъ гаснуть. Тихо брата повела
Она на мѣсто, гдѣ отецъ ихъ палъ,
Гдѣ давній легкій слѣдъ проли́той крови
Пятномъ зловѣщимъ, блѣднымъ, все еще

Mit blassen ahnungsvollen Streifen färbte.
Mit ihrer Feuerzunge schilderte
Sie jeden Umstand der verruchten Tat,
Ihr knechtisch elend durchgebrachtes Leben,
Den Übermut der glücklichen Verräter
Und die Gefahren, die nun der Geschwister
Von einer stiefgewordnen Mutter warteten. —
Hier drang sie jenen alten Dolch ihm auf,
Der schon in Tantals Hause grimmig wütete,
Und Klytämnestra fiel durch Sohnes Hand.

IPHIGENIE.

Unsterbliche, die ihr den reinen Tag
Auf immer neuen Wolken selig lebet,
Habt ihr nur darum mich so manches Jahr
Von Menschen abgesondert, mich so nah
Bei euch gehalten, mir die kindliche
Beschäftigung, des heil'gen Feuers Glut
Zu nähren, aufgetragen, meine Seele
Der Flamme gleich in ew'ger frommer Klarheit
Zu euern Wohnungen hinaufgezogen,
Dass ich nur meines Hauses Greuel später
Uud tiefer fühlen sollte? — Sage mir
Vom Unglücksel'gen! Sprich mir von Orest! —

OREST.

O könnte man von seinem Tode sprechen!
Wie gärend stieg aus der Erschlagnen Blut
Der Mutter Geist
Und ruft der Nacht uralten Töchtern zu:

Окрашивалъ усердно мытый полъ.
Подробно, рѣчью огненной она
Повѣдала безбожное дѣянье,
Жизнь прожитую въ рабствѣ горемычномъ,
Заносчивость предателей счастливыхъ
И дѣтямъ впредь грозящую опасность
Отъ матери, что̀ мачехою стала. —
Она кинжалъ ему вручила старый,
Что страшно такъ грозилъ въ дому Тантала,
И Клитемнестру сынъ родной убилъ.

Ифигенія.

Безсмертные, живущіе блаженно
Во свѣтѣ вѣчномъ дня на облакахъ,
Вы для того ли отъ людей меня
На столько отлучили лѣтъ, держали
Въ своей близи, мнѣ дѣтскую заботу
Питать огонь священный поручили
И въ вѣчномъ набожномъ сіяньи душу
Мою подобно пламени въ свои
Жилища восхищали, чтобы только
Родного дома ужасы мнѣ позже
И глубже ощутить? — Повѣдай мнѣ
О злополучномъ! Молви объ Орестѣ! —

Орестъ.

О, еслибъ смерть ему въ удѣлъ досталась!
Какъ грозно всталъ изъ крови убіенной
Духъ матери,
Взывая къ вѣковѣчнымъ Дщерямъ Ночи:

„Lasst nicht den Muttermörder entfliehn!
Verfolgt den Verbrecher! Euch ist er geweiht!"
Sie horchen auf, es schaut ihr hohler Blick
Mit der Begier des Adlers um sich her.
Sie rühren sich in ihren schwarzen Höhlen,
Und aus den Winkeln schleichen ihre Gefährten,
Der Zweifel und die Reue, leis' herbei.
Vor ihnen steigt ein Dampf vom Acheron;
In seinen Wolkenkreisen wälzet sich
Die ewige Betrachtung des Geschehnen
Verwirrend um des Schuld'gen Haupt umher.
Und sie, berechtigt zum Verderben, treten
Der gottbesäten Erde schönen Boden,
Von dem ein alter Fluch sie längst verbannte.
Den Flüchtigen verfolgt ihr schneller Fuss;
Sie geben nur um neu zu schrecken Rast.

IPHIGENIE.

Unseliger, du bist in gleichem Fall
Und fühlst, was er, der arme Flüchtling, leidet!

OREST.

Was sagst du mir? Was wähnst du gleichen Fall?

IPHIGENIE.

Dich drückt ein Brudermord wie jenen; mir
Vertraute dies dein jüngster Bruder schon.

OREST.

Ich kann nicht leiden, dass du, grosse Seele,
Mit einem falschen Wort betrogen werdest.

„Бѣжать не давайте убившему мать!
Гоните злодѣя! Онъ вамъ обреченъ!“
Онѣ прислушались и, впалымъ окомъ
Вкругъ озираясь съ жадностью орлиной,
Въ своихъ зашевелились черныхъ норахъ;
И подползли къ нимъ тихо изъ угловъ
Ихъ спутники — раскаянье съ сомнѣньемъ.
Предъ ними дымъ восходитъ Ахеронта;
Въ его клубахъ заключено отъ вѣка
Дѣяній совершенныхъ созерцанье
И надъ преступной вѣетъ головой.
И топчутъ, властныя губить, онѣ
Красу земли, засѣянной богами,
Съ которой древнимъ изгнаны проклятьемъ.
Бѣглецъ гонимъ ихъ быстрымъ шагомъ; только
Чтобъ вновь спугнуть, даютъ онѣ покой.

Ифигенія.

Злосчастный, и съ тобой то жь было: знаешь
Ты какъ страдаетъ бѣдный тотъ бѣглецъ!

Орестъ.

Что говоришь ты? Что со мною было?

Ифигенія.

Какъ онъ, братоубійствомъ ты подавленъ;
Ужь то повѣдалъ мнѣ твой младшій братъ.

Орестъ.

Я не стерплю, чтобъ духъ великій твой
Обманутъ былъ невѣрнымъ словомъ. Пусть

Ein lügenhaft Gewebe knüpf' ein Fremder
Dem Fremden, sinnreich und der List gewohnt,
Zur Falle vor die Füsse; zwischen uns
Sei Wahrheit!
Ich bin Orest! Und dieses schuld'ge Haupt
Senkt nach der Grube sich und sucht den Tod;
In jeglicher Gestalt sei er willkommen!
Wer du auch seist, so wünsch' ich Rettung dir
Und meinem Freunde; mir wünsch' ich sie nicht.
Du scheinst hier wider Willen zu verweilen;
Erfindet Rat zur Flucht und lasst mich hier.
Es stürze mein entseelter Leib vom Fels,
Es rauche bis zum Meer hinab mein Blut
Und bringe Fluch dem Ufer der Barbaren!
Geht ihr, daheim im schönen Griechenland
Ein neues Leben freundlich anzufangen.

(Er entfernt sich).

IPHIGENIE.

So steigst du denn, Erfüllung, schönste Tochter
Des grössten Vaters, endlich zu mir nieder!
Wie ungeheuer steht dein Bild vor mir!
Kaum reicht mein Blick dir an die Hände, die,
Mit Frucht und Segenskränzen angefüllt,
Die Schätze des Olympus niederbringen.
Wie man den König an dem Übermass
Der Gaben kennt, — denn ihm muss wenig scheinen,
Was Tausenden schon Reichtum ist, — so kennt
Man euch, ihr Götter, an gesparten, lang'
Und weise zubereiteten Geschenken.

Обманчивую сѣть силками стелетъ
Чужому подъ ноги чужой, привыкшій
Къ замысловатой хитрости; межъ нами
Будь правда!
Передъ тобой Орестъ! Главой преступной
Къ могилѣ я клонюсь и жажду смерти;
Она въ любомъ мнѣ образѣ желанна!
Кто бъ ни была ты, да спасетесь вы,
Ты и мой другъ; я не хочу спасенья.
Здѣсь противъ воли, мнится мнѣ, живешь ты;
Бѣжать пытайтесь, но меня оставьте.
Со скалъ пусть бездыханный трупъ мой сбросятъ,
Пусть кровь моя, дымясь, стекаетъ къ морю,
Прибрежью варваровъ неся проклятье!
Бѣгите; дома, въ Греціи прекрасной
Жизнь новую начните въ дружбѣ вы.

(Онъ удаляется).

Ифигенія.

Ты, Исполненье, наконецъ нисходишь
Ко мнѣ, Дочь лучшая Отца боговъ!
Какъ величавъ твой образъ предо мною!
Взоръ достаетъ едва до рукъ твоихъ,
Чтò, полныя плодами и вѣнками,
Даруютъ намъ сокровища Олимпа.
Какъ по обилью дара познаютъ
Царя, который малымъ почитаетъ,
Чтò тысячамъ — богатство, такъ по вашимъ
Даяньямъ, долго, бережно и мудро
Накопленнымъ, васъ, боги, познаемъ мы.

Denn ihr allein wisst, was uns frommen kann,
Und schaut der Zukunft ausgedehntes Reich,
Wenn jedes Abends Stern- und Nebelhülle
Die Aussicht uns verdeckt. Gelassen hört
Ihr unser Flehn, das um Beschleunigung
Euch kindisch bittet; aber eure Hand
Bricht unreif nie die goldnen Himmelsfrüchte;
Und wehe dem, der ungeduldig sie
Ertrotzend saure Speise sich zum Tod
Geniesst. O lasst das lang' erwartete,
Noch kaum gedachte Glück nicht wie den Schatten
Des abgeschiednen Freundes eitel mir
Und dreifach schmerzlicher vorübergehn!

Orest *(tritt wieder zu ihr).*

Rufst du die Götter an für dich und Pylades,
So nenne meinen Namen nicht mit eurem.
Du rettest den Verbrecher nicht, zu dem
Du dich gesellst, und teilest Fluch und Not.

Iphigenie.

Mein Schicksal ist an deines fest gebunden.

Orest.

Mit nichten! Lass allein und unbegleitet
Mich zu den Toten gehn. Verhülltest du
In deinen Schleier selbst den Schuldigen,
Du birgst ihn nicht vorm Blick der Immerwachen,
Und deine Gegenwart, du Himmlische,
Drängt sie nur seitwärts und verscheucht sie nicht.

Вы знаете одни, что̀ намъ потребно,
Вамъ видимо грядущаго пространство,
Тогда какъ мгла и звѣзды каждый вечеръ
Намъ застилаютъ даль. Спокойно нашимъ
Вы внемлете ребяческимъ мольбамъ
Объ ускореньи дара; никогда
Златыхъ плодовъ небесъ вы не сорвете
Незрѣлыми; и горе тѣмъ, кто дерзко
Себѣ на смерть, вкуситъ нетерпѣливо
Ихъ горечи. Не дайте же, о боги,
Нежданному, негаданному счастью
Исчезнуть втунѣ, словно тѣни друга
Умершаго, и мнѣ скорбѣть втройнѣ!

Орестъ *(опять подходитъ къ ней).*

Боговъ себѣ съ Пиладомъ призывая
На помощь, ты меня не поминай.
Ты не спасешь преступника, но съ нимъ
Раздѣлишь и проклятье и бѣду.

Ифигенія.

Моя судьба съ твоею неразрывна.

Орестъ.

Ничуть! Безъ спутниковъ, дай одному
Мнѣ къ мертвымъ отойти. Хотя бъ прикрыла
Виновнаго своимъ ты покрываломъ,
Его отъ глазъ недремлющихъ не спрячешь,
И близость, о небесная, твоя
Лишь отстранитъ, но прочь ихъ не прогонитъ.

Sie dürfen mit den ehrnen frechen Füssen
Des heil'gen Waldes Boden nicht betreten;
Doch hör' ich aus der Ferne hier und da
Ihr grässliches Gelächter. Wölfe harren
So um den Baum, auf den ein Reisender
Sich rettete. Da draussen ruhen sie
Gelagert; und verlass' ich diesen Hain,
Dann steigen sie, die Schlangenhäupter schüttelnd,
Von allen Seiten Staub erregend auf
Und treiben ihre Beute vor sich her.

IPHIGENIE.

Kannst du, Orest, ein freundlich Wort vernehmen?

OREST.

Spar' es für einen Freund der Götter auf.

IPHIGENIE.

Sie geben dir zu neuer Hoffnung Licht.

OREST.

Durch Rauch und Qualm seh' ich den matten Schein
Des Totenflusses mir zur Hölle leuchten.

IPHIGENIE.

Hast du Elektren, eine Schwester nur?

OREST.

Die eine kannt' ich; doch die ältste nahm
Ihr gut Geschick, das uns so schrecklich schien,

Ихъ грозныя желѣзныя стопы
Въ священную ступить не смѣютъ рощу;
Но слышу издали я тутъ и тамъ
Ихъ страшный хохотъ. Стерегутъ, какъ волки,
Онѣ подъ деревомъ, гдѣ спасся путникъ.
Снаружи тамъ ихъ притаилась стая
Но лишь покину я дубраву эту,
Онѣ возстанутъ, прахъ вокругъ вздымая,
И закачавъ змѣиными главами,
Погонятъ предъ собой свою добычу.

Ифигенія.

Ты можешь ли, Орестъ, внять слову дружбы?

Орестъ.

Его боговъ ты другу сбереги.

Ифигенія.

Тебѣ данъ ими лучъ надежды новой.

Орестъ.

Сквозь дымъ и чадъ путь къ аду озаряетъ
Мнѣ тусклымъ блескомъ смертная рѣка.

Ифигенія.

Одна ль Электра у тебя сестра?

Орестъ.

Я зналъ одну лишь; старшую унесъ
Счастливый рокъ, казавшійся намъ страшнымъ,

Beizeiten aus dem Elend unsers Hauses.
O lass dein Fragen, und geselle dich
Nicht auch zu den Erinnyen; sie blasen
Mir schadenfroh die Asche von der Seele
Und leiden nicht, dass sich die letzten Kohlen
Von unsers Hauses Schreckensbrande still
In mir verglimmen. Soll die Glut denn ewig,
Vorsätzlich angefacht, mit Höllenschwefel
Genährt, mir auf der Seele marternd brennen?

IPHIGENIE.

Ich bringe süsses Rauchwerk in die Flamme.
O lass den reinen Hauch der Liebe dir
Die Glut des Busens leise wehend kühlen.
Orest, mein Teurer, kannst du nicht vernehmen?
Hat das Geleit der Schreckensgötter so
Das Blut in deinen Adern aufgetrocknet?
Schleicht, wie vom Haupt der grässlichen Gorgone,
Versteinernd dir ein Zauber durch die Glieder?
O wenn vergossnen Mutterblutes Stimme
Zur Höll' hinab mit dumpfen Tönen ruft,
Soll nicht der reinen Schwester Segenswort
Hilfreiche Götter vom Olympus rufen?

OREST.

Es ruft! es ruft! So willst du mein Verderben!
Verbirgt in dir sich eine Rachegöttin?
Wer bist du, deren Stimme mir entsetzlich
Das Innerste in seinen Tiefen wendet?

Найти пыталась доступъ къ сердцу сына;
Но занесенной дланью поразилъ онъ
Ей грудь и пала мать. — Возстань, духъ грозный!
Вы, Фуріи сюда! Сомкнувшись кругомъ,
Желаннымъ зрѣлищемъ послѣднимъ, страшнымъ,
И вами жь подготовленнымъ, насытьтесь.
Не месть иль ненависть ножъ наточила,
Но полная любви сестра къ злодѣйству
Принуждена. — Не плачь! Ты неповинна.
Отъ дѣтскихъ лѣтъ ничто я не любилъ
Такъ, какъ тебя любить бы могъ, сестра.
Да, занеси свой ножъ и не щади;
Взрѣжь эту грудь и дай истокъ свободный
Потокамъ крови здѣсь въ груди кипящимъ!

(Падаетъ въ изнеможеніи).

Ифигенія.

Нести одна и скорбь, и счастье это
Не въ силахъ я. — Гдѣ, гдѣ ты, о Пиладъ?
Гдѣ, дорогой, твою найду я помощь?

(Удаляется, отыскивая).

Явленіе второе.

Орестъ *(очнувшись отъ обморока, поднимается).*

Еще бъ одинъ послѣдній свѣжій кубокъ
Струи студеной Леты въ подкрѣпленье!
Ужь скоро стихнетъ жизни содроганье

Hinweggespült; bald fliesset still mein Geist,
Der Quelle des Vergessens hingegeben,
Zu euch, ihr Schatten, in die ew'gen Nebel.
Gefällig lasst in eurer Ruhe sich
Den umgetriebnen Sohn der Erde laben!—
Welch ein Gelispel hör' ich in den Zweigen,
Welch ein Geräusch aus jener Dämmrung säuseln? —
Sie kommen schon, den neuen Gast zu sehn!
Wer ist die Schar, die herrlich miteinander
Wie ein versammelt Fürstenhaus sich freut?
Sie gehen friedlich, Alt' und Junge, Männer
Mit Weibern; göttergleich und ähnlich scheinen
Die wandelnden Gestalten. Ja, sie sind's,
Die Ahnherrn meines Hauses! — Mit Thyesten
Geht Atreus in vertraulichen Gesprächen;
Die Knaben schlüpfen scherzend um ihn her.
Ist keine Feindschaft hier mehr unter euch?
Verlosch die Rache wie das Licht der Sonne?
So bin auch ich willkommen, und ich darf
In euern feierlichen Zug mich mischen.
Willkommen, Väter! euch grüsst Orest,
Von euerm Stamme der letzte Mann;
Was ihr gesä't, hat er geerntet:
Mit Fluch beladen stieg er herab;
Doch leichter träget sich hier jede Bürde:
Nehmt ihn, o nehmt ihn in euern Kreis! —
Dich, Atreus, ehr' ich, auch dich, Thyesten:
Wir sind hier alle der Feindschaft los. —
Zeigt mir den Vater, den ich nur einmal
Im Leben sah! — Bist du's, mein Vater?

Въ груди моей; и скоро понесется,
Забвенія потоку отдаваясь,
Душа моя къ вамъ, тѣни вѣчной мглы.
Земли измученному сыну дайте
Вкусить покоя вашего усладу!
Какой мнѣ шелестъ слышится въ вѣтвяхъ,
Какое въ этихъ сумеркахъ шуршанье? —
Уже идутъ они увидѣть гостя!
И кто они, тѣ радостные тамъ
Въ блестящемъ сонмѣ царственнаго дома?
Они проходятъ мирно, старъ и младъ,
Мужи и жены; богоравны, схожи
Туманные ихъ лики. То они,
То предки дома моего! — Съ Ѳіестомъ
Идетъ Атрей въ довѣрчивой бесѣдѣ;
Вкругъ нихъ, играя, отроки рѣзвятся.
Иль между ними здѣсь ужь нѣтъ вражды?
Иль месть угасла, какъ и солнца свѣтъ?
Такъ свой у нихъ и я, и смѣю въ ихъ
Торжественное шествіе вмѣшаться.
Привѣтъ, о предки, вамъ шлетъ Орестъ,
Въ потомствѣ вашемъ послѣдній мужъ;
Что̀ посѣяли вы, то онъ пожалъ:
Подъ гнетомъ проклятья сошелъ онъ сюда,
Но каждой ноши здѣсь легче бремя:
Примите его, о, примите въ свой кругъ! —
Чту тебя я, Атрей, и тебя, Ѳіестъ:
Мы всѣ свободны здѣсь отъ вражды.
Укажите отца мнѣ, котораго я
Видѣлъ въ жизни лишь разъ! — Ты ль это, отецъ?

Und führst die Mutter vertraut mit dir?
Darf Klytämnestra die Hand dir reichen,
So darf Orest auch zu ihr treten
Und darf ihr sagen: sieh deinen Sohn! —
Seht euern Sohn! Heisst ihn willkommen.
Auf Erden war in unserm Hause
Der Gruss des Mordes gewisse Losung,
Und das Geschlecht des alten Tantalus
Hat seine Freuden jenseits der Nacht.
Ihr ruft: Willkommen! und nehmt mich auf!
O führt zum Alten, zum Ahnherrn mich, —
Wo ist der Alte? — dass ich ihn sehe,
Das teure Haupt, das vielverehrte,
Das mit den Göttern zu Rate sass!
Ihr scheint zu zaudern, euch wegzuwenden?
Was ist es? Leidet der Göttergleiche?
Weh mir! es haben die Übermächt'gen
Der Heldenbrust grausame Qualen
Mit ehrnen Ketten fest aufgeschmiedet.

Dritter Auftritt.

OREST. IPHIGENIE. PYLADES.

OREST.

Seid ihr auch schon herabgekommen?
Wohl, Schwester, dir! Noch fehlt Elektra;
Ein güt'ger Gott send' uns die eine

И ты мою мать дружелюбно ведешь?
Если руку тебѣ Клитемнестра даетъ,
То Орестъ также смѣетъ къ ней подойти
И ей смѣетъ сказать: Предъ тобой твой сынъ! —
Предъ вами вашъ сынъ! Привѣта онъ ждетъ.
На землѣ въ нашемъ родѣ убійства привѣтъ
Не разъ доставался, какъ вѣрный удѣлъ,
И потомки старца Тантала найдутъ
Свои радости тамъ, гдѣ невѣдома ночь.
Привѣтъ вы мнѣ шлете! Я принятъ у васъ!
О, сведите къ старцу, къ предку меня!
Гдѣ онъ, престарѣлый? Узрѣть бы мнѣ
Лицо дорогого, столь чтимаго мной,
Того, кто въ совѣтѣ боговъ возсѣдалъ.
Но вы будто медлите, взоръ отвративъ?
Что это? Иль страждетъ равный богамъ?
О горе! Они въ высшей власти своей
Жестокою мукой геройскую грудь
Оковали навѣкъ, какъ цѣпью стальной.

Явленіе третье.

Орестъ. Ифигенія. Пиладъ.

Орестъ.

И вы ужь также сюда низошли?
О, здравствуй, сестра! Лишь Электры здѣсь нѣтъ:
Кто добрѣй изъ боговъ пусть и эту одну

Mit sanften Pfeilen auch schnell herab!
Dich, armer Freund, muss ich bedauern!
Komm mit, komm mit zu Plutos Thron,
Als neue Gäste den Wirt zu grüssen!

IPHIGENIE.

Geschwister, die ihr an dem weiten Himmel
Das schöne Licht bei Tag und Nacht herauf
Den Menschen bringet und den Abgeschiednen
Nicht leuchten dürfet, rettet uns Geschwister!
Du liebst, Diane, deinen holden Bruder
Vor allem, was dir Erd' und Himmel bietet,
Und wendest dein jungfräulich Angesicht
Nach seinem ew'gen Lichte sehnend still.
O lass den einz'gen, spätgefundnen mir
Nicht in der Finsternis des Wahnsinns rasen!
Und ist dein Wille, da du hier mich bargst,
Nunmehr vollendet, willst du mir durch ihn
Und ihm durch mich die sel'ge Hilfe geben,
So lös' ihn von den Banden jenes Fluchs,
Dass nicht die teure Zeit der Rettung schwinde.

PYLADES.

Erkennst du uns und diesen heil'gen Hain
Und dieses Licht, das nicht den Toten leuchtet?
Fühlst du den Arm des Freundes und der Schwester,
Die dich noch fest, noch lebend halten? Fass
Uns kräftig an; wir sind nicht leere Schatten.

Къ намъ скорѣй ниспошлетъ, тронувъ нѣжной стрѣлой.
О тебѣ, бѣдный другъ, соболѣзную я!
Идемъ же ко трону Плутона, идемъ
Предъ владыкой какъ новые гости предстать.

Ифигенія.

Братъ и сестра, вы, что въ безбрежномъ небѣ
Несете свѣтъ и днемъ, и ночью людямъ,
Однимъ усопшимъ лишь свѣтить не смѣя,
И намъ, сестрѣ и брату, помогите!
Діана, брата милаго ты любишь
Нѣжнѣй всего на небѣ и землѣ,
Ликъ дѣвственный, томясь, ты обращаешь
Въ тиши ко свѣту вѣчному его.
Не дай единому, такъ поздно мной
Найденному, въ потьмахъ безумья бредить!
Коль надо мной, тобою здѣсь укрытой,
Твоя свершилась воля, если мною
Ему, мнѣ жь чрезъ него ты помощь дашь,
То разрѣши его отъ узъ проклятья,
Чтобъ дорогой спасенья часъ не минулъ.

Пиладъ.

Ты узнаешь ли насъ и эту рощу,
И этотъ свѣтъ, умершимъ не свѣтящій?
Сестры и друга чувствуешь ли руки,
Обнявшіе тебя, живого, крѣпко?
Сильнѣе обойми насъ, мы не тѣни.

Merk' auf mein Wort! Vernimm es! Raffe dich
Zusammen! Jeder Augenblick ist teuer,
Und unsre Rückkehr hängt an zarten Fäden,
Die, scheint es, eine günst'ge Parze spinnt.

Orest (*zu Iphigenien*).

Lass mich zum erstenmal mit freiem Herzen
In deinen Armen reine Freude haben!
Ihr Götter, die mit flammender Gewalt
Ihr schwere Wolken aufzuzehren wandelt,
Und gnädig-ernst den lang' erflehten Regen
Mit Donnerstimmen und mit Windesbrausen
In wilden Strömen auf die Erde schüttet,
Doch bald der Menschen grausendes Erwarten
In Segen auflöst und das bange Staunen
In Freudeblick und lauten Dank verwandelt,
Wenn in den Tropfen frischerquickter Blätter
Die neue Sonne tausendfach sich spiegelt,
Und Iris freundlich bunt mit leichter Hand
Den grauen Flor der letzten Wolken trennt:
O lasst mich auch an meiner Schwester Armen,
An meines Freundes Brust, was ihr mir gönnt,
Mit vollem Dank geniessen und behalten!
Es löset sich der Fluch, mir sagt's das Herz.
Die Eumeniden ziehn, ich höre sie,
Zum Tartarus und schlagen hinter sich
Die ehrnen Tore fernabdonnernd zu.
Die Erde dampft erquickenden Geruch
Und ladet mich auf ihren Flächen ein,
Nach Lebensfreud' und grosser Tat zu jagen.

Изъ дома во время отъ нашихъ бѣдствій.
О, не распрашивай, не будь и ты
Съ толпой Эриній за одно; сдуваютъ
Золу съ души моей онѣ злорадно
И не даютъ послѣднимъ головнямъ
Пожара, грозно губящаго домъ нашъ,
Во мнѣ дотлѣть. Иль этотъ жаръ, раздутый
Намѣренно, какъ сѣрный пламень ада,
Мнѣ вѣчно будетъ мукой сердце жечь?

Ифигенія.

Я всыплю въ пламя сладость ѳиміама.
О, дай дыханью чистому любви
На жаръ груди твоей пахнуть прохладой.
Орестъ, мой дорогой, иль ты не слышишь?
Или сопутствіе божествъ ужасныхъ
Такъ изсушило въ жилахъ кровь твою?
Иль какъ отъ лика страшнаго Горгоны
По волшебству весь каменѣешь ты?
О, если къ аду глухо вопіетъ
Кровь матери, пролитая тобою,
То чистая мольба сестры ужель
Не призоветъ благихъ боговъ Олимпа?

Орестъ.

Зоветъ! Зоветъ! Сгубить меня ты хочешь!
Таится ли въ тебѣ богиня мщенья?
Кто ты, чей голосъ страшно такъ во мнѣ
Всю глубину души перевернулъ?

IPHIGENIE.

Es zeigt sich dir im tiefsten Herzen an:
Orest, ich bin's! Sieh Iphigenien!
Ich lebe!

OREST.

Du!

IPHIGENIE.

Mein Bruder!

OREST.

Lass! Hinweg!
Ich rate dir, berühre nicht die Locken!
Wie von Kreusas Brautkleid zündet sich
Ein unauslöschlich Feuer von mir fort.
Lass mich! Wie Herkules will ich Unwürd'ger
Den Tod voll Schmach, in mich verschlossen, sterben.

IPHIGENIE.

Du wirst nicht untergehn! O dass ich nur
Ein ruhig Wort von dir vernehmen könnte!
O löse meine Zweifel, lass des Glückes,
Des lang' erflehten, mich auch sicher werden.
Es wälzet sich ein Rad von Freud' und Schmerz
Durch meine Seele. Von dem fremden Manne
Entfernet mich ein Schauer; doch es reisst
Mein Innerstes gewaltig mich zum Bruder.

OREST.

Ist hier Lyäens Tempel? Und ergreift
Unbändig-heil'ge Wut die Priesterin?

Ифигенія.

То сердца глубина тебѣ подскажетъ:
То я, я Ифигенія, Орестъ!
Живу я!

Орестъ.

Ты!

Ифигенія.

Мой братъ!

Орестъ.

Прочь! Отойди!
Не тронь моихъ кудрей, я заклинаю!
Какъ изъ покрова брачнаго Креусы
Огнь изъ меня исходитъ негасимый.
Оставь! Въ своей я сквернѣ, какъ Гераклъ,
Хочу одинъ позорной кончить смертью.

Ифигенія.

Ты не погибнешь! О, когда бъ одно мнѣ
Твое спокойное услышать слово!
О, разрѣши мои сомнѣнья, дай
Повѣрить въ счастье — даръ моленій долгихъ.
Кружится колесомъ и скорбь, и радость
Въ душѣ моей. Меня, какъ отъ чужого
Страхъ гонитъ отъ тебя; но властно тянетъ
Изъ глубины души къ тебѣ, какъ къ брату.

Орестъ.

Иль здѣсь храмъ Вакха? И объята жрица
Святымъ неудержимымъ изступленьемъ?

IPHIGENIE.

O höre mich! O sieh mich an, wie mir
Nach einer langen Zeit das Herz sich öffnet,
Der Seligkeit, dem Liebsten, was die Welt
Noch für mich tragen kann, das Haupt zu küssen,
Mit meinen Armen, die den leeren Winden
Nur ausgebreitet waren, dich zu fassen!
O lass mich! Lass mich! Denn es quillet heller
Nicht vom Parnass die ew'ge Quelle sprudelnd
Von Fels zu Fels ins goldne Tal hinab,
Wie Freude mir vom Herzen wallend fliesst,
Und wie ein selig Meer mich rings umfängt.
Orest! Orest! Mein Bruder!

OREST.

Schöne Nymphe,
Ich traue dir und deinem Schmeicheln nicht.
Diana fordert strenge Dienerinnen
Und rächet das entweihte Heiligtum.
Entferne deinen Arm von meiner Brust!
Und wenn du einen Jüngling rettend lieben,
Das schöne Glück ihm zärtlich bieten willst,
So wende meinem Freunde dein Gemüt,
Dem würd'gern Manne, zu. Er irrt umher
Auf jenem Felsenpfade; such' ihn auf,
Weis' ihn zurecht und schone meiner.

IPHIGENIE.

Fasse
Dich, Bruder, und erkenne die Gefundne!

Ифигенія.

О, слушай! О, взгляни! Раскрылось сердце
Мое по долгомъ срокѣ. О, блаженство! —
Тебѣ, милѣйшему изъ всѣхъ на свѣтѣ,
Главу облобызать, тебя руками,
До этихъ поръ протянутыми лишь
Навстрѣчу вѣтру легкому, обнять!
О, не противься мнѣ! Не такъ свѣтло,
Пѣнясь, Парнасса вѣчный ключъ струится
Со скалъ на скалы въ золотистый долъ,
Какъ сердца моего клубится радость,
Меня объемля словно море счастья.
Орестъ! Орестъ! Мой братъ!

Орестъ.

Не довѣряю
Я этимъ ласкамъ, ни тебѣ, о, нимфа.
Діанѣ нужны строгія рабыни,
И мститъ она сквернителю святыни.
Прочь отъ груди моей твоя рука!
Коль юношу ты хочешь, избавляя,
Любви прекраснымъ счастьемъ подарить,
Душой отдайся другу моему;
Меня достойнѣй онъ. Тамъ, по скалистой
Блуждаетъ онъ тропѣ; найди его,
Путь укажи, мнѣ жь дай пощаду.

Ифигенія.

Братъ мой,
Приди въ себя, найденную узнай!

Schilt einer Schwester reine Himmelsfreude
Nicht unbesonnene, strafbare Lust.
O nehmt den Wahn ihm von dem starren Auge,
Dass uns der Augenblick der höchsten Freude
Nicht dreifach elend mache! Sie ist hier,
Die längst verlorne Schwester. Vom Altar
Riss mich die Göttin weg und rettete
Hierher mich in ihr eigen Heiligtum.
Gefangen bist du, dargestellt zum Opfer,
Und findest in der Priesterin die Schwester.

OREST.

Unselige! So mag die Sonne denn
Die letzten Greuel unsers Hauses sehn!
Ist nicht Elektra hier, damit auch sie
Mit uns zu Grunde gehe, nicht ihr Leben
Zu schwererem Geschick und Leiden friste?
Gut, Priesterin! ich folge zum Altar:
Der Brudermord ist hergebrachte Sitte
Des alten Stammes; und ich danke, Götter,
Dass ihr mich ohne Kinder auszurotten
Beschlossen habt. Und lass dir raten, habe
Die Sonne nicht zu lieb und nicht die Sterne;
Komm, folge mir ins dunkle Reich hinab!
Wie sich vom Schwefelpfuhl erzeugte Drachen
Bekämpfend die verwandte Brut verschlingen,
Zerstört sich selbst das wütende Geschlecht;
Komm kinderlos und schuldlos mit hinab!
Du siehst mich mit Erbarmen an? Lass ab!
Mit solchen Blicken suchte Klytämnestra

Сестры небесно-чистаго восторга
Безумной грѣшной страстью не зови.
Разсѣйте, боги, чары предъ его
Застывшимъ взоромъ, чтобъ втройнѣ несчастнымъ
Не сталъ мигъ высшей радости! То я,
Давно пропавшая сестра. Богиня
Отъ алтаря похитила меня
И здѣсь въ своемъ святилищѣ укрыла.
И вотъ, ты — плѣнникъ, обреченъ на жертву
И жрицею сестра тебѣ предстала.

Орестъ.

Злосчастная! Послѣдніе пусть солнце
Увидитъ ужасы въ семействѣ нашемъ!
Не здѣсь ли и Электра? Чтобъ и ей
Погибнуть съ нами, не отсрочивъ жизни
Для худшаго удѣла и страданій.
Такъ, жрица! Къ алтарю съ тобой иду я:
Обычное братоубійство дѣло
Въ старинномъ родѣ. Слава, боги, вамъ,
Что уничтожить порѣшили вы
Меня бездѣтнымъ. — Вотъ тебѣ совѣтъ мой:
Не слишкомъ солнце ты люби и звѣзды;
Сойди за мною слѣдомъ въ царство мрака!
Какъ дѣти бездны адовой — драконы
Свое отродье въ схваткѣ пожираютъ,
Такъ истребляетъ самъ себя нашъ родъ.
Сойди со мной бездѣтной, неповинной!
Жалѣя смотришь на меня ты? Полно!
Такими взорами и Клитемнестра

Sich einen Weg nach ihres Sohnes Herzen;
Doch sein geschwungner Arm traf ihre Brust.
Die Mutter fiel! — Tritt auf, unwill'ger Geist!
Im Kreis geschlossen tretet an, ihr Furien,
Und wohnet dem willkommnen Schauspiel bei,
Dem letzten, grässlichsten, das ihr bereitet!
Nicht Hass und Rache schärfen ihren Dolch;
Die liebevolle Schwester wird zur Tat
Gezwungen. Weine nicht! Du hast nicht Schuld.
Seit meinen ersten Jahren hab' ich nichts
Geliebt, wie ich dich lieben könnte, Schwester.
Ja, schwinge deinen Stahl, verschone nicht,
Zerreisse diesen Busen und eröffne
Den Strömen, die hier sieden, einen Weg!
(Er sinkt in Ermattung).

IPHIGENIE.

Allein zu tragen dieses Glück und Elend
Vermag ich nicht. — Wo bist du, Pylades?
Wo find'ich deine Hilfe, teurer Mann?
(Sie entfernt sich suchend).

Zweiter Auftritt.

OREST *(aus seiner Betäubung erwachend und sich aufrichtend).*

Noch einen! reiche mir aus Lethes Fluten
Den letzten kühlen Becher der Erquickung!
Bald ist der Krampf des Lebens aus dem Busen

Замѣть мои слова! Услышь ихъ! Справься
Съ самимъ собою! Дорогъ каждый мигъ,
Возвратъ нашъ держится на тонкой нити;
Ее прядетъ сочувственная Парка.

Орестъ *(Ифигеніи).*

Дай радость чистую свободнымъ сердцемъ
Найти впервые мнѣ въ твоихъ объятьяхъ!
Безсмертные, вы съ пламенною мощью
Даль неба кроете въ тяжелыхъ тучахъ,
Съ суровой милостью дождь долгожданный
Средь громовыхъ раскатовъ съ воемъ вѣтра
На землю льете грозными струями;
Но благодатью ожиданья страхъ
Смѣняется, а робость изумленья —
И радостью, и громкою хвалой,
Когда средь освѣженныхъ листьевъ солнце
Опять стократно въ капляхъ отразится
И радуга привѣтливо зардѣетъ,
Прорѣзавъ тучъ послѣднихъ сѣрый кровъ.
Когда бъ и мнѣ на дружеской груди
И въ сестриныхъ объятьяхъ удержать
Вашъ даръ, его вкушая благодарно!
Разсѣялось проклятье, сердце чуетъ.
Я слышу, въ Тартаръ сходятъ Евмениды
И мѣдныя захлопнулись врата
За ними, громомъ прозвучавъ вдали.
Земля свѣжо струитъ благоуханье
И жизнерадостно ея просторъ
Меня манитъ къ дѣяніямъ великимъ.

Pylades.

Versäumt die Zeit nicht, die gemessen ist!
Der Wind, der unsre Segel schwellt, er bringe
Erst unsre volle Freude zum Olymp.
Kommt! Es bedarf hier schnellen Rat und Schluss.

Пиладъ.

Отмѣренъ часъ, его не упускайте!
Сперва пусть парусъ намъ наполнитъ вѣтеръ
И съ нашей радостью къ Олимпу мчится.
Идемъ! Совѣтъ съ рѣшеньемъ скорымъ нуженъ.

Vierter Aufzug.

Erster Auftritt.

IPHIGENIE.

Denken die Himmlischen
Einem der Erdgebornen
Viele Verwirrungen zu,
Und bereiten sie ihm
Von der Freude zu Schmerzen
Und von Schmerzen zur Freude
Tief erschütternden Übergang:
Dann erziehen sie ihm
In der Nähe der Stadt
Oder am fernen Gestade,
Dass in Stunden der Not
Auch die Hilfe bereit sei,
Einen ruhigen Freund.
O segnet, Götter, unsern Pylades
Und was er immer unternehmen mag!
Er ist der Arm des Jünglings in der Schlacht,
Des Greises leuchtend Aug' in der Versammlung:
Denn seine Seel' ist stille; sie bewahrt
Der Ruhe heil'ges unerschöpftes Gut,

Дѣйствіе четвертое.

Явленіе первое.

Ифигенія.

Если неба владыки
Земнородному много
Предназначатъ превратностей несть;
Если судятъ ему
Отъ веселія къ скорби
И отъ скорби къ веселью
Переходъ, потрясающій душу —
То взрастятъ для него
Недалече отъ града
Иль на дальнемъ прибрежьѣ
Друга съ тихой душою они,
Чтобъ онъ въ бѣдственный часъ
Въ немъ и помощь нашелъ.
Благословите нашего Пилада,
О боги, и все то, что онъ предприметъ!
Онъ юноши рукой владѣетъ въ битвѣ
И свѣтлымъ окомъ старца на совѣтѣ:
Душа его тиха; она покоя
Хранитъ неисчерпаемое благо,

Und den Umhergetriebnen reichet er
Aus ihren Tiefen Rat und Hilfe. Mich
Riss er vom Bruder los; den staunt' ich an
Und immer wieder an und konnte mir
Das Glück nicht eigen machen, liess ihn nicht
Aus meinen Armen los und fühlte nicht
Die Nähe der Gefahr, die uns umgibt.
Jetzt gehn sie ihren Anschlag auszuführen
Der See zu, wo das Schiff mit den Gefährten
In einer Bucht versteckt aufs Zeichen lauert,
Und haben kluges Wort mir in den Mund
Gegeben, mich gelehrt, was ich dem König
Antworte, wenn er sendet und das Opfer
Mir dringender gebietet. Ach! ich sehe wohl,
Ich muss mich leiten lassen wie ein Kind.
Ich habe nicht gelernt zu hinterhalten,
Noch jemand etwas abzulisten. Weh!
O weh der Lüge! Sie befreiet nicht,
Wie jedes andre wahr gesprochne Wort,
Die Brust; sie macht uns nicht getrost, sie ängstet
Den, der sie heimlich schmiedet, und sie kehrt,
Ein losgedrückter Pfeil, von einem Gotte
Gewendet und versagend, sich zurück
Und trifft den Schützen. Sorg' auf Sorge schwankt
Mir durch die Brust. Es greift die Furie
Vielleicht den Bruder auf dem Boden wieder
Des ungeweihten Ufers grimmig an.
Entdeckt man sie vielleicht? Mich dünkt, ich höre
Gewaffnete sich nahen! — Hier! — Der Bote
Kommt von dem Könige mit schnellem Schritt.

Изъ нѣдръ ея даритъ совѣтъ и помощь
Онъ тѣмъ, кого смятенье гонитъ. Онъ
Отъ брата оторвалъ меня; любуясь,
Имъ наглядѣться не могла я; въ счастье
Боясь увѣровать, его изъ рукъ
Не выпускала я, забывъ про близость
Опасности, насъ тѣсно обступившей.
Теперь они свой замыслъ исполняютъ
У моря, гдѣ укрывшись съ кораблемъ
Въ заливѣ, спутники лишь знака ждутъ.
Разумное мнѣ подсказали слово
Они и научили, какъ отвѣтить
Царю, когда настойчивѣе жертвы
Онъ станетъ требовать. Ахъ, вижу я,
Руководить мной надо, какъ ребенкомъ.
Я скрытности еще не научилась,
Лукавить не умѣю я. О, горе!
О, эта ложь! Она не облегчаетъ
Груди, какъ всякое другое слово
Правдивое; въ ней страхъ — не утѣшенье
Тайкомъ ее ковавшему; она,
Летя подобно спущенной стрѣлѣ,
Ослаблена, повернута богами,
Стрѣлка разитъ. Забота за заботой
Въ груди тѣснится. Фурія, быть можетъ,
На берегу неосвященномъ брата
Свирѣпо на̀ землю повергла вновь.
Быть можетъ ихъ откроютъ? Не шаги ли
Вооруженныхъ слышу я? — Вотъ! — Вѣстникъ
Царя поспѣшной поступью идетъ.

Es schlägt mein Herz, es trübt sich meine Seele,
Da ich des Mannes Angesicht erblicke,
Dem ich mit falschem Wort begegnen soll.

Zweiter Auftritt.

Iphigenie. Arkas.

Arkas.

Beschleunige das Opfer, Priesterin!
Der König wartet und es harrt das Volk.

Iphigenie.

Ich folgte meiner Pflicht und deinem Wink,
Wenn unvermutet nicht ein Hindernis
Sich zwischen mich und die Erfüllung stellte.

Arkas.

Was ist's, das den Befehl des Königs hindert?

Iphigenie.

Der Zufall, dessen wir nicht Meister sind.

Arkas.

So sage mir's, dass ich's ihm schnell vermelde:
Denn er beschloss bei sich der beiden Tod.

Iphigenie.

Die Götter haben ihn noch nicht beschlossen.
Der ältste dieser Männer trägt die Schuld

Душа смущается и бьется сердце:
Мнѣ предстоитъ лицо увидѣть мужа,
Котораго должна я встрѣтить ложью.

Явленіе второе.

Ифигенія. Аркадъ.

Аркадъ.

Ускорь, о жрица, жертвоприношенье!
Царь ждетъ, и собирается народъ.

Ифигенія.

Свершила бъ долгъ по твоему я знаку,
Когда бы между мной и исполненьемъ
Нежданное препятствіе не встало.

Аркадъ.

Приказъ царя исполнить что̀ мѣшаетъ?

Ифигенія.

Случайность, надъ которой мы не властны.

Аркадъ.

Скажи въ чемъ дѣло, чтобъ скорѣй ему я
Могъ доложить: онъ смерть судилъ обоимъ.

Ифигенія.

Ее еще имъ не судили боги.
Надъ тѣмъ изъ нихъ, кто старше, тяготѣетъ

Des nahverwandten Bluts, das er vergoss.
Die Furien verfolgen seinen Pfad,
Ja, in dem innern Tempel fasste selbst
Das Übel ihn, und seine Gegenwart
Entheiligte die reine Stätte. Nun
Eil' ich mit meinen Jungfrau'n, an dem Meere
Der Göttin Bild mit frischer Welle netzend,
Geheimnisvolle Weihe zu begehn.
Es störe niemand unsern stillen Zug!

ARKAS.

Ich melde dieses neue Hindernis
Dem Könige geschwind; beginne du
Das heil'ge Werk nicht eh, bis er's erlaubt.

IPHIGENIE.

Dies ist allein der Priest'rin überlassen.

ARKAS.

Solch seltnen Fall soll auch der König wissen.

IPHIGENIE.

Sein Rat wie sein Befehl verändert nichts.

ARKAS.

Oft wird der Mächtige zum Schein gefragt.

IPHIGENIE.

Erdringe nicht, was ich versagen sollte.

Имъ пролитая родственная кровь,
И Фуріи преслѣдуютъ его.
Онъ даже въ самомъ храмѣ былъ охваченъ
Недугомъ, и присутствіе его
Святое мѣсто осквернило. Къ морю
Теперь спѣшу я съ дѣвами моими
Кумиръ богини свѣжею волною
Омывъ, обрядъ таинственный свершить.
Никто да не смутитъ хожденье наше!

АРКАДЪ.

Скорѣй царю я доложу о новомъ
Препятствіи; пока не разрѣшитъ онъ,
Святого дѣла ты не начинай.

ИФИГЕНІЯ.

То жрицѣ предоставлено одной.

АРКАДЪ.

Столь рѣдкій случай долженъ знать и царь.

ИФИГЕНІЯ.

Его совѣтъ, какъ и приказъ, безсильны.

АРКАДЪ.

Владыку часто просятъ лишь для вида.

ИФИГЕНІЯ.

Не вымогай того, въ чемъ откажу я.

ARKAS.

Versage nicht, was gut und nützlich ist.

IPHIGENIE.

Ich gebe nach, wenn du nicht säumen willst.

ARKAS.

Schnell bin ich mit der Nachricht in dem Lager,
Und schnell mit seinen Worten hier zurück.
O könnt' ich ihm noch eine Botschaft bringen,
Die alles löste, was uns jetzt verwirrt:
Denn du hast nicht des Treuen Rat geachtet.

IPHIGENIE.

Was ich vermochte, hab' ich gern getan.

ARKAS.

Noch änderst du den Sinn zur rechten Zeit.

IPHIGENIE.

Das steht nun einmal nicht in unsrer Macht.

ARKAS.

Du hältst unmöglich, was dir Mühe kostet.

IPHIGENIE.

Dir scheint es möglich, weil der Wunsch dich trügt.

ARKAS.

Willst du denn alles so gelassen wagen?

Аркадъ.

Не откажи мнѣ въ добромъ и полезномъ.

Ифигенія.

Я уступлю, коль медлить ты не можешь.

Аркадъ.

До стана скоро съ вѣстью я дойду
И скоро съ царскимъ возвращусь отвѣтомъ.
О, еслибъ и другою вѣстью могъ я
Все разрѣшить, что̀ нынѣ насъ смущаетъ:
Моимъ совѣтомъ ты пренебрегла.

Ифигенія.

Все, что̀ могла, я сдѣлала охотно.

Аркадъ.

Еще есть время измѣнить рѣшенье.

Ифигенія.

Теперь оно уже не въ нашей власти.

Аркадъ.

Что̀ въ трудъ тебѣ, зовешь ты невозможнымъ.

Ифигенія.

А ты — возможнымъ то̀, чего желаешь.

Аркадъ.

И такъ спокойно ты на все готова?

IPHIGENIE.

Ich hab' es in der Götter Hand gelegt.

ARKAS.

Sie pflegen Menschen menschlich zu erretten.

IPHIGENIE.

Auf ihren Fingerzeig kömmt alles an.

ARKAS.

Ich sage dir, es liegt in deiner Hand.
Des Königs aufgebrachter Sinn allein
Bereitet diesen Fremden bittern Tod.
Das Heer entwöhnte längst vom harten Opfer
Und von dem blut'gen Dienste sein Gemüt.
Ja, mancher, den ein widriges Geschick
An fremdes Ufer trug, empfand es selbst,
Wie göttergleich dem armen Irrenden,
Umhergetrieben an der fremden Grenze,
Ein freundlich Menschenangesicht begegnet.
O, wende nicht von uns, was du vermagst!
Du endest leicht, was du begonnen hast;
Denn nirgends baut die Milde, die herab
In menschlicher Gestalt vom Himmel kommt,
Ein Reich sich schneller, als wo trüb und wild
Ein neues Volk voll Leben, Mut und Kraft,
Sich selbst und banger Ahnung überlassen,
Des Menschenlebens schwere Bürden trägt.

Ифигенія.

Безсмертныхъ волѣ все я предала.

Аркадъ.

Они людей спасаютъ по людскому.

Ифигенія.

Свершится все по мановенью ихъ.

Аркадъ.

Все, повторяю, отъ тебя зависитъ.
Одно лишь раздраженіе царя
Тѣмъ пришлецамъ смерть лютую готовитъ.
Давно отвыкла рать отъ жертвъ жестокихъ
И отъ кровопролитнаго обряда.
Да, многіе, судьбой враждебной къ чуждымъ
Прибитые прибрежьямъ, испытали,
Какъ бѣдному гонимому скитальцу
На рубежѣ чужомъ богоподобнымъ
Ликъ человѣка кажется радушный.
О, не лишай того насъ, чѣмъ сильна ты!
Легко закончишь ты, что начала:
Нигдѣ скорѣй не воцарится кротость,
Подъ видомъ человѣка къ намъ съ небесъ
Сходящая, какъ тамъ, гдѣ дикъ и мраченъ,
Полнъ жизни, мужества и силы, юный
Народъ, томимъ тревогой, одиноко
Влачитъ людское жизненное бремя.

IPHIGENIE.

Erschüttre meine Seele nicht, die du
Nach deinem Willen nicht bewegen kannst.

ARKAS.

So lang' es Zeit ist, schont man weder Mühe
Noch eines guten Wortes Wiederholung.

IPHIGENIE.

Du machst dir Müh' und mir erregst du Schmerzen,
Vergebens beides. Darum lass mich nun.

ARKAS.

Die Schmerzen sind's, die ich zu Hilfe rufe;
Denn es sind Freunde, Gutes raten sie.

IPHIGENIE.

Sie fassen meine Seele mit Gewalt,
Doch tilgen sie den Widerwillen nicht.

ARKAS.

Fühlt eine schöne Seele Widerwillen
Für eine Wohltat, die der Edle reicht?

IPHIGENIE.

Ja, wenn der Edle, was sich nicht geziemt,
Statt meines Dankes mich erwerben will.

ARKAS.

Wer keine Neigung fühlt, dem mangelt es
An einem Worte der Entschuld'gung nie.

Ифигенія.

О, не колебли душу мнѣ; ее
Своей ты волѣ все жь не подчинишь.

Аркадъ.

Пока есть время, ни труда не жаль,
Ни повторенья добраго совѣта.

Ифигенія.

Тебѣ стараніе, мнѣ — огорченья:
То и другое тщетно: такъ оставь же.

Аркадъ.

Я огорченья тѣ зову на помощь:
Они друзья; добры совѣты ихъ.

Ифигенія.

Пусть надъ душой ихъ власть неукротима, —
Имъ отвращенья въ ней не угасить.

Аркадъ.

Душѣ ль питать прекрасной отвращенье
Къ благодѣянью доблестнаго мужа?

Ифигенія.

Да, если онъ взамѣнъ благодаренья
Насильно мною хочетъ обладать.

Аркадъ.

Въ чьемъ сердцѣ нѣтъ любви, тому всегда
Легко найти слова для оправданья.

Dem Fürsten sag' ich an, was hier geschehn.
O wiederholtest du in deiner Seele,
Wie edel er sich gegen dich betrug
Von deiner Ankunft an bis diesen Tag.

Dritter Auftritt.

Iphigenie *(allein)*.

Von dieses Mannes Rede fühl' ich mir
Zur ungelegnen Zeit das Herz im Busen
Auf einmal umgewendet. Ich erschrecke! —
Denn wie die Flut mit schnellen Strömen wachsend
Die Felsen überspült, die in dem Sand
Am Ufer liegen, so bedeckte ganz
Ein Freudenstrom mein Innerstes. Ich hielt
In meinen Armen das Unmögliche.
Es schien sich eine Wolke wieder sanft
Um mich zu legen, von der Erde mich
Emporzuheben und in jenen Schlummer
Mich einzuwiegen, den die gute Göttin
Um meine Schläfe legte, da ihr Arm
Mich rettend fasste. — Meinen Bruder
Ergriff das Herz mit einziger Gewalt:
Ich horchte nur auf seines Freundes Rat;
Nur sie zu retten drang die Seele vorwärts.
Und wie den Klippen einer wüsten Insel
Der Schiffer gern den Rücken wendet, so
Lag Tauris hinter mir. Nun hat die Stimme
Des treuen Manns mich wieder aufgeweckt,

Я доложу царю, что здѣсь случилось.
О, еслибы въ душѣ ты воскресила,
Какъ поступалъ съ тобой онъ благородно
Со дня, какъ прибыла ты и поднесь.

Явленіе третье.

Ифигенія *(одна)*.

Отъ рѣчи мужа этого, въ груди,
Я чувствую, не во время и сразу
Перевернулось сердце. Я страшусь! —
Какъ быстрыхъ волнъ грядою омываетъ
Морской приливъ утесы надъ прибрежнымъ
Пескомъ, такъ радости потокомъ все
Зали́ло существо мое. Въ своихъ
Рукахъ несбыточное я держала;
Какъ будто нѣжнымъ облакомъ опять
Охвачена была я, отъ земли
Приподнята и въ сонъ погружена,
Которымъ убаюкала меня
Богиня добрая, когда своею
Избавила меня рукою. — Сердце
Меня влекло всесильно къ брату: я
Его лишь друга слушала совѣта;
Душа рвалася только бъ ихъ спасти.
Какъ о́строва пустыннаго утесы
Радъ за спиной забыть пловецъ, такъ я
Тавриду позабыла. Нынѣ будитъ
Меня вновь голосъ преданнаго мужа,

Dass ich auch Menschen hier verlasse, mich
Erinnert. Doppelt wird mir der Betrug
Verhasst. O bleibe ruhig, meine Seele!
Beginnst du nun zu schwanken und zu zweifeln?
Den festen Boden deiner Einsamkeit
Musst du verlassen! Wieder eingeschifft
Ergreifen dich die Wellen schaukelnd, trüb
Und bang verkennest du die Welt und dich.

Vierter Auftritt.

IPHIGENIE. PYLADES.

PYLADES.

Wo ist sie, dass ich ihr mit schnellen Worten
Die frohe Botschaft unsrer Rettung bringe?

IPHIGENIE.

Du siehst mich hier voll Sorgen und Erwartung
Des sichern Trostes, den du mir versprichst.

PYLADES.

Dein Bruder ist geheilt! Den Felsenboden
Des ungeweihten Ufers und den Sand
Betraten wir mit fröhlichen Gesprächen;
Der Hain blieb hinter uns, wir merkten's nicht.
Und herrlicher und immer herrlicher
Umloderte der Jugend schöne Flamme
Sein lockig Haupt; sein volles Auge glühte

Напомнивъ, что такихъ же я людей
Здѣсь оставляю. Ненавистенъ мнѣ
Вдвойнѣ обманъ. О, будь, душа, покойна!
Теперь ли колебаться, сомнѣваться?
Должна покинуть ты пріютъ надежный
Дней одинокихъ. Твой корабль, качая,
Валъ подхватилъ опять и въ жуткой мглѣ
Не узнаешь ты ни себя, ни міра.

Явленіе четвертое.

Ифигенія. Пиладъ.

Пиладъ.

Гдѣ, гдѣ она, чтобъ мнѣ скорѣй подать ей
Вѣсть радостную нашего спасенья!

Ифигенія.

Полна заботы я и жду тобой
Обѣщанныхъ надежныхъ утѣшеній.

Пиладъ.

Твой исцѣлился братъ! Путемъ скалистымъ
Къ пескамъ неосвященнаго прибрежья
Въ веселой мы бесѣдѣ подошли;
Не замѣчали мы, что ужь за нами
Осталась роща. Ярче все и ярче
Прекраснымъ юности огнемъ сіяла
Его кудрявая глава, горѣлъ

Von Mut und Hoffnung, und sein freies Herz
Ergab sich ganz der Freude, ganz der Lust,
Dich, seine Retterin, und mich zu retten.

IPHIGENIE.

Gesegnet seist du, und es möge nie
Von deiner Lippe, die so Gutes sprach,
Der Ton des Leidens und der Klage tönen!

PYLADES.

Ich bringe mehr als das; denn schön begleitet
Gleich einem Fürsten, pflegt das Glück zu nahn.
Auch die Gefährten haben wir gefunden.
In einer Felsenbucht verbargen sie
Das Schiff und sassen traurig und erwartend.
Sie sahen deinen Bruder, und es regten
Sich alle jauchzend, und sie baten dringend
Der Abfahrt Stunde zu beschleunigen.
Es sehnet jede Faust sich nach dem Ruder,
Und selbst ein Wind erhob vom Lande lispelnd,
Von allen gleich bemerkt, die holden Schwingen.
Drum lass uns eilen, führe mich zum Tempel,
Lass mich das Heiligtum betreten, lass
Mich unsrer Wünsche Ziel verehrend fassen.
Ich bin allein genug, der Göttin Bild
Auf wohlgeübten Schultern wegzutragen;
Wie sehn' ich mich nach der erwünschten Last!
(Er geht gegen den Tempel unter den letzten Worten, ohne zu bemerken, dass Iphigenie nicht folgt; endlich kehrt er sich um).

Отвагой и надеждой взоръ, а сердце
Все отдалось и радости, и счастью
Спасти меня и спасшую его.

Ифигенія.

Будь ты благословенъ, пусть никогда
Благую вѣсть вѣщавшія уста
Не издаютъ ни жалобы, ни стона!

Пиладъ.

Повѣдаю я больше, ибо счастье
Къ намъ близится, какъ царь, съ толпою пышной.
Мы и товарищей своихъ нашли.
Они, корабль въ заливѣ скрывъ скалистомъ,
Печальные сидѣли въ ожиданьи.
Завидя брата твоего, они
Заликовали, поднялись и стали
Молить, чтобъ часъ отплытья былъ ускоренъ.
Рука у каждаго къ веслу тянулась,
И всѣ замѣтили, что даже вѣтеръ
Съ земли повѣялъ ласковымъ крыломъ.
Итакъ спѣши, веди меня во храмъ,
Пусти въ святилище и къ цѣли нашихъ
Желаній набожно дай прикоснуться.
Я и одинъ смогу кумиръ богини
Унесть, привычныя подставивъ плечи.
О, какъ стремлюсь я къ ношѣ вожделѣнной!

(Съ послѣдними словами идетъ ко храму, не замѣчая, что Ифигенія не слѣдуетъ за нимъ; потомъ оборачивается).

Du stehst und zauderst — Sage mir — Du schweigst!
Du scheinst verworren! Widersetzet sich
Ein neues Unheil unserm Glück? Sag' an!
Hast du dem Könige das kluge Wort
Vermelden lassen, das wir abgeredet?

IPHIGENIE.

Ich habe, teurer Mann; doch wirst du schelten.
Ein schweigender Verweis war mir dein Anblick.
Des Königs Bote kam, und wie du es
Mir in den Mund gelegt, so sagt' ich's ihm.
Er schien zu staunen und verlangte dringend
Die seltne Feier erst dem Könige
Zu melden, seinen Willen zu vernehmen;
Und nun erwart' ich seine Wiederkehr.

PYLADES.

Weh uns! Erneuert schwebt nun die Gefahr
Um unsre Schläfe! Warum hast du nicht
Ins Priesterrecht dich weislich eingehüllt?

IPHIGENIE.

Als eine Hülle hab' ich's nie gebraucht.

PYLADES.

So wirst du, reine Seele, dich und uns
Zu Grunde richten. Warum dacht' ich nicht
Auf diesen Fall voraus und lehrte dich,
Auch dieser Fordrung auszuweichen!

Стоишь и медлишь ты. — Скажи, — молчишь ты!
Ты смущена! Иль новая бѣда
Намъ въ счастьѣ угрожаетъ? О, повѣдай!
Ты передать велѣла ли царю,
Хитро задуманное нами слово?

Ифигенія.

Да, другъ мой; но бранить меня ты будешь.
Въ твоемъ лицѣ нѣмой укоръ прочла я.
Цареву вѣстнику, лишь онъ пришелъ,
Какъ ты внушилъ мнѣ, такъ я и сказала.
Онъ удивился; твердо мнѣ отвѣтилъ,
Что о такомъ невѣдомомъ обрядѣ
Сперва царю онъ долженъ доложить
И волю знать его. И вотъ, я жду.

Пиладъ.

О, горе намъ! Вновь носится опасность
Надъ нашей головой! Зачѣмъ же мудро
Себя ты правомъ жрицы не укрыла?

Ифигенія.

Имъ никогда не укрывалась я.

Пиладъ.

Ты, чистая душа, себя и насъ
Погубишь такъ. Зачѣмъ я не предвидѣлъ
Такого случая! Не научилъ,
Какъ обойти такой приказъ!

IPHIGENIE.

Schilt
Nur mich, die Schuld ist mein, ich fühl' es wohl;
Doch konnt' ich anders nicht dem Mann begegnen,
Der mit Vernunft und Ernst von mir verlangte,
Was ihm mein Herz als Recht gestehen musste.

PYLADES.

Gefährlicher zieht sich's zusammen; doch auch so
Lass uns nicht zagen oder unbesonnen
Und übereilt uns selbst verraten. Ruhig
Erwarte du die Wiederkunft des Boten,
Und dann steh fest, er bringe was er will:
Denn solcher Weihung Feier anzuordnen,
Gehört der Priesterin und nicht dem König.
Und fordert er den fremden Mann zu sehn,
Der von dem Wahnsinn schwer belastet ist,
So lehn es ab, als hieltest du uns beide
Im Tempel wohl verwahrt. So schaff' uns Luft,
Dass wir aufs eiligste, den heil'gen Schatz
Dem rauh unwürd'gen Volk entwendend, fliehn.
Die besten Zeichen sendet uns Apoll,
Und eh wir die Bedingung fromm erfüllen,
Erfüllt er göttlich sein Versprechen schon.
Orest ist frei, geheilt! — Mit dem Befreiten
O führet uns hinüber, günst'ge Winde,
Zur Felseninsel, die der Gott bewohnt,
Dann nach Mycen, dass es lebendig werde,
Dass von der Asche des verloschnen Herdes
Die Vatergötter fröhlich sich erheben,

Ифигенія.

Меня лишь
Кори; свою вину я вижу ясно;
Но не могла противиться я мужу,
Который строго требовалъ того,
Въ чемъ я сама его считала правымъ.

Пиладъ.

Опасности все болѣе, и все жь
Не станемъ мы робѣть и въ безразсудной
Поспѣшности не выдадимъ себя.
Возврата вѣстника спокойно выжди
И непреклонна будь, что бъ ни сказалъ онъ:
Свершить обрядъ такого очищенья
Доступно только жрицѣ, не царю.
Коль видѣть онъ захочетъ чужеземца,
Такъ тяжко угнетеннаго безумьемъ,
То откажи, какъ будто насъ обоихъ
Надежно въ храмѣ держишь. Дай намъ срокъ,
Чтобы священный кладъ у недостойныхъ
Похитивъ дикарей, бѣжать поспѣшно.
Намъ Аполлонъ шлетъ знаменья благія,
И раньше, чѣмъ святой мы долгъ исполнимъ,
Исполненъ имъ божественный обѣтъ.
Свободенъ, исцѣленъ Орестъ! — Несите
Свободныхъ насъ, попутные намъ вѣтры,
Къ скалистымъ островамъ — жилищу бога;
А тамъ — въ Микены; жизнь къ нимъ возвратится,
Изъ пепла пусть надъ очагомъ угаснимъ
Возстанутъ предковъ облики святые

Und schönes Feuer ihre Wohnungen
Umleuchte! Deine Hand soll ihnen Weihrauch
Zuerst aus goldnen Schalen streuen. Du
Bringst über jene Schwelle Heil und Leben wieder,
Entsühnst den Fluch und schmückest neu die Deinen
Mit frischen Lebensblüten herrlich aus.

IPHIGENIE.

Vernehm' ich dich, so wendet sich, o Teurer,
Wie sich die Blume nach der Sonne wendet,
Die Seele, von dem Strahle deiner Worte
Getroffen, sich dem süssen Troste nach.
Wie köstlich ist des gegenwärt'gen Freundes
Gewisse Rede, deren Himmelskraft
Ein Einsamer entbehrt und still versinkt.
Denn langsam reift, verschlossen in dem Busen,
Gedank' ihm und Entschluss; die Gegenwart
Des Liebenden entwickelte sie leicht.

PYLADES.

Leb' wohl! Die Freunde will ich nun geschwind
Beruhigen, die sehnlich wartend harren.
Dann komm' ich schnell zurück und lausche hier
Im Felsenbusch versteckt auf deinen Wink —
Was sinnest du? Auf einmal überschwebt
Ein stiller Trauerzug die freie Stirne.

IPHIGENIE.

Verzeih! Wie leichte Wolken vor der Sonne,
So zieht mir vor der Seele leichte Sorge
Und Bangigkeit vorüber.

И пусть огонь прекрасный заблеститъ
Въ чертогахъ ихъ. Ты первая посыплешь
Имъ ѳиміамъ изъ чаши золотой.
Порогъ ты съ благодатью переступишь
И, искупивъ проклятье, близкихъ всѣхъ
Цвѣтами юной жизни вновь украсишь.

Ифигенія.

О, дорогой, тебѣ внимаю я;
Какъ тянется цвѣтокъ навстрѣчу солнцу,
Такъ обращается душа, согрѣта
Лучомъ твоихъ рѣчей, къ утѣхѣ сладкой.
Какъ дороги увѣренныя рѣчи
И близость друга! Ихъ небесной силы
Лишенъ и тихо гибнетъ одинокій.
Въ немъ медленно, въ груди затаены,
Мысль и рѣшенье зрѣютъ; близость друга
Дала имъ сразу силу и полетъ.

Пиладъ.

Прощай! Теперь скорѣй я успокою
Друзей; они томятся ожиданьемъ.
Потомъ вернусь и, за кустомъ укрывшись
Въ скалахъ, ждать буду знака твоего.—
Что призадумалась ты? Тихой грустью
Чело открытое вдругъ омрачилось?

Ифигенія.

Прости! Какъ передъ солнцемъ облака,
Такъ робость и забота по душѣ
Моей легко скользнули.

PYLADES.

Fürchte nicht!
Betrüglich schloss die Furcht mit der Gefahr
Ein enges Bündnis; beide sind Gesellen.

IPHIGENIE.

Die Sorge nenn' ich edel, die mich warnt,
Den König, der mein zweiter Vater ward,
Nicht tückisch zu betrügen, zu berauben.

PYLADES.

Der deinen Bruder schlachtet, dem entfliehst du.

IPHIGENIE.

Es ist derselbe, der mir Gutes tat.

PYLADES.

Das ist nicht Undank, was die Not gebeut.

IPHIGENIE.

Es bleibt wohl Undank; nur die Not entschuldigt's.

PYLADES.

Vor Göttern und vor Menschen dich gewiss.

IPHIGENIE.

Allein mein eigen Herz ist nich befriedigt.

PYLADES.

Zu strenge Fordrung ist verborgner Stolz.

Пиладъ.

Не страшись!
Обманчиво въ союзъ вступая тѣсный,
Страхъ и опасность въ дружбѣ межъ собой.

Ифигенія.

Мой благороденъ страхъ: не позволяетъ
Онъ мнѣ, коварно обманувъ, ограбить
Царя, вторымъ мнѣ ставшаго отцомъ.

Пиладъ.

Кто брата губитъ, отъ того бѣжишь ты.

Ифигенія.

Тотъ самый онъ, кто мнѣ творилъ добро.

Пиладъ.

Нужда велитъ — и нѣтъ неблагодарныхъ.

Ифигенія.

Неблагодарность есть; нужда — предлогъ лишь.

Пиладъ.

Въ ней предъ людьми и богомъ оправданье.

Ифигенія.

Но въ сердцѣ собственномъ покоя нѣтъ.

Пиладъ.

Въ избыткѣ строгости сокрыта гордость.

IPHIGENIE.

Ich untersuche nicht, ich fühle nur.

PYLADES.

Fühlst du dich recht, so musst du dich verehren.

IPHIGENIE.

Ganz unbefleckt geniesst sich nur das Herz.

PYLADES.

So hast du dich im Tempel wohl bewahrt;
Das Leben lehrt uns, weniger mit uns
Und andern strenge sein; du lernst es auch.
So wunderbar ist dies Geschlecht gebildet,
So vielfach ist's verschlungen und verknüpft,
Dass keiner in sich selbst noch mit den andern
Sich rein und unverworren halten kann.
Auch sind wir nicht bestellt uns selbst zu richten;
Zu wandeln und auf seinen Weg zu sehen
Ist eines Menschen erste, nächste Pflicht;
Denn selten schätzt er recht, was er getan,
Und was er tut, weiss er fast nie zu schätzen.

IPHIGENIE.

Fast überredst du mich zu deiner Meinung.

PYLADES.

Braucht's Überredung, wo die Wahl versagt ist?
Den Bruder, dich und einen Freund zu retten
Ist nur ein Weg; fragt sich's ob wir ihn gehn?

Ифигенія.

Такъ говоритъ мнѣ чувство, а не разумъ.

Пиладъ.

Коль ты права, чти самоё себя.

Ифигенія.

Лишь безупречное счастливо сердце.

Пиладъ.

Такимъ его ты въ храмѣ соблюла;
Жизнь учитъ насъ помягче и къ себѣ,
И къ людямъ быть; научитъ и тебя.
Родъ человѣческій такъ дивно созданъ,
Судьбы его такъ спутаны и сложны,
Что ни передъ собой, ни предъ другими
Никто не сможетъ чистымъ быть и правымъ.
Себя самихъ судить намъ не дано;
Идти впередъ и путь свой наблюдать —
Вотъ человѣка первый долгъ и главный:
Что̀ свершено, онъ рѣдко цѣнитъ вѣрно,
А что̀ творитъ, почти совсѣмъ не цѣнитъ.

Ифигенія.

Меня почти склонилъ къ своей ты мысли.

Пиладъ.

Когда нѣтъ выбора, къ чему склонять?
Къ спасенью брата и себя, и друга
Одинъ лишь путь; какъ не пойти по немъ?

IPHIGENIE.

O lass mich zaüdern! Denn du tätest selbst
Ein solches Unrecht keinem Mann gelassen,
Dem du für Wohltat dich verpflichtet hieltest.

PYLADES.

Wenn wir zu Grunde gehen, wartet dein
Ein härtrer Vorwurf, der Verzweiflung trägt.
Man sieht, du bist nicht an Verlust gewohnt,
Da du dem grossen Übel zu entgehen
Ein falsches Wort nicht einmal opfern willst.

IPHIGENIE.

O trüg' ich doch ein männlich Herz in mir,
Das, wenn es einen kühnen Vorsatz hegt,
Vor jeder andern Stimme sich verschliesst!

PYLADES.

Du weigerst dich umsonst; die ehrne Hand
Der Not gebietet, und ihr ernster Wink
Ist oberstes Gesetz, dem Götter selbst
Sich unterwerfen müssen. Schweigend herrscht
Des ew'gen Schicksals unberatne Schwester.
Was sie dir auferlegt, das trage: tu,
Was sie gebeut. Das andre weisst du. Bald
Komm' ich zurück, aus deiner heil'gen Hand
Der Rettung schönes Siegel zu empfangen.

Ифигенія.

О, дай помедлить мнѣ! Ты самъ спокойно
Не причинилъ бы злого человѣку,
Обязанный ему благодѣяньемъ.

Пиладъ.

Когда погибнемъ мы, тебя ждетъ злѣйшій
Отчаянья исполненный укоръ.
Къ утратамъ ты, я вижу, не привыкла,
Когда, чтобъ избѣжать бѣды великой,
Пожертвовать не хочешь лживымъ словомъ.

Ифигенія.

О, еслибъ сердце мужа мнѣ имѣть!
Чтобъ умыселъ оно питая смѣлый,
Ко всѣмъ инымъ рѣчамъ осталось глухо.

Пиладъ.

Напрасно медлишь ты; желѣзной дланью
Велитъ нужда; одно лишь мановенье
Ея — законъ верховный; сами боги
Предъ нимъ склоняются. Царитъ безмолвно
Слѣпая, непреклонная судьба.
Что ею суждено, неси: сверши,
Ея приказъ. Ты знаешь остальное.
Вернуся скоро я изъ рукъ святыхъ
Спасенія принять залогъ прекрасный.

Fünfter Auftritt.

Iphigenie *(allein).*

Ich muss ihm folgen; denn die Meinigen
Seh' ich in dringender Gefahr. Doch ach!
Mein eigen Schicksal macht mir bang und bänger.
O soll ich nicht die stille Hoffnung retten,
Die in der Einsamkeit ich schön genährt?
Soll dieser Fluch denn ewig walten? Soll
Nie dies Geschlecht mit einem neuen Segen
Sich wieder heben? — Nimmt doch alles ab!
Das beste Glück, des Lebens schönste Kraft
Ermattet endlich, warum nicht der Fluch?
So hofft' ich denn vergebens, hier verwahrt,
Von meines Hauses Schicksal abgeschieden,
Dereinst mit reiner Hand und reinem Herzen
Die schwer befleckte Wohnung zu entsühnen!
Kaum wird in meinen Armen mir ein Bruder
Vom grimm'gen Übel wundervoll und schnell
Geheilt, kaum naht ein lang' erflehtes Schiff,
Mich in den Port der Vaterwelt zu leiten,
So legt die taube Not ein doppelt Laster
Mit ehrner Hand mir auf: das heilige
Mir anvertraute, viel verehrte Bild
Zu rauben und den Mann zu hintergehn,
Dem ich mein Leben und mein Schicksal danke.
O dass in meinem Busen nicht zuletzt
Ein Widerwille keime! der Titanen,
Der alten Götter tiefer Hass auf euch,

Явленіе пятое.

Ифигенія *(одна)*.

Его должна я слушаться затѣмъ,
Что присные мои въ бѣдѣ. Но ахъ!
Своей судьбы страшуся я все болѣ.
Ужель мнѣ не спасти надежды тихой,
Здѣсь въ одиночествѣ вскормленной мной?
Иль вѣчно будетъ властвовать проклятье?
Иль новой благодати никогда
Нашъ родъ не вознести? — Вѣдь все проходитъ!
Слабѣютъ въ жизни счастье, мощь и сила,
Такъ отчего жь проклятью не слабѣть?
Я тщетно уповала, здѣсь укрыта,
Судьбинѣ рода своего чужда,
Когда нибудь рукой и сердцемъ чистымъ
Родного дома скверну искупить!
Едва въ моихъ объятіяхъ чудесно
Братъ исцѣленъ отъ лютаго недуга,
Едва приплылъ корабль такъ долго жданный,
Чтобъ несть меня къ родимымъ берегамъ,
Какъ на меня двойной наложенъ грѣхъ
Глухой нужды желѣзною рукою:
Похитить ввѣренный мнѣ многочтимый
Кумиръ и мужа обмануть, кому я
Своей судьбой обязана и жизнью.
О, только бы въ груди не зародился
Преступный ропотъ! Только бъ не впилась
Когтями коршуна глубоко въ сердце

Olympier, nicht auch die zarte Brust
Mit Geierklauen fasse! Rettet mich
Und rettet euer Bild in meiner Seele!
Vor meinen Ohren tönt das alte Lied —
Vergessen hatt' ich's und vergass es gern —
Das Lied der Parzen, das sie grausend sangen,
Als Tantalus vom goldnen Stuhle fiel:
Sie litten mit dem edeln Freunde; grimmig
War ihre Brust, und furchtbar ihr Gesang.
In unsrer Jugend sang's die Amme mir
Und den Geschwistern vor, ich merkt' es wohl.

Es fürchte die Götter
Das Menschengeschlecht!
Sie halten die Herrschaft
In ewigen Händen,
Und können sie brauchen,
Wie's ihnen gefällt.

Der fürchte sie doppelt
Den je sie erheben!
Auf Klippen und Wolken
Sind Stühle bereitet
Um goldene Tische.

Erhebet ein Zwist sich,
So stürzen die Gäste
Geschmäht und geschändet
In nächtliche Tiefen
Und harren vergebens,
Im Finstern gebunden,
Gerechten Gerichtes.

Мнѣ ненависть боговъ — Титановъ древнихъ
Къ вамъ, Олимпійцы! Вы, меня спасая,
Спасите образъ свой въ душѣ моей!
Вновь пѣснь старинная звучитъ въ ушахъ —
Ее давно забыла я охотно —
Та пѣснь, что сѣя ужасъ, пѣли Парки,
Когда Танталъ съ престола палъ златого:
Онѣ страдали съ нимъ, какъ съ другомъ; лютость
Была въ ихъ сердцѣ, пѣснь была страшна.
Кормилица ее, бывало, пѣла
Намъ въ дѣтствѣ; я запомнила ее.

Боговъ да страшится
Людская толпа!
Господство надъ нами
Въ ихъ длани безсмертной,
Они управляютъ
По волѣ своей.

Страшися ихъ вдвое,
Кто ими возвышенъ!
На скалахъ и тучахъ
Сидѣнья готовы
Вкругъ трапезъ златыхъ.

Раздоръ ли возникнетъ —
Низвергнутся гости
Съ позоромъ и срамомъ
Въ полночныя бездны,
И праваго тщетно
Суда ожидаютъ,
Окованы тьмой.

Sie aber, sie bleiben
In ewigen Festen
An goldenen Tischen.
Sie schreiten vom Berge
Zu Bergen hinüber:
Aus Schlünden der Tiefe
Dampft ihnen der Atem
Erstickter Titanen,
Gleich Opfergerüchen,
Ein leichtes Gewölke.

Es wenden die Herrscher
Ihr segnendes Auge
Von ganzen Geschlechtern,
Und meiden, im Enkel
Die ehmals geliebten
Still redenden Züge
Des Ahnherrn zu sehn.

So sangen die Parzen;
Es horcht der Verbannte
In nächtlichen Höhlen,
Der Alte, die Lieder,
Denkt Kinder und Enkel
Und schüttelt das Haupt.

А боги ликують
На пиршествахъ вѣчныхъ
У трапезъ златыхъ.
Съ вершинъ на вершины
Ступаютъ они:
Изъ бездны несется
Дыханье Титановъ
Задушенныхъ къ нимъ,
Какъ жертвенный запахъ,
Какъ паръ облаковъ.

Они отвращаютъ
Свой взоръ благодатный
Отъ цѣлыхъ родовъ,
Узрѣть избѣгая
На ликѣ потомка
Имъ милаго предка
Безмолвный укоръ.

Такъ Парки пѣвали;
И старецъ-изгнанникъ
Во мракѣ бездонномъ
Имъ внемлетъ и въ думахъ
О дѣтяхъ и внукахъ,
Качаетъ главой.

Fünfter Aufzug.

Erster Auftritt.

Thoas. Arkas.

Arkas.

Verwirrt muss ich gestehn, dass ich nicht weiss,
Wohin ich meinen Argwohn richten soll.
Sind's die Gefangnen, die auf ihre Flucht
Verstohlen sinnen? Ist's die Priesterin,
Die ihnen hilft? Es mehrt sich das Gerücht:
Das Schiff, das diese beiden hergebracht,
Sei irgend noch in einer Bucht versteckt.
Und jenes Mannes Wahnsinn, diese Weihe,
Der heil'ge Vorwand dieser Zögrung rufen
Den Argwohn lauter und die Vorsicht auf.

Thoas.

Es komme schnell die Priesterin herbei!
Dann geht, durchsucht das Ufer scharf und schnell
Vom Vorgebirge bis zum Hain der Göttin.
Verschonet seine heil' gen Tiefen, legt
Bedächt'gen Hinterhalt und greift sie an;
Wo ihr sie findet, fasst sie, wie ihr pflegt!

Дѣйствіе пятое.

Явленіе первое.

Θоантъ. Аркадъ.

Аркадъ.

Смущенный, сознаюсь я, что не знаю
Куда свое направить подозрѣнье.
То плѣнники ль украдкой свой побѣгъ
Замыслили? Или то жрица помощь
Имъ подаетъ? Все множится молва:
Корабль, тѣхъ двухъ доставившій сюда,
Въ заливѣ гдѣ то будто бы укрылся.
Безумье юноши, обрядъ священный,
Предлоги эти къ замедленью — громче
Внушаютъ бдительность и подозрѣнье.

Θоантъ.

Пусть явится сюда скорѣе жрица!
Вы жь берегъ зорко обыскать спѣшите
Отъ мыса вплоть до рощи заповѣдной.
Лишь въ глубь святилища не проникайте,
Хитро на нихъ ударьте изъ засады
И, какъ всегда, схватите ихъ на мѣстѣ.

Zweiter Auftritt.

Thoas (*allein*).

Entsetzlich wechselt mir der Grimm im Busen,
Erst gegen sie, die ich so heilig hielt,
Dann gegen mich, der ich sie zum Verrat
Durch Nachsicht und durch Güte bildete.
Zur Sklaverei gewöhnt der Mensch sich gut
Und lernet leicht gehorchen, wenn man ihn
Der Freiheit ganz beraubt. Ja, wäre sie
In meiner Ahnherrn rohe Hand gefallen,
Und hätte sie der heil'ge Grimm verschont,
Sie wäre froh gewesen, sich allein
Zu retten, hätte dankbar ihr Geschick
Erkannt und fremdes Blut vor dem Altar
Vergossen, hätte Pflicht genannt,
Was Not war. Nun lockt meine Güte
In ihrer Brust verwegnen Wunsch herauf.
Vergebens hofft' ich, sie mir zu verbinden;
Sie sinnt sich nun ein eigen Schicksal aus.
Durch Schmeichelei gewann sie mir das Herz:
Nun widersteh' ich der; so sucht sie sich
Den Weg durch List und Trug, und meine Güte
Scheint ihr ein alt verjährtes Eigentum.

Явленіе второе.

Θоантъ *(одинъ).*

Попеременно гнѣвъ кипитъ въ груди:
То на нее, мной признанной святою,
То на себя: не я ли на измѣну
Ее толкнулъ добромъ и снисхожденьемъ?
Легко привыкнуть къ рабству человѣку,
Легко повиновенью научиться,
Вполнѣ свободу потерявъ. Да, еслибъ
Къ моимъ она попала грубымъ предкамъ
И пощадилъ ее удѣлъ суровый,
Спастись одна она была бы рада,
Признала бы свой жребій благодарно
И, на алтарь чужую кровь проливъ,
Сочла бы долгомъ, что̀ нуждою было.
Но нынѣ дерзновенное желанье
Въ ней вызвано моею добротой.
Мечталъ я тщетно съ ней себя связать;
Иной удѣлъ она себѣ готовитъ.
Она мнѣ лестью сердце оплела:
Во мнѣ упорство встрѣтивъ, прибѣгаетъ
Она ко лжи и доброту мою
Своимъ за давностью считаетъ правомъ.

Dritter Auftritt.

Iphigenie. Thoas.

Iphigenie.

Du forderst mich; was bringt dich zu uns her?

Thoas.

Du schiebst das Opfer auf; sag' an, warum?

Iphigenie.

Ich hab' an Arkas alles klar erzählt.

Thoas.

Von dir möcht' ich es weiter noch vernehmen.

Iphigenie.

Die Göttin gibt dir Frist zur Überlegung.

Thoas.

Sie scheint dir selbst gelegen, diese Frist.

Iphigenie.

Wenn dir das Herz zum grausamen Entschluss
Verhärtet ist, so solltest du nicht kommen!
Ein König, der Unmenschliches verlangt,
Find't Diener g'nug, die gegen Gnad' und Lohn
Den halben Fluch der Tat begierig fassen;
Doch seine Gegenwart bleibt unbefleckt.

Явленіе третье.

Ифигенія. Θоантъ.

Ифигенія.

Ты звалъ меня; что къ намъ тебя приводитъ?

Θоантъ.

Зачѣмъ, скажи, отсрочила ты жертву?

Ифигенія.

Все ясно я повѣдала Аркаду.

Θоантъ.

Я отъ тебя хотѣлъ узнать бы больше.

Ифигенія.

Тебѣ данъ срокъ богиней къ размышленью.

Θоантъ.

Тебѣ какъ будто кстати этотъ срокъ.

Ифигенія.

Коль черствымъ сердцемъ грозное рѣшенье
Замыслилъ ты, — не приходилъ бы лучше!
Безчеловѣчное задумавъ, царь
Всегда найдетъ рабовъ, за мзду и милость
Готовыхъ пополамъ дѣлить проклятье;
Но онъ своимъ участьемъ незапятнанъ.

Er sinnt den Tod in einer schweren Wolke,
Und seine Boten bringen flammendes
Verderben auf des Armen Haupt hinab;
Er aber schwebt durch seine Höhen ruhig,
Ein unerreichter Gott, im Sturme fort.

THOAS.

Die heil'ge Lippe tönt ein wildes Lied.

IPHIGENIE.

Nicht Priesterin! nur Agamemnons Tochter.
Der Unbekannten Wort verehrtest du,
Der Fürstin willst du rasch gebieten? Nein!
Von Jugend auf hab' ich gelernt gehorchen,
Erst meinen Eltern und dann einer Gottheit,
Und folgsam fühlt' ich immer meine Seele
Am schönsten frei; allein dem harten Worte,
Dem rauhen Ausspruch eines Mannes mich
Zu fügen, lernt' ich weder dort noch hier.

THOAS.

Ein alt Gesetz, nicht ich, gebietet dir.

IPHIGENIE.

Wir fassen ein Gesetz begierig an,
Das unsrer Leidenschaft zur Waffe dient.
Ein andres spricht zu mir, ein älteres,
Mich dir zu widersetzen, das Gebot,
Dem jeder Fremde heilig ist.

Онъ судитъ смерть, обвитъ тяжелой тучей,
И пламень гибельный несутъ его
Послы, главу несчастнаго сражая;
А царь, какъ богъ недосягаемъ, бурей
Проносится, спокойный, въ вышинѣ.

Ѳоантъ.

Пѣснь дикая звучитъ изъ устъ святыхъ.

Ифигенія.

Лишь дочь я Агамемнона, не жрица.
Безвѣстной слово прежде почиталъ ты;
Царевну ты неволить хочешь? Нѣтъ!
Я съ юности умѣла покоряться
Сперва родителямъ, позднѣй — богинѣ,
И въ подчиненіи всегда свободна
Была душа моя; но жесткой рѣчи
И грубой силѣ мужа подчиняться
Не научилась я ни тамъ, ни здѣсь.

Ѳоантъ.

Не я, — законъ тебя неволитъ древній.

Ифигенія.

Хватаемся мы жадно за законъ,
Когда для нашей страсти онъ — орудье.
Иной законъ, древнѣйшій мнѣ велитъ
Противиться: всегда лицо пришельца
По заповѣди той священно.

THOAS.

Es scheinen die Gefangnen dir sehr nah
Am Herzen; denn vor Anteil und Bewegung
Vergissest du der Klugheit erstes Wort,
Dass man den Mächtigen nicht reizen soll.

IPHIGENIE.

Red' oder schweig' ich, immer kannst du wissen,
Was mir im Herzen ist und immer bleibt.
Löst die Erinnerung des gleichen Schicksals
Nicht ein verschlossnes Herz zum Mitleid auf?
Wie mehr denn meins! In ihnen seh' ich mich.
Ich habe vorm Altare selbst gezittert,
Und feierlich umgab der frühe Tod
Die Kniende; das Messer zuckte schon,
Den lebenvollen Busen zu durchbohren;
Mein Innerstes entsetzte wirbelnd sich,
Mein Auge brach, und — ich fand mich gerettet.
Sind wir, was Götter gnädig uns gewährt,
Unglücklichen nicht zu erstatten schuldig?
Du weisst es, kennst mich, und du willst mich zwingen!

THOAS.

Gehorche deinem Dienste, nicht dem Herrn.

IPHIGENIE.

Lass ab! Beschönige nicht die Gewalt,
Die sich der Schwachheit eines Weibes freut.
Ich bin so frei geboren als ein Mann.
Stünd' Agamemnons Sohn dir gegenüber,

Ѳоантъ.

Должны быть близки сердцу твоему
Тѣ плѣнники: въ участьи и волненьи
Благоразумья ты совѣтъ забыла,
Что раздражать могучаго не должно.

Ифигенія.

Молчу ли, говорю ли я, ты знаешь,
Что въ сердцѣ есть моемъ и вѣчно будетъ.
Не распахнется ль замкнутое сердце
Участью, свой же вспоминая жребій?
Мое жь — тѣмъ болѣ! Въ нихъ себя я вижу.
Сама предъ алтаремъ я трепетала;
Склонявшую колѣни обступила
Смерть ранняя, блеснулъ ножъ занесенный,
Грудь, жизнью полную, пронзить готовый;
Мной ужасъ овладѣлъ, все закружилось,
Взоръ помутился, но — спаслася я.
Того, что божья милость шлетъ, не должно ль
Несчастнымъ воздавать? Ты знаешь это;
Ты знаешь и меня, и все жь неволишь!

Ѳоантъ.

Не господину, — долгу повинуйся.

Ифигенія.

Оставь! Зачѣмъ прикрашивать насилье?
Глумленье въ немъ надъ слабостію женской.
Я родилась свободной, какъ мужчина.
Сынъ Агамемнона стой предъ тобою,

Und du verlangtest, was sich nicht gebührt,
So hat auch er ein Schwert und einen Arm,
Die Rechte seines Busens zu verteid'gen.
Ich habe nichts als Worte, und es ziemt
Dem edlen Mann, der Frauen Wort zu achten.

THOAS.

Ich acht' es mehr als eines Bruders Schwert.

IPHIGENIE.

Das Los der Waffen wechselt hin und her:
Kein kluger Streiter hält den Feind gering.
Auch ohne Hilfe gegen Trutz und Härte
Hat die Natur den Schwachen nicht gelassen.
Sie gab zur List ihm Freude, lehrt' ihn Künste;
Bald weicht er aus, verspätet und umgeht.
Ja, der Gewaltige verdient, dass man sie übt.

THOAS.

Die Vorsicht stellt der List sich klug entgegen.

IPHIGENIE.

Und eine reine Seele braucht sie nicht.

THOAS.

Sprich unbehutsam nicht dein eigen Urteil.

IPHIGENIE.

O sähest du, wie meine Seele kämpft,
Ein bös Geschick, das sie ergreifen will,

И требуй ты съ него, чего не должно,
Онъ могъ бы и рукою, и мечемъ
За право кровное свое вступиться.
Одни слова лишь у меня; цѣнить
Слова жены мужъ благородный долженъ.

Ѳоантъ.

Ихъ больше, чѣмъ мечъ брата, я цѣню.

Ифигенія.

Не постоянно счастіе оружья:
Боецъ врага не долженъ презирать.
Природа слабаго не создала
Безпомощнымъ предъ силой и напоромъ.
Онъ, ловкостью, лукавствомъ одаренъ,
То прячется, то медлитъ, то обходитъ.
Такой борьбы заслуживаетъ сильный.

Ѳоантъ.

Даетъ отпоръ лукавству осторожность.

Ифигенія.

Его не нужно чистому душой.

Ѳоантъ.

Смотри! Сама себя не осуди.

Ифигенія.

О, зналъ бы ты, какъ борется душа,
Отважно первый натискъ отгоняя

Im ersten Anfall mutig abzutreiben!
So steh' ich denn hier wehrlos gegen dich?
Die schöne Bitte, den anmut'gen Zweig,
In einer Frauen Hand gewaltiger
Als Schwert und Waffe, stössest du zurück:
Was bleibt mir nun, mein Innres zu verteid'gen?
Ruf' ich die Göttin um ein Wunder an?
Ist keine Kraft in meiner Seele Tiefen?

THOAS.

Es scheint, der beiden Fremden Schicksal macht
Unmässig dich besorgt. Wer sind sie, sprich,
Für die dein Geist gewaltig sich erhebt?

IPHIGENIE.

Sie sind — sie scheinen — für Griechen halt' ich sie.

THOAS.

Landsleute sind es? und sie haben wohl
Der Rückkehr schönes Bild in dir erneut?

IPHIGENIE *(nach einigem Stillschweigen).*

Hat denn zur unerhörten Tat der Mann
Allein das Recht? Drückt denn Unmögliches
Nur er an die gewalt'ge Heldenbrust?
Was nennt man gross? Was hebt die Seele schaudernd
Dem immer wiederholenden Erzähler,
Als was mit unwahrscheinlichem Erfolg

Лихой бѣды, настичь ее готовой!
Иль безоружна я передъ тобой?
Мольбу, ту масличную вѣтвь, что въ женской
Рукѣ сильнѣй меча или другого
Оружія, отталкиваешь ты:
Что для души осталось на защиту?
Или молить богиню мнѣ о чудѣ?
И въ глубинѣ души иной нѣтъ силы?

Ѳоантъ.

Не въ мѣру, мнится мнѣ, судьба пришельцевъ
Тебя заботитъ. Кто они, скажи,
Тѣ, за кого душа твоя мятется?

Ифигенія.

Они — мнѣ мнится — въ нихъ грековъ вижу я*).

Ѳоантъ.

То земляки? Мечта о возвращеньи
На родину въ тебѣ воскресла съ ними?

Ифигенія *(послѣ нѣкотораго молчанія)*.

Иль на неслыханное только мужъ
Имѣетъ право? Или мощной грудью
Пылаетъ къ невозможному лишь онъ?
Великимъ что̀ зовутъ? Что̀ духъ волнуетъ
Пѣвцу, когда все ту же пѣснь поетъ онъ?
Рѣшимость къ подвигу безъ вѣроятья

*) См. примѣчанія.

Der Mutigste begann? Der in der Nacht
Allein das Heer des Feindes überschleicht,
Wie unversehen eine Flamme wütend
Die Schlafenden, Erwachenden ergreift,
Zuletzt gedrängt von den Ermunterten
Auf Feindes Pferden, doch mit Beute kehrt,
Wird der allein gepriesen? der allein,
Der, einen sichern Weg verachtend, kühn
Gebirg' und Wälder durchzustreifen geht,
Dass er von Räubern eine Gegend säubre?
Ist uns nichts übrig? Muss ein zartes Weib
Sich ihres angebornen Rechts entäussern,
Wild gegen Wilde sein, wie Amazonen
Das Recht des Schwerts euch rauben und mit Blute
Die Unterdrückung rächen? Auf und ab
Steigt in der Brust ein kühnes Unternehmen;
Ich werde grossem Vorwurf nicht entgehn,
Noch schwerem Übel, wenn es mir misslingt;
Allein euch leg' ich's auf die Kniee! Wenn
Ihr wahrhaft seid, wie ihr gepriesen werdet,
So zeigt's durch euern Beistand und verherrlicht
Durch mich die Wahrheit! — Ja, vernimm, o König,
Es wird ein heimlicher Betrug geschmiedet;
Vergebens fragst du den Gefangnen nach;
Sie sind hinweg und suchen ihre Freunde,
Die mit dem Schiff am Ufer warten, auf.
Der ältste, den das Übel hier ergriffen
Und nun verlassen hat, — est ist Orest,
Mein Bruder, und der andre sein Vertrauter,
Sein Jugendfreund, mit Namen Pylades.

Свершить его. Того ли, кто въ ночи
Одинъ врасплохъ на вражій станъ нагрянетъ,
Какъ буйнымъ пламенемъ объявъ нежданно
И спящихъ, и проснувшихся, и раньше,
Чѣмъ на коняхъ, опомнившись, за нимъ
Погонятся, съ добычею вернется, —
Того ли восхваляютъ? Иль того лишь,
Кто безопасный путь презрѣвъ, отважно
Рѣшается пробраться въ лѣсъ и горы,
Чтобъ отъ разбойниковъ очистить край?
Что жь остается намъ? Иль нѣжнымъ женамъ
Отъ прирожденныхъ правъ отречься надо,
Быть къ дикимъ дикими, похитивъ право
На мечъ у васъ, подобно Амазонкамъ
И кровью мстить за наше униженье?
Душа отважнымъ замысломъ полна:
Коль не удастся онъ, мнѣ не избѣгнуть
Великихъ бѣдъ и тяжкой укоризны;
Ихъ къ вашимъ я несу ногамъ, о боги!
Коль правда есть у васъ, какъ вѣримъ мы,
Подайте помощь мнѣ и вашу правду
Во мнѣ явите! — Да, узнай, о, царь,
Таинственно куется здѣсь обманъ;
О плѣнникахъ ты тщетно вопрошаешь;
Они бѣжали; тамъ, на кораблѣ
Подъ берегомъ товарищи ихъ ждутъ.
Старѣйшій, кто, подвергшись здѣсь недугу,
Теперь ужь исцѣлился, то — Орестъ,
Мой братъ; другой же — преданный ему
Другъ юности; его зовутъ Пиладомъ.

Apoll schickt sie von Delphi diesem Ufer
Mit göttlichen Befehlen zu, das Bild
Dianens wegzurauben und zu ihm
Die Schwester hinzubringen, und dafür
Verspricht er den von Furien Verfolgten,
Des Mutterblutes Schuldigen, Befreiung.
Und beide hab' ich nun, die Überbliebnen
Von Tantals Haus, in deine Hand gelegt:
Verdirb uns — wenn du darfst.

THOAS.

Du glaubst, es höre
Der rohe Scythe, der Barbar, die Stimme
Der Wahrheit und der Menschlichkeit, die Atreus,
Der Grieche, nicht vernahm?

IPHIGENIE.

Es hört sie jeder,
Geboren unter jedem Himmel, dem
Des Lebens Quelle durch den Busen rein
Und ungehindert fliesst. — Was sinnst du mir,
O König, schweigend in der tiefen Seele?
Ist es Verderben? so töte mich zuerst!
Denn nun empfind' ich, da uns keine Rettung
Mehr übrigbleibt, die grässliche Gefahr.
Worein ich die Geliebten übereilt
Vorsätzlich stürzte. Weh! Ich werde sie

Послалъ изъ Дельфъ ихъ къ этимъ берегамъ
Съ божественнымъ велѣньемъ Фебъ — похитить
Кумиръ Діаны и къ нему привезть
Сестру; за это Фуріями онъ
Гонимому и въ крови материнской
Повинному сулилъ освобожденье.
И вотъ, обоихъ насъ, послѣднихъ въ родѣ
Тантала, предала въ твои я руки:
Губи насъ — если смѣешь.

Ѳоантъ.

Или мнишь ты,
Что голосъ человѣчности и правды,
Которому не внялъ и грекъ Атрей,
Услышитъ варваръ, грубый скиѳъ?

Ифигенія.

Ему
Рожденный подъ любыми небесами
Внимаетъ каждый, въ комъ струится вольно
Жизнь чистымъ родникомъ. — О, царь, что̀ молча
Во глубинѣ души ты мнѣ готовишь?
Когда погибель, — сперва меня убей! *)
Теперь, когда ужь нѣтъ спасенья намъ,
Я сознаю ужасную опасность,
Которой, преднамѣренно спѣша,
Подвергла милыхъ. Горе! Ихъ въ оковахъ

*) См. примѣчанія.

Gebunden vor mir sehn! Mit welchen Blicken
Kann ich von meinem Bruder Abschied nehmen,
Den ich ermorde? Nimmer kann ich ihm
Mehr in die vielgeliebten Augen schaun!

THOAS.

So haben die Betrüger künstlich dichtend
Der lang' Verschlossnen, ihre Wünsche leicht
Und willig Glaubenden, ein solch Gespinst
Ums Haupt geworfen!

IPHIGENIE.

Nein! o König, nein!
Ich könnte hintergangen werden; diese
Sind treu und wahr. Wirst du sie anders finden,
So lass sie fallen und verstosse mich,
Verbanne mich zur Strafe meiner Torheit
An einer Klippeninsel traurig Ufer.
Ist aber dieser Mann der lang' erflehte
Geliebte Bruder: so entlass uns, sei
Auch den Geschwistern wie der Schwester freundlich!
Mein Vater fiel durch seiner Frauen Schuld,
Und sie durch ihren Sohn. Die letzte Hoffnung
Von Atreus' Stamme ruht auf ihm allein.
Lass mich mit reinem Herzen, reiner Hand
Hinübergehn und unser Haus entsühnen.
Du hältst mir Wort! — Wenn zu den Meinen je
Mir Rückkehr zubereitet wäre, schwurst
Du mich zu lassen; und sie ist es nun.
Ein König sagt nicht wie gemeine Menschen

Я предъ собой увижу! Какъ на брата,
Котораго убить должна, взгляну,
Прощаясь? Никогда я не дерзну
Взглянуть въ его возлюбленныя очи!

Өоантъ.

Обманщики тебѣ, молчавшей долго,
Легко повѣрившей ихъ пожеланьямъ,
Искуснымъ вымысломъ какъ будто сѣтью
Опутали главу.

Ифигенія.

Нѣтъ, нѣтъ, о, царь!
Пусть обмануть меня легко; но эти
И вѣрны, и правдивы. Если жь нѣтъ, —
То да падутъ они. Меня жь отвергни
И за безумье накажи изгнаньемъ
На островѣ печальномъ межъ утесовъ.
Но если этотъ мужъ давно желанный
Любимый братъ мой, — отпусти насъ, будь,
Какъ былъ къ сестрѣ, къ обоимъ благосклоненъ!
Отецъ мой по винѣ супруги палъ,
Ее же сынъ убилъ. Семьѣ Атрея
Послѣдняя надежда въ немъ одномъ.
Дай съ чистой мнѣ рукою, съ чистымъ сердцемъ
Туда отплыть и родъ свой искупить.
Ты слово далъ: когда бъ явился случай
Къ своимъ вернуться мнѣ, ты поклялся
Меня пустить; и случай подошелъ.
Царь, какъ простые люди, не даетъ

Verlegen zu, dass er den Bittenden
Auf einen Augenblick entferne, noch
Verspricht er auf den Fall, den er nicht hofft:
Dann fühlt er erst die Höhe seiner Würde,
Wenn er den Harrenden beglücken kann.

THOAS.

Unwillig, wie sich Feuer gegen Wasser
Im Kampfe wehrt und gischend seinen Feind
Zu tilgen sucht, so wehret sich der Zorn
In meinem Busen gegen deine Worte.

IPHIGENIE.

O lass die Gnade wie das heil'ge Licht
Der stillen Opferflamme mir, umkränzt
Von Lobgesang und Dank und Freude, lodern.

THOAS.

Wie oft besänftigte mich diese Stimme!

IPHIGENIE.

O reiche mir die Hand zum Friedenszeichen.

THOAS.

Du forderst viel in einer kurzen Zeit.

IPHIGENIE.

Um Gut's zu tun, braucht's keiner Überlegung.

Согласья, чтобъ на мигъ лишь удалить
Просителя; не обѣщаетъ, если
Онъ слова не надѣется сдержать.
Его величье въ томъ, чтобы счастливить
Надежду возложившихъ на него.

Ѳоантъ.

Какъ борется, шипя, огонь съ водою
Противника пытаясь истребить,
Такъ, негодуя, гнѣвъ въ моей груди
Кипитъ и съ рѣчью борется твоею.

Ифигенія.

О, какъ огонь ты жертвенный, затепли
Свѣтъ милости, и радостнымъ хваленьемъ
И благодарностью я увѣнчаюсь.

Ѳоантъ.

Меня смирялъ не разъ ужь этотъ голосъ!

Ифигенія.

О, дай же руку мнѣ въ знакъ примиренья.

Ѳоантъ.

Ты хочешь многаго въ короткій срокъ.

Ифигенія.

Творя добро, раздумывать не надо.

THOAS.

Sehr viel! denn auch dem Guten folgt das Übel.

IPHIGENIE.

Der Zweifel ist's der Gutes böse macht.
Bedenke nicht; gewähre, wie du's fühlst.

Vierter Auftritt.

OREST *(gewaffnet)*. DIE VORIGEN.

OREST *(nach der Szene gekehrt)*.

Verdoppelt eure Kräfte! Haltet sie
Zurück! Nur wenig Augenblicke! Weicht
Der Menge nicht und deckt den Weg zum Schiffe
Mir und der Schwester!

(Zu Iphigenien, ohne den König zu sehen).

Komm, wir sind verraten.
Geringer Raum bleibt uns zur Flucht. Geschwind!

(Er erblickt den König).

THOAS *(nach dem Schwerte greifend)*.

In meiner Gegenwart führt ungestraft
Kein Mann das nackte Schwert.

IPHIGENIE.

Entheiliget
Der Göttin Wohnung nicht durch Wut und Mord.
Gebietet eurem Volke Stillstand, höret
Die Priesterin, die Schwester.

Θоантъ.

Напротивъ! За добромъ приходитъ зло.

Ифигенія.

Сомнѣнье изъ добра рождаетъ зло.
Не размышляй, но повинуйся чувству.

Явленіе четвертое.

Орестъ *(вооруженный)*. Тѣ же.

Орестъ *(глядя за сцену)*.

Удвойте силы! Задержите ихъ!
Мгновеній нѣсколько! Не отступайте
Передъ толпой! Путь къ кораблю прикройте
Мнѣ и сестрѣ!
(Ифигеніи, не видя царя).
Мы преданы, идемъ!
Коротокъ срокъ для бѣгства намъ. Скорѣй!
(Замѣчаетъ царя).

Θоантъ *(хватаясь за мечъ)*.

Мечъ безнаказанно не обнажаетъ
Передо мной никто.

Ифигенія.

Не оскверняйте
Пріютъ богини злобой и убійствомъ.
Народъ остановить велите, жрицѣ,
Сестрѣ внемлите.

ORESTS.

Sage mir!
Wer ist es, der uns droht?

IPHIGENIE.

Verehr' in ihm
Den König, der mein zweiter Vater ward!
Verzeih mir, Bruder! doch mein kindlich Herz
Hat unser ganz Geschick in seine Hand
Gelegt. Gestanden hab' ich euern Anschlag
Und meine Seele vom Verrat gerettet.

OREST.

Will er die Rückkehr friedlich uns gewähren?

IPHIGENIE.

Dein blinkend Schwert verbietet mir die Antwort.

OREST *(der das Schwert einsteckt).*

So sprich! Du siehst, ich horche deinen Worten.

Fünfter Auftritt.

DIE VORIGEN. PYLADES. *Bald nach ihm* ARKAS. *(Beide mit blossen Schwertern).*

PYLADES.

Verweilet nicht! Die letzten Kräfte raffen
Die Unsrigen zusammen; weichend werden

Орестъ.

Кто, скажи мнѣ, тотъ,
Намъ угрожающій?

Ифигенія.

Въ немъ почитай
Царя, который былъ вторымъ отцомъ мнѣ.
Прости мнѣ, братъ! Но дѣтскимъ сердцемъ въ руки
Его я нашу участь предала.
Ему я замыселъ открыла вашъ,
Свою избавивъ душу отъ измѣны.

Орестъ.

Согласенъ онъ насъ мирно отпустить?

Ифигенія.

Твой мечъ, блестя, мнѣ не даетъ отвѣтить.

Орестъ *(вкладывая мечъ)*.

Я слушаю, ты видишь. Говори!

Явленіе пятое.

Тѣ же. Пиладъ. *Вскорѣ за нимъ* Аркадъ.
(Оба съ обнаженными мечами).

Пиладъ.

Не медлите! Ужь напрягаютъ наши
Послѣднія усилья; отступая,

Sie nach der See langsam zurückgedrängt.
Welch ein Gespräch der Fürsten find' ich hier!
Dies ist des Königes verehrtes Haupt!

ARKAS.

Gelassen, wie es dir, o König, ziemt,
Stehst du den Feinden gegenüber. Gleich
Ist die Verwegenheit bestraft; es weicht
Und fällt ihr Anhang, und ihr Schiff ist unser.
Ein Wort von dir, so steht's in Flammen.

THOAS.

Geh!
Gebiete Stillstand meinem Volke! Keiner
Beschädige den Feind, so lang' wir reden.

(Arkas ab.)

OREST.

Ich nehm' es an. Geh, sammle, treuer Freund,
Den Rest des Volkes; harret still, welch Ende
Die Götter unsern Taten zubereiten.

(Pylades ab).

Sechster Auftritt.

IPHIGENIE. THOAS. OREST.

IPHIGENIE.

Befreit von Sorge mich, eh ihr zu sprechen
Beginnet. Ich befürchte bösen Zwist,

Ихъ постепенно къ морю оттѣсняютъ.
Но здѣсь князей я вижу совѣщанье!
Передо мною чтимый ликъ царя!

АРКАДЪ.

Спокойно, какъ тебѣ и подобаетъ,
Стоишь, о, царь, ты предъ врагами. Скоро
Отвагу ихъ накажемъ мы. Ихъ люди
Сдаютъ и падаютъ; корабль ихъ нашъ.
Вели, и запылаетъ онъ.

ѲОАНТЪ.

Иди!
Вели прервать ихъ бой! Не смѣй никто
Разить врага, пока мы говоримъ.
(Аркадъ уходитъ).

ОРЕСТЪ.

Согласенъ я. Иди собрать, другъ милый,
Остатокъ спутниковъ. Дождитесь мирно,
Чѣмъ боги порѣшатъ дѣянья наши.
(Пиладъ уходитъ).

Явленіе шестое.

ИФИГЕНІЯ. ѲОАНТЪ. ОРЕСТЪ.

ИФИГЕНІЯ.

Мою заботу облегчите прежде,
Чѣмъ сговоритесь. Злой страшусь я ссоры,

Wenn du, o König, nicht der Billigkeit
Gelinde Stimme hörest, du, mein Bruder,
Der raschen Jugend nicht gebieten willst.

THOAS.

Ich halte meinen Zorn, wie es dem Ältern
Geziemt, zurück. Antworte mir! Womit
Bezeugst du, dass du Agamemnons Sohn
Und dieser Bruder bist?

OREST.

Hier ist das Schwert,
Mit dem er Trojas tapfre Männer schlug.
Dies nahm ich seinem Mörder ab und bat
Die Himmlischen, den Mut und Arm, das Glück
Des grossen Königes mir zu verleihn
Und einen schönern Tod mir zu gewähren.
Wähl einen aus den Edeln deines Heers
Und stelle mir den Besten gegenüber.
So weit die Erde Heldensöhne nährt,
Ist keinem Fremdling dies Gesuch verweigert.

THOAS.

Dies Vorrecht hat die alte Sitte nie
Dem Fremden hier gestattet.

OREST.

So beginne
Die neue Sitte denn von dir und mir!
Nachahmend heiliget ein ganzes Volk

Коль мягкій голосъ правды не захочешь
Ты выслушать, о, царь, а ты, мой братъ,
Не превозможешь юности порыва.

Θоантъ.

Какъ мнѣ, старѣйшему, пристало, гнѣвъ свой
Сдержу я. Отвѣчай мнѣ: чѣмъ докажешь
Ты мнѣ, что Агамемнона ты сынъ
И что ты братъ ея?

Орестъ.

Вотъ мечъ, которымъ
Онъ Трои храбрыхъ воиновъ сражалъ.
Съ его убійцы сорванъ мною онъ;
Безсмертныхъ я молилъ мнѣ дать и счастье,
И мужество великаго царя,
Но лучшій, чѣмъ ему, послать конецъ.
Въ своемъ ты войскѣ избери знатнѣйшихъ,
И лучшаго поставь передо мной.
Повсюду гдѣ земля раститъ героевъ,
Въ такой пришельцу просьбѣ не откажутъ.

Θоантъ.

Здѣсь не въ обычаѣ давать пришельцу
Такое преимущество.

Орестъ.

Начни же
Съ себя обычай новый и съ меня!
И весь народъ закономъ освятитъ

Die edle Tat der Herrscher zum Gesetz.
Und lass mich nicht allein für unsre Freiheit,
Lass mich, dem Fremden, für die Fremden kämpfen.
Fall' ich, so ist ihr Urteil mit dem meinen
Gesprochen; aber gönnet mir das Glück
Zu überwinden, so betrete nie
Ein Mann dies Ufer, dem der schnelle Blick
Hilfreicher Liebe nicht begegnet, und
Getröstet scheide jeglicher hinweg!

THOAS.

Nicht unwert scheinest du, o Jüngling, mir
Der Ahnherrn, deren du dich rühmst, zu sein.
Gross ist die Zahl der edeln tapfern Männer,
Die mich begleiten; doch ich stehe selbst
In meinen Jahren noch dem Feinde, bin
Bereit, mit dir der Waffen Los zu wagen.

IPHIGENIE.

Mit nichten! Dieses blutigen Beweises
Bedarf es nicht, o König! Lasst die Hand
Vom Schwerte! Denkt an mich und mein Geschick.
Der rasche Kampf verewigt einen Mann:
Er falle gleich, so preiset ihn das Lied.
Allein die Tränen, die unendlichen,
Der überbliebnen, der verlassnen Frau
Zählt keine Nachwelt, und der Dichter schweigt
Von tausend durchgeweinten Tag- und Nächten,
Wo eine stille Seele den verlornen,
Rasch abgeschiednen Freund vergebens sich

Властителей достойное дѣянье.
Дай мнѣ не только за свободу нашу,
Дай мнѣ, чужому, за чужихъ сразиться.
Паду я — приговоръ со мною ей
Да будетъ изреченъ; но если счастье
Даруетъ мнѣ побѣду, пусть отнынѣ
Ступающій на этотъ берегъ — взоромъ
Любви и помощи встрѣчаемъ будетъ
И пусть утѣшенный идетъ отсюда.

Ѳоантъ.

Ты мнѣ являешься достойнымъ предковъ,
Которыми, о, юноша, гордишься.
Вокругъ меня отважныхъ, благородныхъ
Людей не мало; но въ моихъ годахъ
Я со врагомъ сочтусь и самъ. Готовъ я
Съ тобой оружья жребій испытать.

Ифигенія.

О, нѣтъ! Кровавый этотъ доводъ, царь,
Не нуженъ. Руки отъ мечей примите!
Попомните меня и мой удѣлъ.
Мгновенный бой увѣковѣчитъ мужа.
Коль онъ падетъ, — его прославитъ пѣснь.
Но безконечно льющіяся слезы
Оставшейся, покинутой жены
Потомство не сочтетъ; пѣвецъ молчитъ
О тысячахъ проплаканныхъ ночей
И дней, въ которые душа напрасно
Взываетъ къ другу, о погибшемъ горько

Zurückzurufen bangt und sich verzehrt.
Mich selbst hat eine Sorge gleich gewarnt,
Dass der Betrug nicht eines Räubers mich
Vom sichern Schutzort reisse, mich der Knechtschaft
Verrate. Fleissig hab' ich sie befragt,
Nach jedem Umstand mich erkundigt, Zeichen
Gefordert, und gewiss ist nun mein Herz.
Sieh hier an seiner rechten Hand das Mal
Wie von drei Sternen, das am Tage schon,
Da er geboren ward, sich zeigte, das
Auf schwere Tat mit dieser Faust zu üben
Der Priester deutete. Dann überzeugt
Mich doppelt diese Schramme, die ihm hier
Die Augenbraune spaltet. Als ein Kind
Liess ihn Elektra, rasch und unvorsichtig
Nach ihrer Art, aus ihren Armen stürzen.
Er schlug auf einen Dreifuss auf — Er ist's —
Soll ich dir noch die Ähnlichkeit des Vaters,
Soll ich das innre Jauchzen meines Herzens
Dir auch als Zeugen der Versichrung nennen?

THOAS.

Und hübe deine Rede jeden Zweifel
Und bändigt' ich den Zorn in meiner Brust:
So würden doch die Waffen zwischen uns
Entscheiden müssen; Frieden seh' ich nicht.
Sie sind gekommen, du bekennest selbst,
Das heil'ge Bild der Göttin mir zu rauben.
Glaubt ihr, ich sehe dies gelassen an?
Der Grieche wendet oft sein lüstern Auge

Томясь и объ утраченномъ тоскуя.
Сама я озабочена была,
Какъ бы разбойника обманъ меня,
Отъ вѣрнаго пріюта отрывая,
Не ввергнулъ въ рабство. Я о всемъ подробно
Ихъ допросила, требуя примѣтъ,
И вотъ, мое увѣрилося сердце.
Взгляни, на правой у него рукѣ,
Какъ три звѣзды, родимыхъ три пятна;
Въ день, какъ родился онъ, ихъ увидали;
Жрецъ предсказалъ, что страшное дѣянье
Его рукой свершится. И затѣмъ
Рубецъ вотъ этотъ, бровь ему разсѣкшій,
Его я узнаю̀. Младенцемъ былъ онъ;
Въ неосторожной живости своей
Его изъ рукъ Электра уронила;
Упалъ онъ на треножникъ. — Это онъ —
Должна ли сходство съ нашимъ я отцомъ,
Должна ли сердца затаенный трепетъ
Въ знакъ доказательства тебѣ привесть?

Ѳоантъ.

Пусть рѣчь твоя всѣ устранитъ сомнѣнья,
Пусть усмирю я гнѣвъ въ груди моей:
А все жь оружью надо будетъ споръ
Нашъ разрѣшить; я мира не предвижу.
Они, сама ты признаешь, похитить
Пришли у насъ святой кумиръ богини.
Не мните ль вы, что допущу я это?
Грекъ обращаетъ часто жадный взоръ

Den fernen Schätzen der Barbaren zu,
Dem goldnen Felle, Pferden, schönen Töchtern;
Doch führte sie Gewalt und List nicht immer
Mit den erlangten Gütern glücklich heim.

OREST.

Das Bild, o König, soll uns nicht entzweien!
Jetzt kennen wir den Irrtum, den ein Gott
Wie einen Schleier um das Haupt uns legte,
Da er den Weg hieher uns wandern hiess.
Um Rat und um Befreiung bat ich ihn
Von dem Geleit der Furien; er sprach:
„Bringst du die Schwester, die an Tauris' Ufer
Im Heiligtume wider Willen bleibt,
Nach Griechenland, so löset sich der Fluch“.
Wir legten's von Apollens Schwester aus,
Und er gedachte dich! Die strengen Bande
Sind nun gelöst; du bist den Deinen wieder,
Du Heilige, geschenkt. Von dir berührt,
War ich geheilt; in deinen Armen fasste
Das Übel mich mit allen seinen Klauen
Zum letztenmal und schüttelte das Mark
Entsetzlich mir zusammen; dann entfloh's
Wie eine Schlange zu der Höhle. Neu
Geniess' ich nun durch dich das weite Licht
Des Tages. Schön und herrlich zeigt sich mir
Der Göttin Rat. Gleich einem heil'gen Bilde,
Daran der Stadt unwandelbar Geschick
Durch ein geheimes Götterwort gebannt ist,
Nahm sie dich weg, dich Schützerin des Hauses,

Къ сокровищамъ у варваровъ, къ златому
Руну, къ конямъ и дочерямъ прекраснымъ;
Но не всегда счастливыхъ приводили
Съ добычей ихъ домой обманъ и сила.

Орестъ.

Разъединять насъ, царь, кумиръ не долженъ!
Ошибка намъ ясна, которой богъ
Какъ бы покровомъ намъ главы окуталъ,
Когда сюда идти намъ повелѣлъ.
Совѣта я молилъ и избавленья
Отъ Фурій, гнавшихся за мной; и рекъ онъ:
„Коль ты въ Элладу съ береговъ Тавриды
Вернешь сестру, невольную жилицу
Святилища, проклятье разрѣшится“.
Сестру мы Феба разумѣли, онъ же
Вѣщалъ намъ о тебѣ! Распались узы
Тяжелыя теперь; вновь, о, святая,
Своимъ ты отдана. Прикосновеньемъ
Твоимъ я исцѣленъ. Въ твоихъ объятьяхъ
Въ меня въ послѣдній разъ когтями всѣми
Впился недугъ, и страшно до костей
Имъ потрясенъ я былъ; потомъ исчезъ онъ,
Какъ змѣй въ норѣ. Черезъ тебя опять
Широкимъ свѣтомъ дня я наслаждаюсь.
Богиня чудно и прекрасно помощь
Явила мнѣ. Какъ нѣкую святыню,
Съ которой города благополучье
Связало тайно божеское слово —
Она взяла тебя, охрану дома,

Bewahrte dich in einer heil'gen Stille
Zum Segen deines Bruders und der Deinen.
Da alle Rettung auf der weiten Erde
Verloren schien, gibst du uns alles wieder.
Lass deine Seele sich zum Frieden wenden,
O König! Hindre nicht, dass sie die Weihe
Des väterlichen Hauses nun vollbringe,
Mich der entsühnten Halle wiedergebe,
Mir auf das Haupt die alte Krone drücke!
Vergilt den Segen, den sie dir gebracht,
Und lass des nähern Rechtes mich geniessen!
Gewalt und List, der Männer höchster Ruhm,
Wird durch die Wahrheit dieser hohen Seele
Beschämt, und reines kindliches Vertrauen
Zu einem edeln Manne wird belohnt.

IPHIGENIE.

Denk' an dein Wort, und lass durch diese Rede
Aus einem graden treuen Munde dich
Bewegen! Sieh uns an! Du hast nicht oft
Zu solcher edeln Tat Gelegenheit.
Versagen kannst du's nicht; gewähr es bald!

THOAS.

So geht!

IPHIGENIE.

Nicht so, mein König! Ohne Segen,
In Widerwillen, scheid' ich nicht von dir.
Verbann uns nicht! Ein freundlich Gastrecht walte

И скрыла здѣсь въ священной тишинѣ
Друзьямъ твоимъ и брату въ благодать.
Когда, казалось, на землѣ обширной
Намъ нѣтъ спасенья, все ты вновь даешь намъ.
Душа твоя да обратится къ миру,
О, царь! Ей освященье не препятствуй
Ты дома отчаго теперь свершить,
Меня въ чертогъ искупленный вернуть
И древній на главу вѣнецъ надѣть мнѣ!
Намъ благодать, что отъ нея ты принялъ,
Верни и дай въ мое вступить мнѣ право!
Мощь, хитрость — слава высшая мужей —
Правдивостью души ея высокой
Посрамлены, и вѣра въ доблесть мужа
Слѣпая, дѣтская, награждена.

Ифигенія.

Ты слово далъ; пусть эта рѣчь прямая
Изъ вѣрныхъ устъ растрогаетъ тебя!
Взгляни на насъ! Не часто случай ты
Найдешь къ такому доблестному дѣлу.
Ты не откажешь; дай скорѣй согласье!

Ѳоантъ.

Идите жъ!

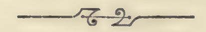
Ифигенія.

Нѣтъ, мой царь, пока ты гнѣвенъ,
И безъ благословенья не уйду я.
Не изгоняй насъ! Да царитъ межъ нами

Von dir zu uns: so sind wir nicht auf ewig
Getrennt und abgeschieden. Wert und teuer,
Wie mir mein Vater war, so bist du's mir,
Und dieser Eindruck bleibt in meiner Seele.
Bringt der Geringste deines Volkes je
Den Ton der Stimme mir ins Ohr zurück,
Den ich an euch gewohnt zu hören bin,
Und seh' ich an dem Ärmsten eure Tracht:
Empfangen will ich ihn wie einen Gott,
Ich will ihm selbst ein Lager zubereiten,
Auf einen Stuhl ihn an das Feuer laden
Und nur nach dir und deinem Schicksal fragen.
O geben dir die Götter deiner Taten
Und deiner Milde wohlverdienten Lohn!
Leb' wohl! O wende dich zu uns und gib
Ein holdes Wort des Abschieds mir zurück!
Dann schwellt der Wind die Segel sanfter an,
Und Tränen fliessen lindernder vom Auge
Des Scheidenden. Leb' wohl! und reiche mir
Zum Pfand der alten Freundschaft deine Rechte.

THOAS.

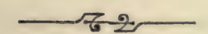
Lebt wohl!

Гостепріимство: такъ мы и въ разлукѣ
Не всѣ утратимъ связи. Милъ и дорогъ,
Какъ былъ мнѣ мой отецъ, и ты мнѣ сталъ,
И это чувство въ сердцѣ сохраню я.
Изъ твоего народа самый малый
Мнѣ дастъ ли слухомъ уловить звукъ рѣчи,
Которой я внимать у васъ привыкла,
Узнаю ль вашъ нарядъ я на бѣднѣйшемъ —
Его, какъ бога, я приму; сама
Постелю приготовлю, усажу
Его къ огню и стану вопрошать
Лишь о тебѣ и участи твоей.
Пусть за твои благодѣянья боги
Заслуженную мзду тебѣ дарують!
Прощай! Къ намъ обратясь, о, дай въ отвѣтъ
Лишь слово доброе намъ на прощанье!
И паруса̀ нѣжнѣй наполнитъ вѣтеръ
И легче слезы потекутъ изъ глазъ
Разставшихся. Прощай! И протяни
Ты руку мнѣ въ залогъ старинной дружбы.

ѲОАНТЪ.

Прощайте!

Мраморный дворецъ, 7 февраля 1908 г. —
Либенштейнъ, 28 іюля 1909.

Гёте и его „Ифигенія“.

Источники.

Ранѣе чѣмъ приступить къ изложенію того, когда, подъ какими вліяніями и при какихъ условіяхъ великій Гёте создалъ свою знаменитую „Ифигенію въ Тавридѣ“, разсмотримъ какъ его предшественники пользовались древнимъ миѳомъ объ Ифигеніи, обрабатывая его, каждый по своему, для драматическихъ произведеній.

Еще Эсхилъ въ своемъ „Агамемнонѣ“ и Софоклъ въ „Электрѣ“ держатся древняго преданія,—у нихъ Ифигенія умираетъ подъ ножомъ жреца*). Отъ нихъ дошли до насъ лишь незначительные отрывки**).

Изъ греческихъ трагедій мы имѣемъ два произведенія Еврипида: „Ифигенію въ Тавридѣ“ (412 г. до Р. Хр.)***) и „Ифигенію въ Авлидѣ“ (406 г.).

---

*) Еврипидъ. Ифигенія въ Авлидѣ. Переводъ В. Алексѣева. Изд. Суворина. С.-Петербургъ. Введеніе V.

**) Deutsche Rundschau. April 1897. Berlin. Weltcharaktere von Herman Grimm. 86.

***) Еврипидъ. Ифигенія въ Тавридѣ. Переводъ В. Алексѣева. С.-Петербургъ. Изд. Суворина. Введеніе III.

Хотя послѣдняя считается наиболѣе совершеннымъ созданіемъ греческаго трагика, насъ болѣе занимаетъ первая, послужившая первообразомъ для драмы Гёте.

Вотъ вкратцѣ содержаніе Еврипидовой „Ифигеніи въ Тавридѣ“:

„Ифигенія, дочь царя Агамемнона, по велѣнію оракула, была обречена на жертвенное закланіе въ Авлидѣ. Въ ту самую минуту, когда жертву взвели на алтарь, ее покрыло спустившееся облако, и въ немъ Діана перенесла ее въ Тавриду. Въ началѣ драмы Ифигенія является жрицею въ таврическомъ храмѣ Діаны, гдѣ приносятъ въ жертву богинѣ всякаго чужеземца, приставшаго къ негостепріимному берегу. Братъ Ифигеніи, Орестъ, и другъ его, Пиладъ, повинуясь приказанію оракула, являются въ Тавриду, съ цѣлью похитить кумиръ Діаны. Отъ успѣшнаго исполненія этого плана зависитъ спасеніе Ореста, преслѣдуемаго Фуріями за матереубійство. Друзей схватываютъ и приводятъ къ Ифигеніи для закланія. Жрица узнаетъ въ плѣнникѣ своего брата, помогаетъ ему увезти статую богини и сама бѣжитъ съ нимъ изъ Тавриды. Скиѳы преслѣдуютъ ихъ, но появленіе Минервы разсѣкаетъ узелъ драмы и смиряетъ бѣшенство таврическаго царя Тоаса“ *).

Еврипидова „Ифигенія въ Тавридѣ“ пользова-

---

*) Гёте. Статьи Г. Думшина. „Библіотека для чтенія“. 1857. Т. 143, стр. 59.

лась въ древности извѣстностью; нѣкоторыя изъ ея сценъ изображены въ произведеніяхъ ваятелей.

Миѳъ объ Ифигеніи былъ распространенъ въ древнемъ мірѣ; кромѣ названныхъ уже трехъ трагиковъ, имъ воспользовался Темизитей, написавшій піесу „Орестъ и Пиладъ". Лучшая изъ драмъ римлянина Пакувія — недошедшій до насъ „Dulorestes".

Тотъ же миѳъ въ эпоху возрожденія использованъ въ началѣ XVI вѣка итальянцами Руччеллаи и около 1700 г. Мартелло. Не пренебрегали имъ и французы. Послѣ смерти Расина (1699) изданъ въ 1747 году его планъ 1-го акта Iphigénie en Tauride. Трагедія не была имъ окончена.

„Съ 1697 г. съ успѣхомъ шла на сценѣ трагедія Лагранжа (Lagrange, Oreste et Pilade, ou Iphigénie en Tauride. Paris, chez Ribou 1699, или также: Le théatre de monsieur de Lagrange. Amsterdam 1703). Драму Лагранжа смѣнила на сценѣ за годъ до его смерти (1758) новая Iphigénie en Tauride, сочиненіе Claude Guymond de la Touche (1719—1760) и настолько нашумѣла, что на нее появилась злая пародія La petite Iphigénie.

„Трагедія де-ля-Туша — вольная передѣлка піесы Лагранжа въ духѣ Вольтера. Сцена, гдѣ Ифигенія заноситъ ножъ надъ головой не узнаннаго ею Ореста, заимствована изъ знаменитой трагедіи Вольтера Mérope. Хорошо намъ, русскимъ, знакомый по перепискѣ съ Императрицей Екатериной II Фр. М. Гриммъ въ письмѣ отъ 1-го августа 1757 г. ко двору въ Готѣ сообщаетъ замѣчанія Дидро о піесѣ де-ля-

Туша, что со времени „Заиры“ и „Меропы“ Вольтера ни одна драма не имѣла такого успѣха“ *).

„Въ маѣ 1779 года, того самаго, когда Гёте написалъ свою „Ифигенію въ Тавридѣ“ въ ея первоначальной обработкѣ, появилась на Парижской сценѣ превосходная опера Глюка: Iphigénie en Tauride, tragédie-lyrique en quatre actes, par M. Guillard, mise en musique et dédiée à la Reine par M. le Chevalier Gluck, à Bordeaux 1786. Текстъ оперы придерживается трагедіи де-ля-Туша“ **).

Въ пользованіи миѳомъ объ Ифигеніи не отставали отъ французовъ и нѣмцы. Подъ вліяніемъ піесы Лагранжа I. Е. Шлегель въ 1737 году написалъ „Die Geschwister in Taurien“ и въ 1739-мъ передѣлалъ эту трагедію въ „Orest und Pylades“. Учитель Шлегеля, Pforta, знавшій древнихъ греческихъ трагиковъ по подлинникамъ, сличавшій и переводившій ихъ, передалъ свои знанія и ученику, который, хотя и подражалъ Лагранжу, но значительно упростилъ дѣйствіе и многое заимствовалъ у Еврипида.

Другой Orest und Pylades, oder: das Denkmaal der Freundschaft (Liegnitz 1747, а также въ 7-й части Deutsche Schaubühne zu Wien 1758), принадлежитъ перу Дершау. Эта трагедія представлена въ Вѣнѣ въ день рожденія Императрицы Маріи Тере-

*) Göthes Iphigenie auf Tauris. Erläutert von H. Düntzer. Leipzig 1899, 7-е изд.

**) Hans Morsch. Aus der Vorgeschichte von Göthes Iphigenie. Vierteljahrschrift für Litteraturgeschichte. 4 B. 1 Heft. Weimar 1891.

зіи въ 1758 г. Дершау ближе придерживается французовъ.

Одинъ изъ кружка друзей Гёте, Готтеръ, въ подражаніе Вольтеру написалъ „Ореста и Электру" и „Меропу". Первая изъ этихъ піесъ въ 1772 году шла на Веймарской придворной сценѣ, а вторая въ слѣдующемъ, стало быть за шесть лѣтъ до появленія на ней драмы Гёте.

Мы подошли къ 1775 году, когда въ Веймарѣ появился Іоганнъ Вольфгангъ Гёте. Ему было тогда 26 лѣтъ. Въ лучшей біографіи великаго писателя *) такъ описана его наружность:

„Самые даже лучшіе его портреты и бюсты даютъ только весьма слабое понятіе о его красотѣ; они представляютъ намъ одинъ внѣшній его образъ, но не передаютъ выраженія, жизни, которая играла въ его чертахъ; даже и самый образъ передаютъ они не совсѣмъ вѣрно. Черты лица у него были крупныя, рѣзко очерченныя, — они напоминали изящную красоту линій греческой скульптуры. Высокій, крутой лобъ; большіе блестящіе черные глаза удивительной красоты; зрачки величины почти необыкновенной; большой носъ съ небольшимъ горбомъ; изящно очерченный большой ротъ съ выдавшейся впередъ верх-

---

*) The Life and Works of Goethe: with Sketches of his Age and Contemporaries, from Published and Unpublished Sources. By G. H. Lewes. London 1855. — Я пользуюсь русскимъ переводомъ: Д. Г. Льюисъ. Жизнь І. Вольфганга Гёте. Переведено со 2-го англійскаго изданія подъ редакціей Невѣдомскаго. Спб. 1867 г.

ней губой, что придавало особенную выразительность; подбородокъ и челюсть чрезвычайно пропорціональные; красивая мускулистая шея. Росту онъ былъ немного выше средняго, но вся его наружность производила такое впечатлѣніе, что онъ казался весьма высокимъ. Скульпторъ Раухъ, сдѣлавшій извѣстную статуэтку Гёте, говорилъ, что Гёте потому казался очень высокимъ, что былъ широкъ въ плечахъ и всегда держался прямо".

Литературныя вліянія.

Разсмотримъ въ какомъ состояніи находилась въ то время литература въ Германіи и подъ какими вліяніями развился геній Гёте. Вотъ, что говоритъ о нѣмецкой литературѣ XVIII вѣка покойный А. А. Шаховъ*):

„Послѣ всеобщаго возбужденія, которое мы замѣчаемъ въ Германіи времени реформаціи, для нея наступаетъ сначала эпоха тяжелыхъ испытаній, потомъ тянется продолжительный періодъ изнеможенія и апатіи. Тридцатилѣтняя война оставила глубокіе слѣды на всемъ пространствѣ отъ Эльбы до Рейна. Вестфальскій миръ разбилъ опустошенную Германію приблизительно на четыреста политическихъ тѣлъ, управляемыхъ отдѣльными владыками-помѣщиками, изъ которыхъ большинство силилось перенимать обы-

*) А. Шаховъ. Гёте и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Изд. 2. Спб. 1897, стр. 12.

чаи французскаго двора, присоединяя къ заимствованнымъ изъ Версаля пріемамъ абсолютизма германскую грубость и доморощенныя замашки мелкопомѣстныхъ невѣждъ. Наука была погружена въ варварство. Теологи и юристы развивали свое діалектическое остроуміе на процессахъ о колдовствѣ. Педантизмъ дошелъ до чудовищныхъ размѣровъ. Въ то время, какъ въ Англіи и Франціи выростали великіе люди науки и литературы, во времена Мильтона, Гоббса, Локка, Декарта, Корнеля, Паскаля, Мольера, Германія могла указать только на Лейбница, да и этотъ стоитъ какъ-то одиноко въ Германіи XVII и начала XVIII вѣка, безъ тѣсныхъ связей со своею націей; онъ пишетъ по латыни и по французски.

„Къ половинѣ XVIII вѣка обстоятельства измѣняются. Мы вступаемъ въ періодъ литературнаго и общественнаго броженія. Германія знакомится съ результатами, добытыми Франціей и Англіей. Просвѣтительное движеніе въ Германіи мало касается вопросовъ политическихъ и съ тѣмъ большей силой захватываетъ вопросы философіи вообще и, преимущественно, задачи литературныя и художественныя.

„Въ періодъ, предшествовавшій времени Гёте, мы замѣчаемъ въ нѣмецкой литературѣ слѣдующія тѣсно связанныя между собою явленія: появленіе спеціальной буржуазной литературы, параллельно съ развитіемъ буржуазіи и увеличеніемъ степени ея образованности; паденіе заимствованнаго французскаго, такъ называемаго ложно-классическаго направленія

и, въ связи съ нимъ, обращеніе къ древне германской старинѣ; образованіе національной нѣмецкой литературы.

„Въ половинѣ XVIII вѣка буржуазная литература господствуетъ въ обществѣ какъ Англіи и Франціи, такъ нѣсколько позднѣе и Германіи.

„Потребители этой литературы, которые набирались въ средѣ образованнаго мѣщанства, не могли уже больше интересоваться искусственно выстроенной и выглаженной придворной трагедіей, дворцовой одой, монотонными посланіями, выращенными въ атмосферѣ куртизановъ. Передъ нами уже не литература двора и блестящихъ подвиговъ знати, а литература мѣщанской семьи и ея будничной жизни. Величіе и спокойную холодность классической литературы смѣнили чувствительность и сентиментальность буржуазной литературы".

„Въ своей автобіографіи Гёте часто возвращается къ жалкому состоянію литературы въ эпоху его юности. То онъ называетъ эту эпоху расплывчатой, многорѣчивой и ничтожной, то говоритъ о вяломъ, водянистомъ стилѣ Готшеда, въ которомъ утопало почти все остальное.

„Съ инстинктомъ великаго генія Гёте искалъ сильныхъ людей, движущихся, мыслящихъ и чувствующихъ со всей прирожденной непосредственностью, а между тѣмъ онъ находилъ всюду только пошлыхъ, робкихъ, старомодныхъ филистеровъ, или же, когда авторъ уносился изъ міра дѣйствительности, — сентиментальныхъ и жеманныхъ пастушекъ, которыя

водили своихъ овечекъ гулять на розовой лентѣ и слушали, какъ играли на флейтѣ ихъ расфранченные и нѣжные пастушки. Кому случалось видѣть мейсенскій фарфоръ того времени, тотъ можетъ составить себѣ понятіе о господствовавшемъ въ ту эпоху вкусѣ. Къ фарфору Гёте могъ относиться съ терпимостью, но литература приводила его въ отчаяніе. Умъ его плѣнилъ Лессингъ. Съ истиннымъ одушевленіемъ, будучи уже на порогѣ старости, описываетъ онъ то огромное вліяніе, какое оказали на него сочиненія Лессинга во времена студенчества. Онъ сравниваетъ „Лаокоонъ" съ лучомъ свѣта, упавшимъ на него сквозь темныя тучи".

Бо̀льшая часть другого крупнаго критическаго труда Лессинга, „Гамбургская Драматургія", появилась въ свѣтѣ въ 1768 г. „Борьба противъ неестественности, противъ чопорной правильности, противъ всего плоскаго, мелкаго и разслабленнаго, пониманіе народнаго духа, защита верховныхъ правъ генія, постоянно повторяющіяся ссылки на Шекспира, какъ на неподражаемый образецъ, — все это должно было захватить душу молодого студента, который инстинктивно шелъ въ томъ же направленіи, и сообщить его инстинктивному стремленію ясность самосознанія.

„На ряду съ критическими трудами Лессинга, Гёте радостно привѣтствовалъ также одно изъ его поэтическихъ произведеній, а именно: „Минну фонъ Барнгельмъ". Хотя юный Вольфгангъ и не могъ еще оцѣнить все значеніе „Минны", какъ первой театральной

тральной піесы, взятой изъ дѣйствительной жизни, но онъ, безъ сомнѣнія, живо чувствовалъ, что она являлась чуднымъ подаркомъ націи и далеко превосходила все, что можно было найти въ тогдашней драматической литературѣ.

„Большое значеніе имѣло для Гёте знакомство съ Фридрихомъ Эзеромъ, директоромъ рисовальной школы въ Плейсенбургѣ. Вольфгангъ началъ брать у него уроки, чтобы усовершенствоваться въ рисованіи и живописи, которымъ въ молодости думалъ себя посвятить. Но изъ этихъ уроковъ онъ вынесъ далеко не одно только простое усовершенствованіе въ художественной техникѣ. Эзеръ, какъ художественный талантъ, стоялъ не высоко, но зато онъ обладалъ тонкимъ, выдающимся для своего времени пониманіемъ искусства. Тайну идеала красоты видѣлъ онъ въ греческомъ искусствѣ. Этотъ идеалъ являлся какъ бы струей чистаго воздуха среди царившаго тогда вкуса рококо, и Эзеръ неустанно проповѣдывалъ его своему ученику и, отдаляя его отъ современной сухости и искусственности, вырабатывалъ въ немъ чистое, широкое и глубокое художественное пониманіе вещей. По возвращеніи домой во Франкфуртъ, Гёте пишетъ Эзеру: „Какъ я вамъ безконечно благодаренъ, дорогой профессоръ, за то, что вы указали мнѣ путь къ истинному и прекрасному... Съ какой непреложной, очевидной ясностью понялъ я странную, почти непонятную аксіому, что мастерская великаго художника имѣетъ большее значеніе для развитія юнаго философа, юнаго

поэта, чѣмъ всѣ совѣты житейской мудрости и критики“ *).

„Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о другомъ направленіи, стоявшемъ въ связи съ ростомъ національной нѣмецкой литературы. Это религіозная тенденція или „серафическая“, какъ ее называли современники (seraphische Dichtung), которая нашла себѣ полное выраженіе въ „Мессіадѣ“ Клопштока, первыя три пѣсни которой появились въ 1748 году, за годъ до рожденія Гёте. Развитію религіозной поэзіи содѣйствовало знакомство съ Мильтономъ, на котораго въ Германіи обратилъ вниманіе еще Бодмеръ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVIII вѣка поэзія Клопштока достигла до высшей степени своей популярности. Нѣмецкое юношество 70-хъ годовъ боготворило его.

„Впослѣдствіи Клопштокъ покинулъ область серафической поэзіи и, увлекшись литературнымъ подлогомъ Макферсона (который издалъ сборникъ пѣсенъ, написанныхъ имъ на шотландскія народныя темы, и утверждалъ, что онѣ сочинены бардомъ Оссіаномъ изъ III столѣтія), обратился за поэтическимъ содержаніемъ въ туманный міръ мнимой, имъ самимъ выдуманной германской старины. Проявленіе этой тевтонской тенденціи замѣтно на геттингенскихъ

---

*) Goethe. Sein Leben und seine Werke v. Dr. Alb. Bielschowsky. 13 Auflage. München 1907.

Я пользуюсь русскимъ переводомъ этого труда: А. Бельшовскій. Гёте, его жизнь и произведенія. Переводъ О. А. Рохмановой подъ ред. П. Вейнберга. СПб. 1898. Стр. 60—65.

буршахъ періода бурныхъ стремленій (Sturm und Drang Periode)“ *).

„Кромѣ Лессинга могъ имѣть вліяніе на Гёте и Клопштокъ. Но эра Клопштока уже миновала для него. Мальчикомъ онъ увлекался имъ, юношей же не могъ уже оставаться въ рядахъ его послѣдователей, если не считать нѣкоторыхъ особенностей языка и размѣра. Серафическій элементъ Клопштока былъ вытѣсненъ вѣтреной музой Виланда“ **).

„Виландъ не обладалъ ни особенно крупнымъ художественнымъ талантомъ, ни строгими философскими убѣжденіями. Для своего времени онъ хорошо былъ знакомъ съ произведеніями иностранной литературы, не стѣснялся въ своихъ заимствованіяхъ, писалъ легко, игриво и занимательно и старался доказать, что нѣмецкій литераторъ можетъ такъ же изящно и легко писать, какъ французъ. Виланду обязаны были нѣмцы XVIII вѣка переводомъ драматическихъ сочиненій Шекспира“ ***). Восьмой, послѣдній томъ этого перевода вышелъ въ 1766 году ****), когда Вольфгангу было 17 лѣтъ.

„Изъ всѣхъ писателей Виландъ обладалъ самымъ лучшимъ темпераментомъ“, говоритъ Гёте въ „Поэзіи и Правдѣ“. „Это мнѣніе показываетъ, что темпераментъ Виланда былъ наиболѣе родственъ его соб-

---

*) Шаховъ 18, 19.

**) Бельшовскій 67.

***) Шаховъ 19, 20.

****) Shakespear. Theatralische Werke. Aus dem Englischen übersetzt von Herren Wieland. Zürich. 1763—1766.

ственному. И этимъ объясняется то необыкновенное уваженіе, которое многообѣщавшій юноша чувствовалъ къ Виланду,—уваженіе, которому трудно найти другое объясненіе; ибо, хотя среди моря безсодержательной, расплывчатой поэзіи Готшеда—Геллерта—Вейса, Виландъ и высился могучей скалой, юноша наслаждавшійся Шекспиромъ и Лессингомъ, не могъ не замѣтить слабыхъ сторонъ Виланда, выступавшихъ въ произведеніяхъ 1764—1768 гг.

„Не даромъ Гёте въ письмѣ къ лейпцигскому книготорговцу Рейху (20-го февраля 1770 г.) называетъ своими истинными учителями Эзера, Шекспира и Виланда. Далѣе онъ прибавляетъ: „другіе указывали мнѣ на мои погрѣшности, эти-же учили какъ ихъ исправить“. „Вотъ чѣмъ объясняется, что Гёте не упомянулъ въ числѣ своихъ учителей Лессинга, съ которымъ не былъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ.

Одновременно съ перечисленными вліяніями на Гёте росло также его знакомство съ иностранными литературами. „Гольдони безпрестанно попадался ему на сценѣ лейпцигскаго театра, Корнеля онъ пробовалъ переводить, Руссо проглядываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его писемъ, но болѣе всего онъ былъ занятъ Шекспиромъ.

„При своемъ всеобъемлющемъ умѣ Гёте не могъ ограничиться только изученіемъ искусства и изящной литературы. Его познанія охватывали несравненно болѣе широкую область, и онъ прилежно слѣдилъ за всѣми трудами болѣе или менѣе общаго

содержанія по теологіи, медицинѣ, наукѣ права и философіи.

„Такимъ образомъ, въ теченіи шести университетскихъ семестровъ, молодой лейпцигскій студентъ воспринялъ огромный запасъ матерьяла по всѣмъ отраслямъ образованія. Пока еще это былъ не Фаустъ, но ученикъ, знавшій уже очень много, и желавшій знать все“ *).

Въ 1770 году мы видимъ молодого Вольфганга въ Страсбургѣ. Кандидатскій экзаменъ былъ уже сданъ, слушать лекціи уже не было нужно; „теперь все дѣло заключалось въ томъ, чтобы написать диссертацію на степень доктора, которая должна была открыть ему юридическое поприще. На обработку диссертаціи Вольфгангъ назначилъ себѣ годъ; поэтому работа не особенно поглощала его. Такимъ образомъ онъ располагалъ большимъ количествомъ свободнаго времени.

„Такой богатый досугъ и такія легко вводящія въ соблазнъ условія, какъ широкія денежныя средства, обширный кругъ знакомства, оживленная свѣтская жизнь, юношеская жажда жизни и благосклонность женщинъ, могли-бы пагубно отразиться на менѣе серьезной натурѣ. Но для него все это послужило только средствомъ широкаго и гармоническаго развитія его духа“.

Къ этому времени относится его знакомство съ Гердеромъ. Подобно Винкельману и Гаману, это

---

*) Бельшовскій 65—68.

былъ однимъ изъ главныхъ преобразователей духовной жизни Германіи. Видный представитель времени бури и натиска, „Гердеръ воспринялъ и усвоилъ себѣ все, что было самобытнаго, непосредственно дѣйствующаго на умы въ двухъ остальныхъ и ихъ предшественникахъ. Въ немъ соединились пылкій полетъ мысли Клопштока, великая творческая критика Лессинга, сознательная субъективность и жизнерадостность Винкельмана, отвращеніе Гамана ко всякимъ правиламъ и системамъ и его любовь къ созерцанію, предчувствіямъ и пророчествамъ, ко всему первобытному, скрывающемуся во мракѣ и глубокому.

„Гердеръ прибылъ въ Страсбургъ въ 1770 году. Какъ только Гёте узналъ о пріѣздѣ знаменитаго гостя, онъ сейчасъ же отправился къ нему. Отношенія ихъ становились все ближе, и вскорѣ Гёте сдѣлался ежедневнымъ гостемъ Гердера.

„Гердеръ былъ всего пятью годами старше Вольфганга. Но въ молодые годы такая разница и сама по себѣ кое-что значитъ, а въ данномъ случаѣ она еще увеличивалась, благодаря огромному запасу опыта, знаній и установившихся взглядовъ, которымъ Гердеръ превосходилъ Гёте“ *).

„Великъ былъ контрастъ между этими людьми, но онъ не разъединялъ ихъ. Гердеръ опредѣлителенъ, ясенъ, поучающъ, знаетъ свои цѣли, любитъ сообщать свои мысли, — Гёте скептиченъ, неспокоенъ, пытливъ; Гердеръ жостокъ, саркастиченъ, раздражи-

*) Бельшовскій 88, 94, 95.

теленъ, терпимость не была его качествомъ, — Гёте любящъ, снисходителенъ, его терпимость не знала предѣловъ. Многихъ друзей оттолкнулъ отъ себя Гердеръ своею нетерпимостью, но не оттолкнулъ Гёте, потому что таково было характеристическое свойство этого человѣка, никогда его не оставлявшее, что онъ былъ способенъ поучаться отъ самыхъ даже противоположныхъ ему натуръ и, сойдясь съ ними на какомъ либо общемъ сочувственномъ пунктѣ, умѣлъ избѣгать того, что повлекло бы къ разрыву" *).

„Ѣдкія насмѣшки Гердера сыпались на бѣднаго Гёте, какъ удары хлыста, оставляя надолго жгучіе слѣды, такъ что даже черезъ годъ онъ все еще почесывался, и комната, которую Гердеръ занималъ, вызывала въ Вольфгангѣ „воспоминанія битой собаки"" **).

„Гердеръ сдѣлалъ для Гёте въ частности то, что сдѣлалъ для нѣмецкой литературы вообще, т. е. докончилъ освобожденіе молодого человѣка отъ оковъ французскихъ правилъ искусства. Онъ открылъ ему поэзію Библіи, міръ Гомера, Шкеспира и Оссіана" ***).

„Наставленія Гердера пали на плодородную почву. Гёте воспринялъ его взгляды, самостоятельно ихъ переработалъ, и вскорѣ мы видимъ его главою литературнаго кружка, который пропагандируетъ культъ Шекспира, принципы природы и геніальности и

*) Льюисъ 107, 108.

**) Бельшовскій 96.

***) Гёте въ молодости и его поэтическія произведенія. Іоганнъ Шерръ. СПб. 1876. (Переводъ съ нѣмецкаго). Стрр. 82 и 83.

борьбу лица съ авторитетомъ. Это одинъ изъ кружковъ такъ называемыхъ „дикихъ геніевъ" періода бурныхъ стремленій" *).

„Въ позднѣйшіе годы, несмотря ни на какія „воспоминанія битой собаки", Гёте называлъ эти дни чуднымъ, счастливымъ временемъ, полнымъ смутныхъ ожиданій и считалъ знакомство съ Гердеромъ однимъ изъ крупнѣйшихъ событій своей жизни" **). Гёте выбралъ для диссертаціи слѣдующую тему: „Законодатель имѣетъ право и обязанность установить опредѣленный религіозный культъ, обязательный какъ для духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ". Диссертація была написана по латыни. Диспутъ состоялся 6-го августа 1771 г. Гёте былъ признанъ докторомъ, все это закончилось веселымъ студенческимъ банкетомъ" и въ концѣ августа Вольфгангъ вернулся во Франкфуртъ на Майнѣ въ родительскій домъ ***).

Изъ числа друзей, которымъ въ началѣ 70-хъ годовъ Гёте сообщалъ свои планы и идеи, надо упомянуть Мерка, вліяніе котораго „было въ высшей степени благодѣтельно ****).

„Іоаннъ Генрихъ Меркъ родился въ Дармштадтѣ въ 1741 г. Онъ занималъ должность кригсрата и находился въ сношеніяхъ почти со всѣми главными знаменитостями дня, въ томъ числѣ и съ Гердеромъ,

---

*) Шаховъ 30.

**) Бельшовскій 96.

***) Льюисъ 118. — Бельшовскій 120.

****) Льюисъ 142 и далѣе.

который высоко цѣнилъ его способности и весьма дорожилъ его дружбой. Какъ дорогà была для Гердера дружба Мерка можно заключить изъ того обстоятельства, что отношенія Мерка къ Гёте возбуждали въ Гердерѣ ревность,—онъ боялся, чтобъ между нимъ и его другомъ не стало теперь третье лицо, какъ это впослѣдствіи дѣйствительно и случилось. Значеніе Мерка въ исторіи нѣмецкой литературы весьма велико. Переписка его свидѣтельствуетъ, что своей критикой онъ имѣлъ большое вліяніе на людей, которые по дару творчества стояли далеко выше его. Молодежь, восторгавшаяся Шекспиромъ, нашла въ немъ горячее сочувствіе. Между нимъ и Гёте завязалась искренняя дружба. Меркъ глубже, чѣмъ Гердеръ, прозрѣвалъ геніальность этого юноши" *).

Гётцъ и Вертеръ.

Въ промежутокъ времени между возвращеніемъ Гёте изъ Страсбурга во Франкфуртъ и появленіемъ его въ Веймарѣ имъ созданы произведенія, утвердившія его славу. Произведенія эти: „Гётцъ" и „Вертеръ".

„Хотя „Гётцъ фонъ-Берлихингенъ" появился впервые въ печати не ранѣе весны 1773 г., но онъ былъ написанъ еще зимой 1771 г., т. е., выражаясь точнѣе,

---

*) Въ 1773 году Меркъ ѣздилъ въ Петербургъ въ свитѣ великой ландграфини Гессенъ-Дармштадтской. Дочь ея, нареченная великой княжной Наталіей Алексѣевной, стала первой супругой Цесаревича Павла Петровича.

написана была первая изъ трехъ извѣстныхъ намъ формъ этого произведенія. Эта первая форма носила заглавіе Geschichte Gottfriedens von Berlichingen mit der eisernen Hand, dramatisirt, и была напечатана гораздо позднѣе. Вторая форма, — Götz von Berlichingen, Schauspiel, — и есть именно та, въ которой это произведеніе впервые сдѣлалось извѣстно публикѣ" *). „Съ чарующею силой было въ немъ высказано все, что волновало, одушевляло, трогало всѣхъ образованныхъ германцевъ. Здѣсь было бродившее въ тогдашнемъ обществѣ всеобщее влеченіе къ свободѣ, въ связи съ эмансипаціонными тенденціями національной литературы. Каждая страница творенія Гёте какъ будто говорила нѣмцамъ: „Вы значите кое-что, вы можете кое-что. Имѣйте только мужество желать чего нибудь!" Оды Клопштока были утренней звѣздой, „Минна фонъ-Барнгельмъ" Лессинга — утренней зарей великаго періода нѣмецкой литературы; но съ появленіемъ „Гётца" Гёте на горизонтѣ взошло солнце нѣмецкой классики", говоритъ Шерръ **).

„Гёте былъ подготовленъ къ своему труду наставленіями Гердера, изученіемъ Шекспира и бесѣдами въ кружкахъ прирейнскихъ бурныхъ геніевъ. Въ Страсбургѣ и во Франкфуртѣ, въ этотъ періодъ его жизни, имъ овладѣло самое живое сочувствіе къ среднимъ вѣкамъ, къ нѣмецкой старинѣ, къ готическому

*) Льюисъ 145.
**) Шерръ 120.

искусству, та самая тенденція, отъ которой онъ окончательно отрѣшился въ „золотые" дни Веймарской жизни, во время своего знакомства съ Шиллеромъ" *).

Въ февралѣ 1773 г. пріѣхалъ во Франкфуртъ Меркъ и весьма одобрилъ новое произведеніе своего молодого друга. Гёте боялся не найти издателя для своей піесы, — „ибо какую же цѣну могло имѣть въ глазахъ издателя произведеніе писателя безъ имени, да еще къ тому же такого смѣлаго? Но Меркъ устранилъ это соображеніе, предложивъ своему другу издать его піесу сообща. Гёте долженъ былъ доставить бумагу, онъ же бралъ на себя хлопоты по печати. Гёте охотно согласился на предложеніе, и въ маѣ это бурное произведеніе было напечатано, а въ іюнѣ разослано" **).

Гёте самъ разсказывалъ о томъ, какъ успѣхъ его произведенія сталъ ему извѣстенъ изъ того, что одинъ книгопродавецъ заказалъ ему дюжину подобныхъ же піесъ ***).

И дѣйствительно, успѣхъ „Гётца" былъ необычайный. „Подъ первымъ впечатлѣніемъ Бюргеръ писалъ: „Рыцарь съ желѣзной рукой", что за вещь! Я просто не могу придти въ себя отъ восхищенія. Чѣмъ бы мнѣ выразить автору свой восторгъ? Вотъ кого можно назвать нѣмецкимъ Шекспиромъ... Какой

---

*) Шаховъ 42.

**) Бельшовскій 143, 144.

***) A. Mézières de l'Académie Française. W. Goethe. Les oeuvres expliquées par la vie. Paris. 1895.

вполнѣ нѣмецкій сюжетъ! Какая смѣлая обработка!... Авторъ растопталъ ногами жалкій кодексъ правилъ и воспроизвелъ передъ нашими глазами цѣлую картину, полную жизни и дыханія даже въ мельчайшихъ своихъ фибрахъ... Слава благородному и свободному мужу, повинующемуся голосу природы, а не тираніи искусства!“

„Какъ на сѣверѣ Бюргеръ, такъ на югѣ выразителемъ восторга, возбужденнаго „Гётцемъ“, явился Шубартъ. Гердеръ, несмотря на то, что такъ жестко и недружелюбно высказалъ Вольфгангу свое мнѣніе, былъ пораженъ красотой этой піесы еще въ первоначальномъ ея видѣ, а на столбцахъ газеты Blätter von deutscher Art und Kunst указывалъ въ довольно прозрачныхъ и краснорѣчивыхъ намекахъ на Гёте, какъ на нѣмецкаго Шекспира“.

Въ издаваемомъ Виландомъ Нѣмецкомъ Меркуріи отзывались такъ: „Это піеса, въ которой безжалостно попраны всѣ три единства, которую нельзя назвать ни комедіей, ни драмой, и которая, тѣмъ не менѣе, является прекраснѣйшимъ, интереснѣйшимъ чудовищемъ, за которое мы съ радостью отдали бы сотню нашихъ комически слезливыхъ піесъ“ *).

„Въ 1774 году „Гётцъ“ былъ поставленъ на сцену въ Берлинѣ и давался 6 дней сряду, что для тогдашняго времени свидѣтельствовало о необычайномъ успѣхѣ піесы“ **). „Только два современника поэта—

---

*) Бельшовскій 149, 150.

**) Шаховъ 48.

Фридрихъ II и Лессингъ — отнеслись къ его произведенію холодно, даже враждебно; со стороны прусскаго короля это не должно удивлять. Онъ былъ такимъ ярымъ поклонникомъ французскаго вкуса, что долженъ былъ судить о „Гётцѣ“ такъ-же, какъ нѣкогда Вольтеръ судилъ о „Гамлетѣ“: „Voila un Goetz de Berlichingen qui parait sur la scène. Imitation détestable de ces mouvaises pièces anglaises, et le parterre applaudit et demande avec enthousiasme la répétition de ces dégoûtantes platitudes“.

„Но Лессингъ? Онъ ниспровергъ французское вліяніе и былъ провозвѣстникомъ Шекспира въ Германіи; почему же теперь, когда, повидимому, появился нѣмецкій Шекспиръ, онъ вдругъ отнесся къ нему такъ холодно? Неужели же онъ не видѣлъ того, что видѣлъ весь свѣтъ, неужели его не тронуло то, что заставляло биться всѣ сердца? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Иначе онъ не былъ бы Лессингомъ. Но для него, какъ для преобразователя нѣмецкаго драматическаго искусства, все удовольствіе было испорчено и даже совершенно заглушено горькимъ опасеніемъ, чтобы то зданіе, которое онъ только что воздвигъ съ такимъ трудомъ изъ всякаго сора и окаменѣлаго хлама, не было снова разрушено этимъ геніальнымъ направленіемъ, не признающимъ никакой узды. Чѣмъ ослѣпительнѣе былъ примѣръ, тѣмъ онъ былъ опаснѣе. Вотъ почему онъ сильно напалъ на „прекрасное чудовище“. Но ужь одно то, что Лессингъ, тѣмъ не менѣе, не поднялъ голоса, доказываетъ, что талантъ молодого соперника внушалъ

ему невольное уваженіе“ *). Лессингъ ограничился тѣмъ, что воскликнулъ: „Театръ возвращается къ варварскимъ временамъ. Вотъ человѣкъ, который излагаетъ біографію въ формѣ діалога и говоритъ: „Я создалъ драму!“ **)

Если драма „Гётцъ фонъ Берлихингенъ“ создала славу Гёте, то романъ „Страданія молодого Вертера“, появившійся въ сентябрѣ 1774 года ***), закрѣпилъ и распространилъ ее.

Содержаніе Вертера двойственно: оно заключаетъ въ себѣ отчасти исторію самого автора и отчасти исторію одного изъ его знакомыхъ, секретаря браунштвейгскаго посольства Іерузалема и его самоубійство въ Вецларѣ, гдѣ временно проживалъ Гёте въ 1772 году. Впечатлѣніе, произведенное Вертеромъ, было громадно.

Вотъ какъ говоритъ о Вертерѣ Карлейль: „Невыразимое безпокойство духа, неясныя стремленія души, рвущейся на свободу, грустное, тоскливое недовольство, — таково было общее состояніе умовъ въ то время, таково было и состояніе Гёте и доходило у него почти до отчаянія. Всѣ переживали это состояніе духа, но выразить его могъ только одинъ Гёте... Вертеръ есть общее страданіе, выраженіе общей душевной боли: вотъ почему такъ громко и такъ дружно отозвались на него голоса и сердца всей Европы... Вертеръ сталъ плотью и кровью цѣлой ли-

*) Бельшовскій 151, 152.

**) Paul Stapfer. Etudes sur Goethe. Paris 1906, p. 18.

***) Тамъ же, p. 80.

тературной эпохи, породилъ цѣлое поколѣніе сантиментальныхъ писателей" *).

Если даже и теперь слогъ романа захватываетъ и потрясаетъ насъ до глубины сердца, то можно себѣ представить, какъ сильно было впечатлѣніе, когда Вертеръ появился впервые въ печати. „Буря, поднятая имъ, охватила огромное пространство и долго не могла улечься. Судьба Вертера вызывала потоки слезъ; старались думать и чувствовать, какъ онъ; чувствительные юноши переняли его костюмъ; — въ честь Вертера пѣли гимны, въ память его ставили урны; явились подражанія, драматическія передѣлки Вертера; изъ него сдѣлали поэму, которую распѣвали уличные пѣвцы, его обратили въ книгу для народа. И что всего замѣчательнѣе, это специфически нѣмецкое произведеніе съ необычайной быстротой проникло за предѣлы Германіи. Всего черезъ какихъ нибудь нѣсколько лѣтъ, оно уже съ тріумфомъ облетѣло всѣ образованныя страны міра" **). „Можно согласиться съ M-me de Staël, что Вертеръ причинилъ болѣе самоубійствъ, чѣмъ прекраснѣйшая женщина въ мірѣ" ***). „Романъ проникъ даже въ Китай, гдѣ образъ Вертера облекся въ фарфоръ" ****). Даже холодный Наполеонъ былъ увлеченъ чарующей силою этого романа и въ 1808 г., увидѣвшись съ Гёте въ Эрфуртѣ, говорилъ ему, что читалъ Вер-

*) Carlyle, Miscellanies, Vol. 1, p. 272. — Льюисъ 210.

**) Бельшовскій 172.

***) Шаховъ 66.

****) Льюисъ 211.

тера семь разъ, возя его съ собой во всѣхъ своихъ походахъ, вплоть до самыхъ пирамидъ, какъ нѣкогда Александръ Македонскій возилъ съ собой Гомера. Онъ прибавилъ къ этому остроумную критику, что слабая сторона творенія, это — смѣшеніе мотивовъ уязвленнаго честолюбія съ мотивами любовной страсти. Такое многократное изученіе Наполеономъ Вертера есть въ отношеніи исторіи культуры вѣское свидѣтельство о сильномъ дѣйствіи этого произведенія *).

„Только весьма немногіе отнеслись къ Вертеру сдержанно, холодно, или даже прямо враждебно: по большей части то были лица духовнаго званія, или практическіе люди, преслѣдовавшіе во всемъ полезныя цѣли; какъ тѣ, такъ и другіе боялись опасныхъ послѣдствій" **). Лессингъ, вполнѣ признавая красоты романа, тѣмъ не менѣе критически относился къ мотивамъ самоубійства и къ самому факту самоубійства. По его мнѣнію, „въ романѣ Гёте недоставало заключительной насмѣшки, которая должна была бы отрезвить чувствительнаго читателя и выставить героя романа сентиментальнымъ дуракомъ". Гёте и самъ иногда раскаивался въ томъ, что написалъ Вертера, который подобно „Новой Элоизѣ" Руссо способствовалъ распространенію крайняго сентиментализма ***).

„Все, что въ Страсбургѣ начинало только бродить

*) Шерръ 138.

**) Бельшовскій 171.

***) Шаховъ 66—68.

въ душѣ поэта, теперь получило полное выраженіе. Въ „Гётцѣ“ вылились бурные порывы и задоръ, одушевлявшіе молодое поколѣніе, въ „Вертерѣ“ — мечтательность, міровая скорбь и мягкая чувствительность. Всѣ безъ различія признали съ этого времени Гёте своимъ вожакомъ, глашатаемъ и апостоломъ. Гигантскими шагами достигла слава Гёте недосягаемой высоты“ *).

Знакомство съ герцогомъ Карломъ-Августомъ.

11-го декабря 1774 г.**) во Франкфуртъ прибыли проѣздомъ въ Парижъ наслѣдный принцъ Саксенъ-Веймарскій Карлъ-Августъ и его братъ принцъ Константинъ. Воспитатель послѣдняго, капитанъ фонъ-Кнебель, былъ въ свитѣ принцевъ. Большой любитель литературы, самъ пробовавшій свои силы на литературномъ поприщѣ, Кнебель въ тотъ же день въ сумерки вошелъ къ нашему поэту, чтобы засвидѣтельствовать свое уваженіе творцу „Гётца“ и „Вертера“ ***).

Вольфгангъ и капитанъ понравились другъ другу и первый охотно согласился представиться обоимъ принцамъ, изъявившимъ желаніе лично познакомиться съ нимъ. „Первое свиданіе съ будущимъ герцогомъ Карломъ-Августомъ рѣшило внѣшнее положеніе Гёте въ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ дало особый

*) Бельшовскій 173.

**) По письмамъ Кнебеля: 11-го февраля. Льюисъ 196.

***) Бельшовскій 183. — Шерръ 177.

ходъ и направленіе его генію". Принцы приняли Вольфганга съ большой непринужденностью. Гёте было не трудно расположить къ себѣ принцевъ; личность его произвела такое сильное и обаятельное впечатлѣніе особенно на умнаго и энергичнаго Карла-Августа, что у послѣдняго тотчасъ мелькнула и окрѣпла мысль привлечь къ себѣ „милаго человѣка". Наслѣдный принцъ путешествовалъ тогда, чтобы познакомиться съ принцессой Луизой Гессенъ-Дармштадтской*).

И поэту понравился молодой, веселый, молодцоватый, тоже ясно отмѣченный печатью генія принцъ, и потому Гёте охотно поддался быстро развившимся дружескимъ отношеніямъ. Онъ получилъ приглашеніе сопровождать принцевъ въ Майнцъ, гдѣ они собирались отдохнуть нѣсколько дней.

Старикъ Іоганнъ-Каспаръ, отецъ Гёте, какъ истый франкфуртецъ, державшій себя вдали отъ царственныхъ особъ, въ раздумьѣ покачивавшій головой, глядя на образующееся панибратство принца съ бюргеромъ, выразительно повторялъ свое увѣщаніе: „Дальше отъ Юпитера, дальше отъ молніи; чѣмъ ближе ко двору, тѣмъ ближе и въ адъ". Дѣло было все-таки улажено и Гёте принялъ приглашеніе. Эта маленькая подробность доказываетъ, между прочимъ, въ какой зависимости находился Гёте отъ отца, не-

---

*) Родная сестра первой супруги Цесаревича Павла Петровича в. кн. Наталіи Алексѣевны и маркграфини Амаліи Баденской, матери супруги Императора Александра I, Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

смотря на свои годы и на свою славу, и какъ велика была его сыновняя почтительность. Гёте послѣдовалъ за принцами и былъ снова ласково принятъ ими. Онъ и веймарскіе гости разстались, проникнутые глубокимъ уваженіемъ другъ къ другу.

Во время этой поѣздки Карлъ-Августъ дважды влюбился: во-первыхъ, въ принцессу Луизу и, во-вторыхъ, въ Гёте. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а именно въ сентябрѣ 1775 г., Карлъ-Августъ, теперь уже царствующій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, опять прибылъ во Франкфуртъ. Онъ взялъ съ Вольфганга обѣщаніе пріѣхать къ нему въ Веймаръ, какъ только самъ онъ вернется домой со своей молодой супругой. Это приглашеніе, какъ разъ въ тѣ дни, когда у Гёте произошелъ разрывъ съ сильно любимой имъ 17-лѣтней красавицей Лили Шёнманъ, съ которой поэтъ былъ помолвленъ, показалось ему вмѣшательствомъ высшей силы въ его судьбу.

12-го октября Карлъ-Августъ со своей молодой женой Луизой на возвратномъ пути въ Веймаръ снова проѣзжалъ черезъ Франкфуртъ. Онъ возобновилъ свое приглашеніе, прося Гёте быть готовымъ совершить черезъ нѣсколько дней путешествіе въ Веймаръ съ камеръ-юнкеромъ фонъ-Кальбомъ, который долженъ былъ прибыть съ новой коляской. Гёте все приготовилъ, но дни проходили за днями, а камеръ-юнкеръ не являлся и не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій. Такъ какъ Гёте уже со всѣми простился и не желалъ опять показываться въ свѣтѣ, то никуда не выходилъ изъ дому, предоставляя зна-

комымъ думать, что онъ уѣхалъ. Болѣе 8-ми дней просидѣлъ онъ въ этомъ добровольномъ заточеніи и все время безъ устали работалъ надъ „Эгмонтомъ". Подошелъ уже конецъ мѣсяца, а между тѣмъ г-на фонъ-Кальба все не было; отецъ торжествовалъ: онъ вѣдь всегда говорилъ, что со знатными господами не слѣдуетъ связываться*); онъ помнилъ исторію Вольтера съ Фридрихомъ Великимъ, и видѣлъ въ этой исторіи указаніе, что подобныя отношенія неизбѣжно кончаются или немилостью или рабской угодливостью**). Такъ какъ чемоданы были уже уложены, то по мнѣнію отца теперь было бы очень хорошо осуществить столько разъ отлагавшуюся поѣздку въ Италію. Вольфгангъ согласился на это предложеніе отца и 30-го октября выѣхалъ по направленію на югъ. Въ Гейдельбергѣ въ одну ночь рогъ почтальона пробудилъ Гёте: пришла эстафета и привезла изъ Франкфурта отъ г-на фонъ-Кальба письмо, въ которомъ онъ все разъяснялъ и убѣдительно просилъ Гёте вернуться назадъ и ѣхать съ нимъ въ Веймаръ. Какъ ни заманчиво рисовалась передъ Вольфгангомъ Италія, какой то тайный голосъ властно гналъ его на сѣверъ.

Отправляясь во Франкфуртъ и оттуда въ Веймаръ, Гёте думалъ ограничиться короткимъ визитомъ, а на дѣлѣ вышло, что онъ остался тамъ на 57 лѣтъ, т. е. на всю жизнь***).

---

*) Бельшовскій 185, 198, 199.

**) Льюисъ 256.

***) Бельшовскій 199, 200.

Пріѣздъ въ Веймаръ.

Во вторникъ, 7-го ноября 1775 г., передъ развѣтомъ пріѣхалъ двадцатишестилѣтній Гёте въ небольшой городокъ на берегахъ Ильма. Не предчувствовалъ этотъ городокъ, что принимаетъ гостя, который одаритъ его безсмертной славой германскихъ Аѳинъ.

Веймаръ — древній городъ на Ильмѣ, небольшой рѣчкѣ, которая беретъ начало въ Тюрингенскихъ лѣсахъ и впадаетъ въ Заалу у Іены. Городокъ красиво расположенъ въ долинѣ и на первый взглядъ походитъ скорѣе на село, окруженное лѣсомъ, чѣмъ на столицу, имѣющую свой дворъ со всей придворной обстановкой.

Сонную и жалкую жизнь вели въ XVIII вѣкѣ тѣ 6000 жителей, которые населяли Тюрингенскую столицу. Сюда не достигали волны общаго торговаго движенія. Почта ходила рѣдко и неправильно, такъ какъ городъ этотъ лежалъ въ сторонѣ отъ большой почтовой дороги, шедшей изъ Франкфурта на Лейпцигъ. Стѣна съ четырьмя воротами окружала сотню-другую маленькихъ домиковъ, среди которыхъ выдѣлялись церковь и ратуша и, кромѣ того, еще нѣсколько красивыхъ герцогскихъ зданій. Самое красивое изъ нихъ, дворецъ, сгорѣлъ полтора года передъ пріѣздомъ Гёте и теперь представлялъ собой груду пепла, что придавало еще болѣе грустный характеръ этому мѣсту. Герцогская чета жила въ Fürstenhaus, стоящемъ напротивъ дворца. Паркъ еще не существовалъ. На его мѣстѣ былъ Welsche

Garten, садъ въ Версальскомъ вкусѣ, съ обстриженными деревьями, съ четыреугольными грядами, каналами и мостиками. Налѣво отъ этого сада была поросль, — родоначальникъ теперешняго парка. Этотъ паркъ былъ преимущественно созданіемъ самого Гёте и игралъ весьма важную роль въ его жизни. По ночамъ на улицахъ было не безопасно, не потому, чтобъ было много грабителей, а потому, что на каждомъ шагу угрожала опасность сломить себѣ шею въ какой-нибудь ямѣ. Въ декретѣ, изданномъ въ Касселѣ въ 1775 г. встрѣчается такая статья: „Какъ только ночью ударятъ въ набатъ, каждый домохозяинъ обязанъ выставить зажженный фонарь, чтобъ народу было не темно идти по улицѣ" *). Въ этомъ отношеніи Кассель ничѣмъ не уступалъ Веймару.

„Саксенъ-Веймарское герцогство въ то время не имѣло ни торговли, ни фабрикъ, ни политической, ни даже теологической жизни. Припомнимъ, что эта часть Саксоніи была родиной и первымъ убѣжищемъ протестантизма. Всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Веймара на высокой горѣ надъ Эйзенахомъ стоитъ зàмокъ Вартбургъ, гдѣ Лютеръ скрывался подъ именемъ дворянина Георга, переводилъ Библію и бросалъ чернильницей въ чорта. До сихъ поръ еще на торговой площади Веймара цѣлы два дома, изъ оконъ которыхъ Тецель возвѣщалъ о своихъ индульгенціяхъ и потомъ Лютеръ громилъ эти индульгенціи своимъ огненнымъ краснорѣчіемъ. Памятники рели-

*) Biedermann, Deutschland im 18-ten Jahrhundert, I, p. 370.

гіозной борьбы еще цѣлы, но сама борьба давно уже замерла, огонь давно уже совершенно погасъ. Зубчатыя стѣны Вартбурга до сихъ поръ живописно возвышаются надъ прекрасной Тюрингенской долиной, до сихъ поръ тысячи путешественниковъ посѣщають комнату Лютера, но въ томъ же самомъ Вартбургскомъ замкѣ, кромѣ комнаты, гдѣ Лютеръ боролся съ чортомъ, показываютъ также посѣтителямъ пиршественную залу Миннезингеровъ, гдѣ происходили между ними состязанія, Sängerkrieg", знакомыя всѣмъ, видавшимъ „Тангейзера" Р. Вагнера. „Лютеранская теологія слабѣла въ умахъ по мѣрѣ того, какъ знаменитое чернильное пятно исчезало подъ перочиными ножами посѣтителей. Въ Веймарѣ, гдѣ нѣкогда проповѣдывалъ Лютеръ, явился другой проповѣдникъ, Гёте. Въ старинной церкви хранится портретъ Лютера, который писалъ другъ его Лука Кранахъ; портретъ этотъ пользуется большимъ уваженіемъ, но на одинъ портретъ Лютера найдется сотня портретовъ Гёте. Не Лютеръ, а Гёте царитъ здѣсь въ умахъ; не въ теологіи, а въ поэзіи слава Веймара" *).

„Гёте пріѣхалъ въ Веймаръ изъ большого и оживленнаго по тогдашнимъ условіямъ города, расположеннаго на большой судоходной рѣкѣ, въ которой гордо отражался его величавый соборъ; кругомъ широко раскинулись виноградники и фруктовые сады, обвѣянные болѣе теплымъ вѣтромъ, нежели въ го-

---

*) Льюисъ 259—264.

ристой Турингіи. И тѣмъ не менѣе, однако, этотъ Тюрингенскій уголокъ сдѣлался надолго безконечно дорогъ его сердцу. Все, что недоставало здѣсь, съ лихвой вознаграждалось для него его вліятельнымъ положеніемъ и тѣмъ избраннымъ кругомъ людей, который онъ нашелъ въ этомъ городкѣ. Умственная культура выражалась не столько въ великихъ произведеніяхъ ума, сколько въ благородной, свободной человѣчности, въ то время составлявшей вообще довольно рѣдкое явленіе въ Германіи, а при герцогскомъ дворѣ представлявшей почти единственный примѣръ" *).

Веймаръ являлся важнымъ литературнымъ центромъ Германіи того времени.

„Въ исторіи обыкновенно мы встрѣчаемся съ литературными центрами, которые совпадаютъ съ центрами политической и общественной жизни. Это естественный порядокъ вещей. Литературное движеніе можетъ успѣшно развиваться тамъ, гдѣ общественныя силы имѣютъ наибольшее значеніе, гдѣ сталкиваются различные общіе интересы, гдѣ сама жизнь представляетъ наибольшее разнообразіе въ своихъ отправленіяхъ, наибольшее богатство въ своихъ формахъ. Возникновеніе литературныхъ произведеній подчиняется закону спроса и предложенія. Тамъ, гдѣ сосредоточиваются силы націй и кипятъ ихъ культурные элементы, тамъ находитъ и поэтъ матеріалы, необходимые для своихъ созданій и вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Бельшовскій 218.

потребителей для своего товара, публику, которая нарасхватъ разбираетъ провизію литературнаго рынка. Такова была роль Аѳинъ въ V вѣкѣ до Р. X., роль Рима во времена Августа, роль Парижа для Франціи въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ.— Въ Германіи конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка замѣчается явленіе довольно своеобразное въ литературныхъ лѣтописяхъ. Она не только не имѣла политической жизни, но и вообще лишена была политическаго центра, развитой общественной жизни и сложныхъ общественныхъ интересовъ. Мы встрѣчаемся съ развитіемъ искусственныхъ литературныхъ очаговъ подъ покровительствомъ отдѣльныхъ дворовъ и не имѣющихъ тѣсныхъ связей съ жизнью всей націи потому именно, что сама нація была разобщена, раздроблена на мелкія политическія тѣла.

„Такимъ искусственнымъ литературнымъ очагомъ былъ Веймаръ. Сюда притекали въ изобиліи литературныя силы того времени, привлекаемыя литературнымъ дилетантизмомъ двора. Въ небольшомъ городкѣ, не имѣвшемъ ни политической жизни, ни торговли, ни даже университета, столпились великіе таланты того времени; въ этомъ городкѣ, все, что представляло какой либо интересъ,— былъ дворъ. Вѣрно замѣтила парижанка madame de Staël: „Веймаръ не маленькій городъ, а большой замокъ“ “ *).

*) Шаховъ 88, 89.

Веймарскій дворъ.

Во главѣ Веймарскаго двора съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка стояла вдовствующая герцогиня Анна-Амалія. „Гёте сказалъ про нее, что она „превосходная государыня съ вполнѣ человѣческимъ образомъ мыслей". Въ томъ же родѣ отозвался о ней и Виландъ; по его словамъ, она представляла собою самое восхитительное соединеніе человѣчности, женственности и царственности. Когда Гёте пріѣхалъ въ Веймаръ, этой превосходной государынѣ было всего 36 лѣтъ, но она имѣла за собой серьезное и богатое прошлое. По рожденію она была брауншвейгская принцесса и доводилась племянницей Фридриху Великому, на котораго была похожа, какъ двѣ капли воды. Едва только ей пошелъ 17-й годъ, какъ ее выдали замужъ. Въ мужья ей выбрали болѣзненнаго, 18-лѣтняго герцога Константина Саксенъ-Веймарскаго. Послѣ двухлѣтняго замужества она схоронила его. По смерти мужа, несмотря на молодость, ей пришлось принять бразды правленія, и притомъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ: страна была въ крайне бѣдственномъ положеніи и все еще не могла оправиться отъ тяжелыхъ послѣдствій небрежнаго управленія во времена несовершеннолѣтія покойнаго герцога Константина, равно какъ и отъ семилѣтней войны. Вскорѣ энергія Анны-Амаліи получила новый толчекъ: слава ея брауншвейгскихъ родственниковъ, побѣдоносныхъ полководцевъ Фридриха, зажгла и въ ней благородное честолюбіе: воинскіе лавры были недоступны для

нея, но зато съ тѣмъ большимъ рвеніемъ стала она добиваться ихъ на мирномъ поприщѣ. Стараясь ввести порядокъ и благосостояніе въ своемъ герцогствѣ, она въ то-же время открыла доступъ болѣе тонкой культурѣ. Эта женщина, выросшая при чопорномъ церемонномъ брауншвейгскомъ дворѣ, воспитанная въ итальянско-французской атмосферѣ, сдѣлалась рѣшительной поклонницей и покровительницей нѣмецкой литературы, несмотря на то, что до конца жизни чаще и свободнѣе писала по французски, чѣмъ по нѣмецки.

„Ея стремленіе возвысить умственную жизнь страны стало проявляться тотчасъ же по окончаніи войны, и вообще съ этого времени ея изящное вліяніе, ея любовь къ искусству стали все болѣе и болѣе отражаться на состояніи герцогства. Она подняла іенскій университетъ. Для герцогской библіотеки она устроила въ Веймарѣ прекрасное помѣщеніе и открыла ее для всеобщаго пользованія. Въ музыкальномъ отношеніи она тоже много сдѣлала: она постоянно приглашала крупные таланты и заставляла исполнять хорошую музыку и такимъ образомъ настолько возвысила музыкальное образованіе, что возвела его съ низкаго уровня механическаго ремесла на художественную высоту“ *). „Ежегодно собирались въ Вартбургѣ члены знаменитой музыкальной семьи Баховъ, которая бѣжала изъ Венгріи въ первое время реформаціи, поселилась въ Саксоніи и дала міру, кромѣ

*) Бельшовскій 218—220.

великаго Себастьяна Баха, много замѣчательныхъ музыкантовъ. Семья эта была слишкомъ многочисленна, чтобы жить вмѣстѣ въ одномъ городѣ, и поэтому между членами ея было условлено собираться ежегодно въ Вартбургѣ. Этотъ обычай, существовавшій до самаго конца XVIII вѣка, не только представлялъ странное зрѣлище семьи, состоявшей не менѣе чѣмъ изъ ста двадцати музыкантовъ, но и служилъ поводомъ къ небывалымъ до того времени музыкальнымъ празднествамъ. Празднества эти начинались религіозными гимнами, которые пѣлись хоромъ; потомъ артисты избирали темой какую нибудь народную пѣсню и импровизировали на нее варіаціи. Эти импровизаціи назывались Quolibets. Многіе писатели считаютъ ихъ родоначальницами нѣмецкой оперы“ *).

Рука объ руку съ покровительствомъ музыкѣ шли заботы Анны-Амаліи о театрѣ. „Это стоило ей не малыхъ жертвъ, но, какъ писалъ Виландъ въ 1773 г., она держалась того убѣжденія, „что хорошо устроенный театръ въ значительной степени облагораживаетъ и способствуетъ незамѣтному улучшенію понятій, образа мыслей, вкуса и нравовъ народа. Такимъ образомъ Веймаръ пользуется преимуществомъ, которымъ не можетъ похвалиться ни одинъ городъ въ Германіи, а именно: онъ имѣетъ театръ, открытый три раза въ недѣлю для всѣхъ рѣшительно безвозмездно“.

---

*) Льюисъ 263.

„Виландъ былъ тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ герцогиня основала гегемонію Веймара въ цвѣтущее время нѣмецкой литературы. Она познакомилась съ нимъ и прочла его дидактическій романъ „Золотое зеркало“, въ которомъ онъ трактовалъ о воспитаніи князей и о государственномъ устройствѣ. Несмотря на то, что Виландъ въ этомъ романѣ развивалъ весьма свободные взгляды на придворную жизнь, на обязанности государя и на отношенія между государемъ и народомъ, или, вѣрнѣе, именно въ силу этихъ свободныхъ взглядовъ онъ показался ей желательнымъ воспитателемъ для ея двухъ сыновей, уже знакомыхъ намъ Карла-Августа и Константина, и она съ неутомимой энергіей устранила всѣ препятствія къ занятію имъ этой должности. Переселеніе его въ Веймаръ состоялось въ 1772 году. Какъ воспитатель, Виландъ не оправдалъ ожиданій герцогини, но въ его поэзіи она находила больше удовольствія, чѣмъ даже въ болѣе серьезныхъ и глубокихъ твореніяхъ Гёте и Шиллера, и до самой своей смерти (1807) поддерживала съ Виландомъ тѣснѣйшую умственную связь, доходившую до совмѣстныхъ занятій греческой литературой, какъ напр. чтеніе комедій Аристофана.

„Черезъ два года послѣ того, какъ Виландъ переѣхалъ въ Веймаръ, Анна-Амалія сдѣлала новое пріобрѣтеніе для своего двора. Принцъ Константинъ хотѣлъ посвятить себя военной службѣ. Чтобы подготовить его къ этому нуженъ былъ образованный офицеръ; выборъ палъ на прослужившаго 10 лѣтъ

въ прусской гвардіи въ Потсдамѣ поручика Карла-Людвига фонъ Кнебеля, уже упомянутаго нами выше. Ни служба, ни обычныя офицерскія страсти не удовлетворяли его. Этотъ высокій стройный гвардейскій поручикъ былъ одаренъ кроткой, вдумчивой душой и съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ поэзіи. Возвращаясь въ свою комнату съ плаца послѣ ученья или изъ караула, онъ садился переводить что нибудь изъ Горація или изъ Виргилія, сочинялъ самъ нѣмецкіе, а иногда и латинскіе оды, гимны и элегіи. Въ лицѣ его веймарское общество пріобрѣло одного изъ своихъ достойнѣйшихъ членовъ; его прозвали „угрюмый мудрецъ"; однако при всей своей сосредоточенности, онъ никогда не портилъ удовольствія другимъ, отличался тихимъ и миролюбивымъ характеромъ и полнымъ отсутствіемъ тщеславія и честолюбія, несмотря на то, что былъ близкимъ другомъ самыхъ выдающихся и могущественныхъ людей. Насколько душа его была свободна отъ всякихъ привычныхъ, предвзятыхъ взглядовъ и открыта всему новому, если только оно было прекрасно, лучше всего высказалось въ его отношеніи къ Гёте. Когда появились „Гётцъ" и „Вертеръ", Кнебель съ энтузіазмомъ обратился къ ихъ автору и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы завязать съ нимъ болѣе тѣсныя отношенія" *).

Въ Аннѣ-Амаліи, такъ хорошо умѣвшей выбирать и цѣнить людей съ дарованіемъ, не бѣдно ода-

*) Бельшовскій 220—222.

ренный умъ и образованность соединялись съ причудливостью, суетностью и страстью къ удовольствіямъ. Веселая, такъ хорошо управлявшая своимъ герцогствомъ, она мало заботилась о соблюденіи внѣшнихъ формальностей, соотвѣтствующихъ ея сану. Вотъ, что говоритъ о ней между прочимъ одинъ неизвѣстный путешественникъ: „Она небольшого роста, недурна собой,—умное выраженіе лица, красивыя руки и ноги, походка легкая и вмѣстѣ величественная; говоритъ хорошо, но скоро; вообще въ ней много пріятнаго и привлекательнаго.... Въ этотъ вечеръ былъ публичный маскарадъ въ ратушѣ. Дворъ пріѣхалъ въ 8 часовъ. Герцогиня была великолѣпна en domino и блестѣла брилліантами. Она хорошо танцуетъ, легко и граціозно. Молодые принцы, одѣтые Зефиромъ и Амуромъ, танцовали также очень хорошо. Была тутъ и банковая игра. Меньшая ставка — полгульдена. Герцогиня не ставила меньше полулуидора, играла очень бойко и проиграла нѣсколько луидоровъ. Впрочемъ она занималась игрой не долго и весьма охотно танцовала съ каждой подходившей къ ней маской. Она оставалась въ маскарадѣ до 3-хъ часовъ, когда почти всѣ разъѣхались“ *).

„Виландъ разсказываетъ, что Анна-Амалія по временамъ вела совершенно „студенческій образъ жизни“, особенно когда жила въ Бельведерѣ, загородномъ дворцѣ близъ Веймара, гдѣ въ лунные вечера нерѣдко раздавались по саду студенческія пѣсни, не

*) Vehse, Geschichte der deutschen Höfe, т. XXVIII, стр. 60.

всегда вполнѣ скромныя. Однажды она отправилась изъ Тифурта, другого лѣтняго зa̍мка, на простой телѣгѣ въ сопровожденіи семи своихъ друзей; на дорогѣ ее настигла гроза. Герцогиня нисколько не задумавшись, надѣла на себя зеленый кафтанъ Виланда и въ такомъ костюмѣ отправилась далѣе.

„Ея письма, въ особенности письма къ матери Гёте, отличаются большимъ чистосердечіемъ и совершенно чужды всякаго формализма. „Liebe Frau Aja!“ — пишетъ она въ одномъ письмѣ, — „трудно выразить, какую радость доставило мнѣ ваше письмо, и я не стану описывать Вамъ моей радости, потому что истинныя чувства слишкомъ священны, чтобъ ихъ можно было изобразить на бумагѣ. Вы знаете, liebe Mutter, какъ вы мнѣ дороги, — вы поймете, какъ безконечно радостно было мнѣ знать, что вы меня помните“ “ *).

3-го сентября 1775 года, значитъ за два мѣсяца до прибытія Гёте въ Веймаръ, Анна-Амалія передала бразды правленія своему сыну Карлу-Августу. „Послѣ Фридриха II Прусскаго, онъ былъ безспорно самой крупной личностью между государями Германіи. Гёте говоритъ, что Карлъ-Августъ былъ рожденъ великимъ человѣкомъ, а Виландъ нашелъ, что въ этомъ юношѣ соединены всѣ качества, изъ которыхъ судьба создаетъ великихъ людей. Карлъ-Августъ явился блестящимъ преемникомъ своей матери и продолжалъ начатое ею дѣло. Большую услугу

*) Льюисъ 277—278.

оказало ему его всестороннее образованіе, пріобрѣтенное имъ не изъ показного тщеславія, а изъ глубокой внутренней потребности. Все, что дѣлается только на показъ, было ему противно. Онъ хотѣлъ казаться только тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, даже подобно Гёте, находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы казаться меньше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

„Во всемъ, чѣмъ я былъ занятъ, онъ принималъ серьезное участіе“, говоритъ Гёте. Этимъ опредѣляется отношеніе герцога къ поэзіи, къ искусству и естественнымъ наукамъ. Его познанія по естествовѣдѣнію съ теченіемъ времени сдѣлались такъ основательны и обширны, что привели въ изумленіе такого человѣка, какъ Александръ фонъ Гумбольдтъ. О его любви къ искусству можно уже судить по его страсти собирать художественныя произведенія и по той щедрой помощи, которую онъ оказывалъ художникамъ.

„Само собой разумѣется, что сочиненія Гёте Карлъ-Августъ ставилъ чрезвычайно высоко. Чтеніе „Гётца фонъ Берлихингена“ побудило его при проѣздѣ черезъ Франкфуртъ познакомиться, какъ мы уже видѣли, съ авторомъ этого произведенія. Но какъ ни велико было его восхищеніе, оно не лишало герцога способности критически оцѣнивать ихъ. Его сужденія были всегда самостоятельны и нерѣдко весьма рѣзки, какъ напр. по отношенію „Эгмонта“. Его глубокая и цѣльная натура сказывалась между прочимъ и въ томъ, что въ поэзіи, какъ и во всемъ осталь-

номъ, онъ болѣе всего цѣнилъ внутреннее содержаніе, и что произведенія, въ которыхъ онъ замѣчалъ стремленіе къ внѣшнему эффекту, вызывало съ его стороны рѣшительное осужденіе. Вотъ почему онъ, напримѣръ, неодобрительно, хотя и несправедливо, отзывался о „Мессинской Невѣстѣ" Шиллера.

„Свою оцѣнку онъ распространялъ даже на различныя стилистическія и ритмическія тонкости.

„Если бы на основаніи этихъ данныхъ читатель составилъ себѣ представленіе о Карлѣ-Августѣ, какъ о нѣжно сотканной натурѣ, витающей только въ идеальныхъ сферахъ, то онъ впалъ бы въ большое заблужденіе. Напротивъ, это былъ прежде всего человѣкъ горячій, порывистый, чувственный, охотникъ и солдатъ въ душѣ. Съ годами эти буйныя проявленія улеглись, но порывистость и непосредственность онъ сохранилъ до конца жизни, и даже въ старости, когда онъ бывалъ въ тѣсномъ кругу, въ немъ проглядывало что-то юношески-школьническое и удалое. Эта черта выражалась особенно ярко въ томъ удовольствіи, какое доставляла ему всякая шутка, причемъ обыкновенно онъ отдавалъ предпочтеніе шуткамъ грубымъ. Никогда еще въ одномъ человѣкѣ не уживались двѣ столь противоположныя души; одна изъ нихъ находила наслажденіе въ самомъ низкомъ, другая же уносилась въ самыя высшія сферы человѣческаго духа. Отъ самой плоской шутки, самой веселой забавы, самой бѣшеной скачки, самой шумной суеты онъ могъ сразу переходить къ самымъ глубокимъ, серьезнымъ, тонкимъ ощущеніямъ и мыслямъ.

„Какъ натура непосредственная, онъ любилъ все простое, первобытное. Когда онъ вступилъ на престолъ, дворецъ представлялъ собой груду пепла. Но прошло цѣлыхъ 15 лѣтъ, прежде чѣмъ онъ подумалъ выстроить новый, и все это время довольствовался весьма скудно обставленнымъ Fürstenhaus. Часто даже и эта скромная обстановка казалась ему слишкомъ изысканной, и тогда онъ переѣзжалъ на нѣсколько дней или недѣль въ маленькую деревянную избушку, выстроенную въ паркѣ; на нашъ взглядъ она годилась бы развѣ только для того, чтобы прятать въ нее садовые инструменты.

„Какъ вѣрный сынъ своей матери и какъ послѣдователь Руссо и Гёте, онъ хотѣлъ быть не государемъ, а человѣкомъ. Не даромъ, когда въ 1817 году онъ посѣтилъ Миланъ, то жители этого города отчеканили въ честь его медаль съ надписью: Il principe uomo. Какъ въ своей частной жизни, такъ и во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, онъ всегда придерживался чисто человѣческой точки зрѣнія и въ этомъ отношеніи стоялъ неизмѣримо выше своихъ чиновниковъ и своихъ подданныхъ, для которыхъ существовали только общепринятые, шаблонные взгляды“ *). „Его суровый, повелительный тонъ нерѣдко былъ оскорбителенъ для его друзей, но не отчуждалъ ихъ отъ него. Часто своимъ поведеніемъ огорчалъ онъ своихъ почитателей, но при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ былъ прямой, хорошій человѣкъ. Умъ у

---

*) Бельшовскій 229—233.

него былъ живой. Сужденія его о людяхъ и вещахъ были здравы и смѣлы. Когда шелъ вопросъ о назначеніи Фихте профессоромъ въ Іену, одинъ изъ противниковъ этого назначенія представилъ Карлу-Августу какое-то сочиненіе Фихте, которое считалъ достаточнымъ доказательствомъ, что подобному человѣку нельзя поручить каѳедру. Герцогъ прочелъ сочиненіе и назначилъ Фихте профессоромъ" *).

Карлъ-Августъ „создалъ изъ Веймара культурный центръ, изъ котораго распространялись лучи свѣта и тепла на всю Германію; по своему умственному значенію Веймаръ стоялъ выше Берлина и Вѣны и въ силу этого могъ даже считаться истинной столицей Германіи".

Мы уже знаемъ, что супругой Карла-Августа была родная сестра первой супруги Цесаревича Павла Петровича, герцогиня Луиза. „Тихая и кроткая, она плохо подходила къ веймарскому двору и была совершенно заслонена мужественною, подвижною, блещущею умомъ свекровью.

„Нѣжная душа Луизы слишкомъ принимала все къ сердцу. Всякое маленькое невниманіе, всякая мелкая непріятность разстраивали ее и заставляли глубже уходить въ себя. Эта воспріимчивость и замкнутость сдѣлали то, что она не имѣла при дворѣ ни одного близкаго друга, несмотря не всеобщее уваженіе, которое возбуждали благородныя качества ея души. Даже Гёте, преисполненный самой восторжен-

---

*) Льюисъ 284.

ной любви и преданности къ молодой герцогинѣ, постепенно охладѣлъ къ ней, благодаря этой злополучной особенности ея характера. Еще болѣе оттолкнула она этимъ отъ себя своего живого, впечатлительнаго мужа, благодаря чему бракъ ихъ очень скоро прiобрѣлъ весьма печальный характеръ“ *). „Въ первые годы супружества нерѣдко дѣлала она сцены своему мужу, но въ теченiе всей жизни обнаруживала къ нему самое чистое и высокое чувство дружбы“ **). „По мѣткому выраженiю Кнебеля „она сiяла, какъ потухшая звѣзда“. Только въ критическiя минуты ярко вспыхивала эта звѣзда, и тутъ проявлялось все ея геройское величiе. Когда разразилась надъ страною катастрофа 1806 года, Луиза своимъ вмѣшательствомъ, полнымъ твердости и величественнаго достоинства, спасла Веймаръ отъ разрушенiя, а герцогскiй домъ отъ уничтоженiя.

„Вотъ женщина, которую даже наши пушки не въ состоянiи были испугать“, сказалъ про нее Наполеонъ.

„Ближе всѣхъ была къ ней Шарлотта фонъ Штейнъ, жена оберъ-шталмейстера, во многихъ отношенiяхъ похожая на герцогиню Луизу“. О г-жѣ фонъ Штейнъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Рядомъ съ герцогиней Луизой и г-жой фонъ Штейнъ, представлявшихъ собой при веймарскомъ

---

*) Бельшовскiй 226—234.

**) Льюисъ 281.

дворѣ наиболѣе степенныя женскія фигуры, надо назвать, какъ полную имъ противоположность, веселую и насмѣшливую придворную даму герцогини Амаліи, Луизу фонъ Гёхгаузенъ, которой въ насмѣшку дали прозвище „Туснельда". „Это была маленькая, горбатая, умная женщина, одаренная большою глубиною мысли и вкусомъ. „Полна геніальности, но ничего не могу сдѣлать!" говорила она про себя, шутя. Ея интересу къ поэзіи и поклоненію Гёте мы обязаны тѣмъ, что до насъ дошелъ первоначальный набросокъ „Фауста" (Urfaust); это ей во вѣкъ не забудется".

Введемъ сюда и жену камергера баронессу Эмилію фонъ Вертернъ-Бейхлингенъ, пылкую и очень красивую, не имѣвшую недостатка въ поклонникахъ, а также прекрасную графиню Жаннету-Луизу фонъ Вертернъ изъ Нейнгейлигена. „Рожденная баронесса фонъ Штейнъ, сестра преобразователя Пруссіи, аристократка въ полномъ смыслѣ, чрезвычайно изящная, отзывчивая — это была та женщина, которая заставила Гёте понять, что значитъ быть свѣтскимъ. Ея портретъ въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ", — „графиня", носитъ удивительно нѣжныя черты".

Еще одна красавица явилась въ Веймарѣ по настоянію самого Гёте черезъ годъ послѣ того, какъ онъ туда переѣхалъ; то была пѣвица и актриса Корона Шрётеръ. „Еще со временъ своего студенчества въ Лейпцигѣ онъ хранилъ о ней восторженное воспоминаніе и употребилъ все свое вліяніе, чтобы убѣдить Карла-Августа пригласить ее въ Веймаръ въ

качествѣ придворной пѣвицы. Это была чудная красота въ древнегреческомъ стилѣ. Она заставила биться много мужскихъ сердецъ, и въ сердцѣ Гёте занимала въ продолженіе многихъ лѣтъ привиллегированное мѣсто послѣ г-жи фонъ Штейнъ".

Перейдемъ къ мужскому обществу. Тутъ первымъ слѣдуетъ назвать высшаго сановника въ годы правленія герцогини Амаліи, самаго вѣрнаго и неоцѣненнаго ея помощника, министра фонъ Фритша. Онъ отнюдь не принадлежалъ къ тому типу людей, которые умѣютъ ладить съ государями. Гёте, которому суждено было вступить съ нимъ въ тѣсныя сношенія по службѣ, говоритъ, что въ манерахъ Фритша не было ничего распологающаго къ нему, и что онъ былъ на видъ человѣкъ черствый и чопорный. Гёте съ умысломъ прибавляетъ „на видъ", потому что на самомъ дѣлѣ у Фритша было очень мягкое сердце, и онъ часто доказывалъ это на дѣлѣ.

„Болѣе веселую личность представлялъ собой при веймарскомъ дворѣ Гильдебрандъ фонъ Эйнзидель, заслужившій своимъ необыкновеннымъ добродушіемъ прозвище „l'ami". Въ обществѣ онъ былъ незамѣнимъ" *). Бывшій придворный пажъ, а съ 1776 г. камергеръ герцогини, Эйнзидель былъ веселый, беззаботный эпикуреецъ. Его оригинальныя выходки служили постоянной пищей для разговоровъ. Онъ былъ немножко поэтъ и немножко музыкантъ, большой охотникъ до удовольствій и большой мастеръ ихъ

*) Бельшовскій 223—228.

изобрѣтать. Его имя встрѣчается на каждой страницѣ веймарской хроники того времени.

Секендорфъ, какъ и Эйнзидель, былъ также камергеръ, поэтъ и музыкантъ. Годъ спустя по пріѣздѣ Гёте въ Веймаръ, онъ перевелъ „Вертера" на французскій языкъ" *). Въ „Ильменау" Гёте изобразилъ его, какъ живого.

Въ близкихъ отношеніяхъ со дворомъ состояли еще Музеусъ и Бертухъ.

Музеусъ былъ сначала гувернеромъ пажей, а затѣмъ учителемъ гимназіи. Его можно было ежедневно видѣть на спокойныхъ улицахъ Веймара съ чашкой кофе въ одной рукѣ и съ садовыми орудіями въ другой. Часто также видали его бесѣдующимъ съ однимъ отставнымъ барабанщикомъ, котораго онъ угощалъ вдохновительнымъ шнапсомъ, и тотъ ему раскрывалъ свой богатый запасъ легендъ и народныхъ повѣрій. Благодаря „Народнымъ нѣмецкимъ сказкамъ" имя Музеуса извѣстно и до сихъ поръ.

Бертухъ представлялъ рѣдкое соединеніе учености, поэтическаго таланта и торговой смѣтливости. Въ 1775—1779 гг. онъ перевелъ „Донъ Кихота". Все время, пока онъ занималъ свою должность при дворѣ въ качествѣ личнаго секретаря герцога, дѣятельность его не знала границъ, онъ всюду поспѣвалъ, и не было человѣка, которому не пришлось бы обратиться къ его помощи **).

---

*) Les souffrances du jeune Werther, par le B. S. Erlangen. 1776. — Льюисъ 279, 280.

**) Бельшовскій 225. — Льюисъ 280, 281.

Если теперь окинуть взглядомъ вереницу описанныхъ лицъ, соединявшихъ въ себѣ столько талантовъ, энергіи, образованія, нравственныхъ качествъ и красоты, и вспомнить, что этотъ кругъ постоянно пополнялся пріѣзжими выдающимися людьми, которые наперерывъ стремились въ Веймаръ, то станетъ понятно, почему Гёте съ радостью промѣнялъ Франкфуртъ на столицу Тюрингіи. „Въ большомъ Франкфуртѣ Гёте считалъ сторонниковъ своихъ идей и поклонниковъ своей поэзіи единицами; здѣсь же, въ маленькомъ Веймарѣ, они образовали вокругъ него густую толпу, благоговѣйную общину, страстную партію“ *).

Первые годы Гёте въ Веймарѣ.

Пріѣхавъ въ Веймаръ, поэтъ первоначально остановился въ домѣ фонъ-Кальба. Успѣхъ Гёте при дворѣ можно сравнить — по словамъ Кнебеля — съ восхожденіемъ звѣзды. Во всякомъ случаѣ это было культурно-историческое событіе, что въ придворный нѣмецкій кружокъ явился молодой представитель періода бури и натиска въ своемъ вертеровскомъ нарядѣ — синемъ фракѣ съ мѣдными пуговицами, желтомъ канифасовомъ жилетѣ, въ бѣлыхъ кожанныхъ брюкахъ и въ сапогахъ съ темножелтыми отворотами. Владѣтельный нѣмецкій герцогъ на ты съ сыномъ франкфуртскаго бюргера; это было просто неслыханно **).

*) Бельшовскій 234, 235.

**) Шерръ 193, 194.

„Съ сегодняшняго утра душа моя такъ же переполнена Гёте, какъ капля росы блескомъ утренняго солнца“. Такъ писалъ черезъ три дня послѣ прибытія поэта Виландъ. Его восторгъ не зналъ границъ, онъ чувствовалъ потребность возвѣстить міру въ диѳирамбическихъ стихахъ о появленіи удивительной звѣзды на веймарскомъ горизонтѣ: „Сверкая черными глазами, волшебно чарующими глазами, полными божественныхъ взглядовъ, явился онъ межъ нами, великолѣпный и свѣтлый, истинный царь духа!“ *) — „Гёте играетъ большую роль въ Веймарѣ“, — пишетъ Меркъ, — „но онъ живетъ при дворѣ совершенно на свой манеръ. Что бы ни говорили, а герцогъ хорошій человѣкъ, и въ его обществѣ Гёте сдѣлается конечно еще лучше... Между герцогомъ и Гёте очень короткія отношенія, но что же въ этомъ дурного! Будь Гёте дворянинъ, всѣ бы нашли, что это въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Гёте — душа всего, всему даетъ тонъ, всѣ довольны имъ, такъ какъ онъ многимъ дѣлаетъ добро и никому не дѣлаетъ зла. Кто можетъ противостоять безкорыстію этого человѣка?“ **)

„Началось пестрое, подвижное, разнузданное существованіе. Попойки, игра въ карты и въ кости, танцевальные вечера въ замкахъ и деревенскихъ усадьбахъ, скачки, охоты въ горахъ, катанье въ саняхъ, катанье на конькахъ, маскарады, пикники, спектакли,

*) Бельшовскій 236.

**) Льюисъ 310, 311.

волокитство наполняли жизнь и поддерживали веселое возбужденіе. Сверхъ того придумывались еще разныя экстренныя забавы, выходившія изъ ряда вонъ" *). „Однажды вечеромъ фрейлина Гёхгаузенъ, по обыкновенію, поднималась по лѣстницѣ, ведшей къ ея спальнѣ, какъ вдругъ у ней погасла свѣча. Она продолжала идти далѣе, благополучно достигла коридора, куда выходила дверь изъ ея спальни, и стала ощупью искать дверь. Всѣ ея старанія были тщетны. Долго шарила она рукой по стѣнѣ, отыскивая замокъ двери; но къ крайнему ея изумленію, двери нигдѣ не оказывалось: Карлъ-Августъ и Гёте сняли двери ея спальни и задѣлали стѣну!" **)

Поэтъ Глеймъ, которому хотѣлось познакомиться съ Гёте, разсказываетъ, что онъ пріѣхалъ въ Веймаръ вскорѣ послѣ изданія „Вертера". Приглашенный къ вдовствующей герцогинѣ Аннѣ-Амаліи, старикъ Глеймъ читалъ вслухъ у нея на вечерѣ отрывки изъ послѣдней книжки Гёттингенскаго „Musen Almanach". Во время чтенія вдругъ вошелъ молодой человѣкъ, въ сапогахъ со шпорами, въ короткой небрежно застегнутой зеленой охотничьей курткѣ. Онъ сѣлъ напротивъ Глейма, который замѣтилъ блестящіе черные итальянскіе глаза незнакомца. Въ чтеніи вышелъ небольшой перерывъ; красивый молодой охотникъ поднялся со стула и, поклонившись съ самой пріятной и вѣжливой улыбкой, предложилъ Глейму для

*) Бельшовскій 238.
**) Льюисъ 279.

облегченія читать попеременно съ нимъ. Старикъ подалъ ему книгу. Прочтя несколько стихотвореній изъ альманаха, незнакомецъ принялся импровизировать; гекзаметры, ямбы, неуклюжія вирши полились бурнымъ потокомъ. Охотникъ сумѣлъ подтрунить такъ или иначе надъ каждымъ изъ гостей. Похваливъ и самого Глейма, онъ въ сказанной экспромптомъ баснѣ въ стихахъ остроумно сравнилъ стараго поэта съ достойной и терпѣливой индѣйкой, которая сидитъ на огромной кучѣ яицъ собственныхъ и чужихъ и высиживаетъ цыплятъ, но которой иногда случается сидѣть на каменномъ яйцѣ, подложенномъ въ шутку вмѣсто настоящаго, чѣмъ она впрочемъ нисколько не обижается. „Это или Гёте, или самъ чортъ!" сказалъ Глеймъ Виланду. — „И тотъ, и другой", отвѣтилъ Виландъ *).

Анна-Амалія, хотя и предубѣжденная противъ Гёте и имѣвшая причины на него гнѣваться за вышедшую годомъ ранѣе злую сатиру на ея друга Виланда „Götter, Helden und Wieland", тѣмъ не менѣе не могла устоять противъ обаянія личности геніальнаго поэта. Ее очаровывали и дикія выходки, и блестящіе таланты Гёте. Бывало, поразивши ее какимъ нибудь парадоксомъ, онъ вслѣдъ за тѣмъ вскакивалъ со стула и принимался кружиться по комнатѣ съ такими ужимками, что герцогиня помирала со смѣху. Она, покланявшаяся всему, что носило печать генія, не могла не оцѣнить Вольфганга и охотно про-

*) Mézières 231. — Думшинъ 168—170.

щала ему его дурачества, угадавъ его духовное величіе.

Виландъ, еще въ 1774 г. весьма великодушно отнесся къ написанной на него сатирѣ Гёте и даже указывалъ печатно на ея достоинства, и теперь былъ сразу побѣжденъ Вольфгангомъ. „Гёте никогда не уѣдетъ отсюда“, — пишетъ Виландъ, — Карлъ-Августъ безъ него не можетъ никуда — ни въ бродъ, ни въ воду. Дворъ, или, правильнѣе сказать, дружба съ герцогомъ беретъ у него много времени, о чемъ нельзя не пожалѣть. Впрочемъ у этого необыкновеннаго богоподобнаго созданія все идетъ въ прокъ“.

Меркъ былъ не правъ, когда писалъ, что Вольфгангомъ „всѣ довольны“. Меркъ, знавшій Гёте уже не первый годъ и вполнѣ уяснившій себѣ его геніальную натуру, не тревожился за буйныя проявленія его кипучей молодости, предвидѣлъ, что со временемъ эти излишества отпадутъ и придавалъ свою спокойную вѣру въ Гёте и другимъ. Но эти другіе судили и строже, и болѣе близоруко. Поведеніе Гёте и, въ особенности, герцога служило соблазномъ веймарскому обществу. Слухи о ихъ проказахъ проникли и за предѣлы веймарскаго герцогства. Поэтъ Клопштокъ, ссылаясь на свою дружбу къ Гёте, написалъ ему письмо. Вотъ нѣсколько словъ, взятыхъ изъ него: „Не подумайте, что я намѣренъ читать вамъ наставленія относительно вашего поведенія и образа жизни. Не подумайте также, чтобъ я строго осуждалъ васъ“. Но въ этомъ письмѣ именно и были и наставленіе, и

осужденіе. Гёте отвѣчалъ только спустя двѣ недѣли, 21-го мая 1776 г.: „Избавьте насъ на будущее время отъ подобныхъ писемъ, любезный Клопштокъ. Подобныя письма не исправятъ, а только заставятъ насъ провести нѣсколько дурныхъ часовъ. Вы сами должны чувствовать, что мнѣ нечего отвѣчать на ваше письмо. Я долженъ или, какъ школьникъ, затянуть pater peccavi, или прибѣгнуть къ софизмамъ для своего оправданія, или защищаться отъ обвиненій... Итакъ довольно объ этомъ. Повѣрьте, мнѣ бы не осталось ни одной свободной минуты, если-бъ я сталъ отвѣчать на всѣ подобныя письма...“

Клопштокъ обидѣлся, возразилъ грубымъ письмомъ. Дружественныя отношенія между Гёте и Клопштокомъ порвались навсегда.

Несомнѣнно, что въ глубинѣ души Гёте отдавалъ справедливость хулителямъ своего разнузданнаго поведенія, и самъ имъ тяготился. Но отставать отъ герцога и его приближенныхъ въ ихъ безпутныхъ забавахъ онъ не могъ. Привязавшись всѣмъ сердцемъ къ герцогу, котораго онъ былъ старше на восемь лѣтъ, Гёте отъ души желалъ ему добра и искренно хотѣлъ посвятить молодому другу свои многообразныя дарованія на пользу, какъ самому Карлу-Августу, такъ, въ особенности его подданнымъ. Для этого надо было заручиться уваженіемъ герцога, а, чтобы пріобрѣсти это уваженіе, Гёте долженъ былъ разсчитывать не на одно умственное свое превосходство, а доказать, что при любой попойкѣ онъ постоитъ за себя, что при верховой ѣздѣ никакой заборъ не высокъ, никакая

канава не широка, никакая горная тропинка не крута, что онъ хорошій охотникъ, танцоръ, конькобѣжецъ и игрокъ. Возможно, что Гёте въ то время не отдавалъ еще себѣ яснаго отчета въ необходимости всегда и всюду слѣдовать за герцогомъ, а дѣлалъ это безсознательно. Но въ этомъ инстинктивномъ слѣдованіи по извѣстному направленію и проявлялась геніальность Гёте.

Въ глубокой старости Гёте такъ говорилъ Эккерману объ этихъ первыхъ веймарскихъ годахъ: „Онъ (Карлъ-Августъ) былъ тогда еще очень молодъ, и мы тогда, конечно, нѣсколько дурили. То̀ было благородное вино, но еще въ состояніи сильнаго броженія. Мы не знали, куда дѣться съ силой, и часто были готовы сломить себѣ шею. Летѣть во всю мочь на лошадяхъ черезъ изгороди, канавы и рѣчки, цѣлый день съ горы на гору, а ночью стать лагеремъ подъ открытымъ небомъ, у костра въ лѣсу,—вотъ что онъ любилъ. Быть наслѣдникомъ престола,—для него ничего не значило; вотъ если бъ его можно было добыть съ большимъ трудомъ, или взять приступомъ,—это ему было по душѣ... Ему было 18 лѣтъ, когда я пріѣхалъ въ Веймаръ, но и тогда уже по зародышамъ и почкамъ можно было судить, какое выростетъ дерево. Онъ вскорѣ сблизился со мною самымъ интимнымъ образомъ, и принималъ глубокое участіе во всѣхъ моихъ стремленіяхъ... Цѣлые вечера онъ просиживалъ у меня, и у насъ шли глубокія бесѣды о природѣ, искусствѣ и другихъ хорошихъ вещахъ. Мы часто засиживались до глубокой ночи

и не рѣдко засыпали другъ подлѣ друга на диванѣ" *).

Разгульный образъ жизни наконецъ утомилъ Вольфганга, его потянуло въ уединеніе, на просторъ, къ природѣ, и онъ уѣхалъ изъ Веймара въ Валдекъ. Карлъ-Августъ сталъ скучать по немъ, звалъ его назадъ, и Гёте вернулся. Герцогъ не разъ предлагалъ ему поступить на веймарскую службу, но Гёте долго колебался, на что рѣшиться, — возвратиться ли во Франкфуртъ, или принять предложеніе Карла-Августа. Между тѣмъ онъ сталъ бывать, въ качествѣ посторонняго посѣтителя, на засѣданіяхъ тайнаго совѣта. Онъ уже извѣдалъ придворную жизнь; теперь ему хотѣлось ознакомиться съ дѣлами правительства. „Я здѣсь какъ у себя дома", пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ; — „герцогъ съ каждымъ днемъ становится мнѣ болѣе дорогъ". Предсказанія старика Іоганна Каспара Гёте не оправдались. Связь между его сыномъ и герцогомъ была совершенно иная, чѣмъ между Вольтеромъ и Фридрихомъ Великимъ: довольно было нѣсколькихъ неосторожныхъ выраженій, чтобы порвать ихъ близость. Дружба же между Вольфгангомъ и Карломъ-Августомъ, глубокая и искренняя, все крѣпла, усиливалась, продолжалась болѣе полувѣка и была прервана только смертью великаго герцога въ іюнѣ 1828 г. **).

---

*) Разговоры Гёте собранные Эккерманномъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. СПб. Изд. Суворина.—1905. Ч. 2-я, стрр. 116 и 119.

**) Льюисъ 290.

Гёте пріобрѣталъ все большее вліяніе надъ Карломъ-Августомъ. Уже черезъ три мѣсяца по переселеніи въ Веймаръ, поэтъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ: „Теперь я еще только изучаю страну и нахожу въ этомъ большое удовольствіе. Да и герцогъ тоже пріобрѣтаетъ такимъ образомъ любовь къ труду“ *). Въ другомъ письмѣ, къ Лафатеру, Гёте пишетъ: „Эта пестрота, этотъ круговоротъ бытія доставляетъ мнѣ истинное наслажденіе. Досады, надежда, любовь, трудъ, нужда, приключенія, скука, ненависть, дурачества, глупости, радости, неожиданности и нечаянности, мелочи и глубина, притомъ — какъ попало, въ перемежку съ праздниками, танцами, погремушками, шелкомъ и блестками, — все это презанятная вещь!“ **).

Въ первыя же недѣли своего пребыванія въ Веймарѣ Гёте проявилъ вліяніе въ двухъ важныхъ дѣлахъ. Первымъ изъ нихъ было назначеніе Гердера веймарскимъ генералъ-суперинтендентомъ. Это назначеніе встрѣчало сильное противодѣйствіе во враждебныхъ Гердеру лицахъ, которыя обвиняли его въ свободомысліи и распускали про него невѣроятные слухи и сплетни. Говорили, напримѣръ, будто Гердеръ вошелъ разъ на церковную каѳедру въ сапогахъ и шпорахъ. Но Вольфгангу удалось выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы.

Тѣмъ временемъ было рѣшено, что Гёте оста-

*) Бельшовскій 241.
**) Шаховъ 86.

нется въ Веймарѣ, но вопросъ этотъ находился въ прямой зависимости отъ другого важнаго дѣла. Министръ фонъ Фритшъ, полагая, что не пользуется довѣріемъ герцога и, въ особенности, возмущенный намѣреніемъ Карла-Августа назначить Гёте членомъ совѣта, подалъ въ отставку. Герцогъ былъ бы не прочь отдѣлаться отъ министра, къ которому питалъ непріязнь еще съ того времени, когда былъ наслѣднымъ принцемъ. Но Гёте цѣнилъ заслуги Фритша и взвѣсилъ, какое значеніе для хода дѣлъ имѣла бы отставка опытнаго министра. Онъ цѣлыми недѣлями обсуждалъ этотъ вопросъ съ герцогомъ, склоняя его удержать Фритша. Герцогъ писалъ министру 10-го мая: „Ваше письмо отъ 24-го апрѣля, господинъ тайный совѣтникъ, я получилъ... Вы говорите, что не можете засѣдать въ совѣтѣ, членомъ котораго состоитъ докторъ Гёте. Будь онъ человѣкъ двусмысленнаго характера, всякій одобрилъ бы ваше рѣшеніе, но Гёте честенъ и обладаетъ удивительно добрымъ и мягкимъ сердцемъ... Весьма предусмотрительные люди поздравляютъ меня съ такимъ сотрудникомъ. Его умъ и талантъ извѣстны... Мѣсто, которое такъ тѣсно связано со мной и съ благосостояніемъ или несчастіемъ моихъ подданныхъ, я никогда не дамъ по старшинству, а лишь основываясь на довѣріи... Что же касается мнѣнія свѣта, то оно ровно ничего не измѣняетъ. Свѣтъ судитъ на основаніи предразсудковъ, я же и всякій, кто хочетъ исполнить свой долгъ, работаетъ не для славы, а для того, чтобы оправдать себя передъ Богомъ и собственной

совѣстью" *). Девятнадцатилѣтній принцъ, писавшій эти строки, не былъ человѣкъ обыкновенный **).

Но Фритшъ оставался непреклоненъ. Тогда обратились за помощью къ вдовствующей герцогинѣ. Въ прекрасномъ письмѣ она убѣждала своего друга и помощника не покидать ея сына. Письмо написано по французски. Приведу изъ него выдержки: „Вы предубѣждены противъ Гёте... Вы знаете, какъ я близко принимаю къ сердцу славу моего сына и какъ я стараюсь, чтобы онъ былъ окруженъ честными людьми. Если бы я видѣла, что Гёте принадлежитъ къ тѣмъ пресмыкающимся тварямъ, для которыхъ на свѣтѣ нѣтъ ничего святого, кромѣ ихъ собственныхъ выгодъ, и которыми руководитъ одно только честолюбіе, то я бы первая возстала противъ него. Я не стану говорить вамъ о его талантахъ, о его геніѣ; я говорю только о его нравственности. Его религія есть религія истиннаго, хорошаго христіанина, она учитъ его любить своего ближняго и стараться сдѣлать его счастливымъ. А это вѣдь первая и главнѣйшая заповѣдь нашего Создателя..." ***)

Письмо подѣйствовало, Фритшъ взялъ назадъ прошеніе объ отставкѣ, а 11-го іюня 1776 г. Гёте былъ назначенъ тайнымъ совѣтникомъ посольства (Geheimer Legations-Rath) и членомъ тайнаго совѣта съ жалованьемъ въ 1200 талеровъ.

---

*) Бельшовскій 244—248.

**) Льюисъ 292.

***) Бельшовскій 249.

Это назначеніе надѣлало много шуму и вызвало ропотъ и даже протестъ. Но время шло и скоро всѣ не только привыкли къ тому, что высокую должность занялъ простой франкфуртскій бюргеръ, но и перестали относиться къ нему враждебно.

Герцогъ поручилъ Кальбу написать родителямъ Гёте, что никогда не подумалъ-бы предложить ихъ сыну иное званіе, кромѣ званія своего друга, ибо хорошо понимаетъ, насколько всякая другая роль ниже его достоинства, — если бы не требовали этого установленныя обычаемъ формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ герцогъ сообщалъ имъ, что, принимая это мѣсто, Гёте сохраняетъ полную свободу, и просилъ ихъ дать на это свое согласіе, говоря, что это будетъ имъ не трудно, если они подумаютъ, сколько тысячъ людей будутъ осчастливлены такой жертвой съ ихъ стороны *).

Виландъ писалъ: „Гёте живетъ, управляетъ, переворачиваетъ все вверхъ дномъ, посылаетъ намъ дождикъ и хорошую погоду и сдѣлаетъ насъ счастливыми, что̀ бы онъ ни дѣлалъ“.

И въ своей политической дѣятельности Гёте испыталъ, что самъ чувствуешь себя счастливымъ, имѣя возможность дѣлать счастливыми другихъ.

Однажды герцогъ узналъ, что поэтъ (жившій тогда въ Jägerhaus, на Бельведерской аллеѣ), тяготится, не имѣя въ Веймарѣ клочка земли, гдѣ бы онъ могъ удовлетворить свою страсть къ садоводству. „Бер-

*) Бельшовскій 250.

туху хорошо: я бы ничего болѣе не желалъ, какъ имѣть такой лоскутъ земли", говорилъ Гёте. Карлъ-Августъ сейчасъ же заявилъ Бертуху: „Мнѣ нуженъ твой садъ". Бертухъ изумился: „Но, ваше высочество..." — „Никакихъ но!" прервалъ его юный герцогъ и далъ Бертуху въ обмѣнъ другой домъ съ садомъ, которые стоили гораздо дороже, и Gartenhaus, существующій и понынѣ, поступилъ во владѣніе Гёте *).

17-го мая 1776 г. онъ пишетъ: „У меня есть хорошенькій садъ за городскими воротами, на берегу Ильма, и красивые луга по долинѣ. Въ этомъ саду стоитъ старенькій домикъ, который для меня теперь отдѣлываютъ". А на слѣдующій день: „Въ 10 часовъ ночи, въ моемъ саду. Я отправилъ своего Филиппа домой и хочу спать здѣсь въ первый разъ одинъ... Какое божественное ощущеніе сидѣть вотъ такъ одному, среди простора полей! Завтра утромъ какъ будетъ хорошо! Кругомъ все такъ тихо. Я только слышу, какъ тикаютъ мои часы, да издали доносится шумъ плотины и вѣтра" **).

Здѣсь, въ Gartenhaus Гёте прожилъ семь счастливѣйшихъ лѣтъ своей жизни.

Мы уже видѣли, какое значеніе имѣлъ дворъ въ жизни веймарскаго образованнаго общества. Еще Нибуръ высказалъ мнѣніе, будто этотъ дворъ „былъ для Гёте Далилой, для которой онъ, какъ Самсонъ,

*) Льюисъ 307.

**) Бельшовскій 252.

пожертвовалъ своими волосами“ *). Того же мнѣнія придерживается у насъ Шаховъ въ своихъ Лекціяхъ по исторіи нѣмецкой литературы, говоря, что слѣдствіемъ жизни въ Веймарѣ для писателя было отчужденіе отъ міра общей дѣйствительности. Шаховъ ссылается на досаду Карамзина, когда онъ пріѣхалъ въ Веймаръ. „Наемный слуга“, пишетъ авторъ „Писемъ русскаго путешественника“, „немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду спросить, дома ли онъ. — Нѣтъ, онъ во дворцѣ. — Дома ли Гердеръ? — Нѣтъ, онъ во дворцѣ. — Дома ли Гёте? — Нѣтъ, онъ во дворцѣ“. — Большинство произведеній веймарскихъ писателей, утверждаетъ Шаховъ, написано не для общества и публики, а для придворнаго литературнаго кружка, который является ихъ критикомъ и потребителемъ. Если бы столпившіеся въ Веймарѣ таланты дѣйствовали на болѣе широкой аренѣ, еслибъ они могли разсчитывать на обширную публику, то получили бы болѣе нормальное, болѣе правильное развитіе. Веймарская обстановка, продолжаетъ Шаховъ, дѣйствовала на поэтическую способность Гёте не особенно благодѣтельно: „она разлучила его съ жизнью, съ тѣми случайностями и столкновеніями, на которыя онъ натыкался во время пребыванія его на Рейнѣ; она поставила его въ придворный кружокъ и отдалила его отъ живого непосредственнаго общенія съ разнообразными общественными слоями; она преобразила юношу-поэта въ тайнаго совѣтника и спо-

*) Льюисъ 299.

собствовала развитію въ немъ извѣстнаго бюрократическаго формализма; она заразила его неприступностью и важностью государственнаго человѣка“ *).

Нельзя согласиться со взглядами Нибура, а за нимъ и Шахова. Мы знаемъ уже, что въ XVIII вѣкѣ Германія не представляла собою одного сплоченнаго цѣлаго, а была раздроблена и разобщена. Въ ней не существовало политической жизни, а слѣдовательно и политическаго центра. Только отдѣльные дворы поддерживали умственную и художественную культуру, являя собою особые литературные центры, изъ которыхъ самымъ значительнымъ былъ веймарскій дворъ. Гёте покинулъ Франкфуртъ именно ради того, что предстоявшая ему судебная дѣятельность была ему не по душѣ. Его тянуло въ болѣе культурный Веймаръ, гдѣ ожидало поэта не „отчужденіе отъ міра общей дѣйствительности“, а напротивъ, пріобщеніе къ высшимъ духовнымъ потребностямъ. Пусть произведенія Гёте написаны „не для общества и публики, а для придворнаго кружка“. Но этотъ придворный кружокъ и былъ лучшимъ выраженіемъ общества и публики, которыя въ то время, по словамъ того же Шахова, были лишены „развитой общественной жизни и сложныхъ общественныхъ интересовъ“. Быть можетъ „столпившіеся въ Веймарѣ таланты“ получили бы „болѣе нормальное и правильное развитіе, если бъ могли разсчитывать на обширную публику и дѣйствовали на болѣе широкой аренѣ“. Но

*) Шаховъ, 90—92.

дѣло въ томъ, что обширная публика въ то время, какъ, впрочемъ, и во всѣ времена, была невѣжественна, а болѣе широкой арены не существовало. Веймарская обстановка, дѣйствовавшая на Гёте, по словамъ Шахова, не особенно благодѣтельно, не помѣшала однако поэту создать такія безсмертныя творенія, какъ „Ифигенія“, а позднѣе „Тассо“, „Германъ и Доротея“ и „Фаустъ“. Эта обстановка не только не разлучила Гёте съ жизнью, но напротивъ поставила его еще ближе къ самымъ разнообразнымъ классамъ населенія и дала ему возможность оказывать имъ благодѣянія, развивая ремесленный трудъ и промышленность. Если, какъ говоритъ Шаховъ, веймарская обстановка преобразила юношу-поэта въ тайнаго совѣтника, то можно пожелать, чтобы было побольше подобныхъ Вольфгангу Гёте тайныхъ совѣтниковъ. И напрасно Шаховъ обзываетъ „бюрократическимъ формализмомъ“ то, что вѣрнѣе было бы назвать государственной мудростью, а обвиненіе Гёте въ недоступности и важности по меньшей мѣрѣ несправедливо.

„Говорятъ про меня, что я слуга, рабъ“, — высказывалъ Гёте Эккерману, — но есть ли какой смыслъ въ этихъ словахъ? Развѣ я служу какому-нибудь тирану, деспоту, такому государю, который живетъ только въ свое собственное удовольствіе насчетъ своего народа? Подобные государи и подобныя времена, благодаря Бога, далеки уже отъ насъ. Уже болѣе полустолѣтія я съ великимъ герцогомъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, болѣе полустолѣтія я

съ нимъ вмѣстѣ жилъ, работалъ, но я былъ бы лжецъ, если бъ сказалъ, что помню хотя одинъ день, въ который бы великій герцогъ не былъ занятъ заботой о благѣ страны или о благѣ кого либо изъ своихъ подданныхъ. Для себя лично извлекалъ ли онъ когда какую выгоду изъ своего сана? Давалъ ли что ему этотъ санъ кромѣ труда и заботъ? Его жилище, одѣяніе, столъ болѣе ли роскошны, чѣмъ у перваго зажиточнаго частнаго человѣка? Загляните въ наши приморскіе города, не найдете ли вы тамъ у перваго зажиточнаго купца кухни и погреба болѣе роскошные, чѣмъ у герцога. Говорятъ, что я рабъ! По крайней мѣрѣ я могу утѣшить себя тѣмъ, что я рабъ того, кто самъ рабъ общаго блага" *).

Общество женщинъ всегда было для Гёте насущной потребностью, сначала инстинктивной, потомъ сознательной. Женщины затрагивали самыя нѣжныя и чуткія струны его души, облагораживали и возвышали все его существо. Онъ чувствовалъ, что подъ вліяніемъ ихъ близости въ немъ раскрывались и проливали свой благотворный свѣтъ на все окружающее лучшія стороны его натуры.

Въ Веймарѣ Гёте нашелъ цѣлый кружокъ даровитыхъ, развитыхъ и тонко чувствующихъ женщинъ, какихъ до тѣхъ поръ ему еще не приходилось встрѣчать. Среди нихъ особенное вліяніе оказала на него уже упомянутая Шарлотта фонъ Штейнъ.

---

*) Льюисъ 300.

Шарлотта фонъ Штейнъ.

Всѣ біографы Гёте согласны, что его любовь къ г-жѣ фонъ Штейнъ представляетъ собою самое замѣчательное, самое важное и самое продолжительное чувство, какое онъ когда либо испытывалъ къ женщинѣ*).

Баронесса фонъ Штейнъ, сперва фрейлина вдовствующей герцогини Анны-Амаліи, а позднѣе супруга веймарскаго оберъ-шталмейстера, была и по фамиліи, и по положенію въ обществѣ значительная особа. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, она уже была матерью семерыхъ дѣтей и достигла 33-лѣтняго возраста. Она хорошо пѣла, хорошо играла, хорошо рисовала, хорошо говорила, умѣла цѣнить поэзію, сама занималась литературой, умѣла вести свои сердечныя дѣла съ тонкимъ тактомъ свѣтской женщины. Ее не пугали серьезныя книги. Это была, по общему признанію, въ полномъ смыслѣ очаровательная женщина и сохраняла свою очаровательность даже въ преклонныя лѣта. Шиллеръ писалъ о ней своему другу Кёрнеру лѣтъ 12 послѣ того, какъ Гёте впервые увидалъ ее: „Лучше всѣхъ тамъ (въ Веймарѣ) г-жа фонъ Штейнъ; это дѣйствительно весьма привлекательная особа, и я вполнѣ понимаю, какъ могъ Гёте такъ сильно привязаться къ ней. Видно, что красавицей она никогда не была, но въ выраженіи лица ея столько нѣжности, искренности, совершенно

* Бельшовскій 235, 252.

своеобразной прямоты, — все существо ея дышитъ здравымъ умомъ, чувствомъ, истиной... Говорятъ, что ихъ отношенія совершенно чисты и безупречны" *).

Еще за годъ до пріѣзда въ Веймаръ Гёте увидалъ силуэтъ Шарлотты въ Страсбургѣ **) у гановерскаго придворнаго доктора, швейцарца Циммерманна. Гёте съ интересомъ всматривался въ это изображеніе и подписалъ подъ нимъ: „Какое должно быть чудное зрѣлище видѣть, какъ отражается міръ въ этой душѣ. Она видитъ міръ такимъ, каковъ онъ есть и однако же смотритъ на него при посредствѣ любви" ***).

Г-жа фонъ Штейнъ слышала много похвалъ Гёте отъ своего мужа, который сопровождалъ веймарскихъ принцевъ въ ихъ поѣздкѣ во Франкфуртъ. О своемъ желаніи познакомиться съ поэтомъ Шарлотта сообщила д-ру Циммерманну, съ которымъ состояла въ перепискѣ. Послѣ страсбургскаго свиданія съ Гёте Циммерманнъ побывалъ у него во Франкфуртѣ и, воротясь на родину, писалъ г-жѣ фонъ Штейнъ: „J'ai été logé à Francfort chez Mr. Goethe, un des génies les plus extravagants et les plus puissants, qui ayent jamais paru dans le monde. Il viendra surement vous faire visite à Weimar. Rappelez vous alors que

---

*) Льюисъ 301, 302.

**) У Льюиса: въ Пирмонтѣ. — Въ Goethes Briefe an Frau von Stein, herausgegeben von A. Schöll, Frankfurt a. M. 1899, S. 9 указанъ не Пирмонтъ, а Страсбургъ.

***) Erich Schmidt. Goethe und Frau von Stein. Deutsche Rundschau, August 1885, S. 258.

tout ce que je lui ai dit de vous à Strasbourg lui a fait perdre le sommeil pendant trois nuits“.

Вскорѣ по прибытіи Гёте въ Веймаръ герцогъ привелъ его къ Шарлоттѣ. Это первое посѣщеніе запало въ память ея десятилѣтняго сына Карла, который и въ старости разсказывалъ о появленіи поэта въ ихъ домѣ. Намъ неизвѣстно, вскорѣ ли послѣ того зажглась въ душѣ Гёте любовь къ Шарлоттѣ, длившаяся лѣтъ 12. Быть можетъ его первыя записки и письма къ ней относятся еще къ послѣднимъ днямъ 1775 года; но вѣроятнѣе, что эта обширная переписка возникла въ началѣ слѣдующаго года*). До насъ дошли только письма Гёте, которыя г-жа фонъ Штейнъ тщательно сберегла; свои же письма, относящіяся къ этому времени, она впослѣдствіи вытребовала у него и уничтожила.

Какія же качества давали Шарлоттѣ такой перевѣсъ надъ всѣми милыми женскими образами, которые Гёте встрѣчалъ на своемъ жизненномъ пути? Собственно говоря, всѣ эти качества сводились къ одному, но этого одного было довольно, чтобы дать ей надъ Гёте огромную власть, какую то почти чудесную, волшебную силу: она умѣла читать въ душѣ этого загадочнаго человѣка и понимала всѣ ея безконечно разнообразные изгибы и движенія, всю ту глубокую внутреннюю жизнь, которая скрывалась на днѣ ея**). Другія любили его, отдавались ему, и были

*) Adolf Schöll 9.

**) Бельшовскій 253.

забыты, а Шарлотта постоянно держала его въ лихорадочной надеждѣ, умѣла быть для него необходимой, умѣла такъ держать себя, что любовь становилась для него цѣлью, къ которой онъ постоянно стремился, — она постоянно держала его въ такомъ положеніи, что онъ не обладалъ счастьемъ, но между тѣмъ ежеминутно ловилъ счастье *).

Хотя въ Веймарѣ и очень свободно смотрѣли на отношенія между мужчинами и женщинами, и хотя нѣжныя ухаживанья кавалеровъ за ихъ замужними и незамужними избранницами сердца были вполнѣ приняты, но пылъ, съ какимъ Гёте выражалъ свою любовь къ г-жѣ фонъ Штейнъ, превосходилъ всякую мѣру и возбуждалъ недоброжелательные толки. Менѣе всего, или даже вѣрнѣе сказать безъ всякаго безпокойства или недовольства смотрѣлъ на это ея мужъ. Обершталмейстеръ фонъ Штейнъ былъ тупой матеріалистъ, для котораго тонкія блюда придворнаго стола, за которымъ онъ каждый день обѣдалъ и ужиналъ, маленькая партія въ карты, герцогская конюшня, его каретная мастерская въ Веймарѣ или его винокуренный заводъ и откормленные быки въ Кохбергѣ представляли неизмѣримо болѣе интереса, нежели визиты Гёте къ Шарлоттѣ или тѣ нѣжныя записки, которыя самъ онъ нерѣдко передавалъ **).

Въ первыхъ письмахъ Вольфганга къ ней страстные порывы внезапно смѣняются самой строгой сдер-

---

*) Льюисъ 303.

**) Бельшовскій 254.

жанностью; иногда проскользнетъ нѣжное *ты*, но въ слѣдующемъ же письмѣ, а иногда и въ томъ же самомъ, въ слѣдующей же фразѣ опять обязательное *вы*. Онъ писалъ къ ней почти ежедневно. Горячей, возвышенной любви Гёте къ г-жѣ фонъ Штейнъ обязаны мы не однимъ прекраснымъ его стихотвореніемъ. Особенно замѣчательно начинающееся словами: Warum gabst du uns die Tiefen Blicke и помѣченное 14 апрѣля 1776 г.

Шарлотта твердо настаивала на томъ, чтобы Гёте выражалъ свою страсть болѣе сдержанно и держался нѣсколько дальше отъ нея, если не ради ея самой, то ради свѣта. 24-го мая онъ пишетъ ей: „Такъ стало быть и эта любовь, самая чистая, прекрасная, истинная, какой я не чувствовалъ ни къ одной женщинѣ, кромѣ моей сестры — и она запретна!... Свѣтъ, который для меня ничто, не хочетъ, чтобы и ты была для меня чѣмъ нибудь...“ На слѣдующій день онъ работалъ въ глубокой горести надъ стихотвореніемъ, которое долженъ былъ сочинить для Глюка на смерть его племянницы *). Въ то время, говоритъ Гриммъ **), было болѣе, чѣмъ теперь въ обычаѣ посвящать умершимъ стихи въ увѣковѣченіе ихъ памяти. Глюкъ, родившійся въ 1714 году, былъ бездѣтенъ. У него жила молодая племянница, нѣжно имъ любимая и скончавшаяся въ апрѣлѣ 1776 года. Ему хотѣлось

*) Льюисъ 303, 304. — Бельшовскій 256. — A. Schöll 30, 35.
**) Goethe. Vorlesungen von Herman Grimm, Stuttgart und Berlin 1903, S. 332.

въ память ея сочинить кантату, и онъ обратился къ Виланду, прося доставить ему текстъ. Виландъ пришелъ къ Гёте и предложилъ ему написать просимые стихи. Что̀ была для Гёте умершая племянница Глюка? Трогательные скорбные звуки, сначала льющіеся мягкими волнами, потомъ переходящіе въ громкіе полные отчаянія аккорды, которыми проникнута вся монодрама „Прозерпина", передѣланная впослѣдствіи изъ этого стихотворенія, были вызваны тоской по духовной связи съ Шарлоттой, какъ бы отошедшей въ міръ тѣней. Текстъ для кантаты Глюка такъ и не былъ оконченъ.—„Будьте только добры ко мнѣ, какъ всегда, я буду рѣже писать и рѣже приходить", пишетъ онъ возлюбленной. А въ другой разъ онъ восклицаетъ въ тоскѣ, какъ кающійся грѣшникъ: „Съ нѣкоторыхъ поръ вы представляетесь мнѣ мадонной, возносящейся къ небу. Напрасно простираетъ къ ней руки тотъ, котораго она оставляетъ на землѣ; напрасно его прощальный взоръ, полный слезъ, жаждетъ заглянуть еще разъ въ ея глаза; она вся объята окружающимъ ее сіяніемъ, вся полна одной только мыслью о томъ вѣнцѣ, который носится надъ ея головою". Жалобы не помогаютъ его горю, онъ принужденъ затаить въ себѣ кипучія чувства, перейти опять отъ дружескаго *ты* къ сдержанному *вы* и свести свою пламенную любовь на теплую дружбу *).

Спустя нѣсколько времени тонъ писемъ Гёте становится спокойнѣе. Подобно тому, какъ жизнь его

---

*) Бельшовскій 256, 257.

въ Веймарѣ, послѣ первыхъ разгульныхъ недѣль, стала принимать болѣе спокойный и сдержанный характеръ, такъ и въ этихъ письмахъ, спустя нѣсколько времени, встрѣчается меньше страстныхъ порывовъ, меньше знаковъ восклицаній. Но тѣмъ не менѣе они пишутся столь же часто, какъ и прежде, согрѣты той же любовью, свидѣтельствуя, что мысль о возлюбленной не покидала его ни на минуту *).

Однако чистота отношеній Гёте къ г-жѣ фонъ Штейнъ не избѣжала подозрѣній. Карлейль на основаніи одного изъ писемъ поэта, написанныхъ въ концѣ пятаго года ихъ близости, дѣлаетъ предположеніе, что Шарлотта не устояла передъ страстными мольбами Гёте, что ихъ дружба переступила черезъ грань платонической любви. Но большинство писателей, касавшихся этихъ страницъ изъ жизни Гёте, отвергаютъ подозрѣніе Карлейля. Недозволенная связь не могла бы не обнаружиться въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ Веймаръ. Къ тому же въ перепискѣ не замѣтно никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы на нарушеніе Шарлоттой долга супруги **). Dr. Heinemann вѣрно говоритъ, что имя г-жи фонъ Штейнъ, такъ глубоко любимой и почитаемой величайшимъ изъ германскихъ поэтовъ, вдохновившей лучшія его произведенія, навсегда останется памятно и знаменито въ нѣмецкой литературѣ. Было бы неблагодарностью заподозрить чистоту отно-

---

*) Льюисъ 305, 306.

**) Mézières. 262, 263.

шеній, которыя вліяли на Гёте самымъ облагораживающимъ образомъ*). Духовный союзъ, въ который Гёте вступилъ съ г-жой фонъ Штейнъ, имѣлъ на него необычайное вліяніе: „Не могу выразить“, пишетъ онъ ей „и не смѣю понять, какой переворотъ совершаетъ твоя любовь въ моей душѣ. Это такое состояніе, какого, несмотря на мои годы, я еще ни разу не испытывалъ... Всю жизнь я носилъ въ душѣ идеалъ того, какъ бы я желалъ быть любимымъ, но все напрасно искалъ его осуществленія въ обманчивыхъ мечтахъ; и вдругъ теперь, когда съ каждымъ днемъ дѣйствительный міръ яснѣе открывается передо мной, я нахожу его наконецъ въ тебѣ и знаю, что уже никогда не потеряю его“.

„Возлюбленная, муза, солнце, чистота, истина, красота, поэзія, сливаются у него воедино и, воспѣвая въ своихъ сочиненіяхъ эти высокіе предметы и понятія, онъ въ то же время возноситъ благоговѣйную хвалу любимой женщинѣ.

„Благодаря ихъ частымъ, порою даже ежедневнымъ сношеніямъ и ея даровитости и недюжинному образованію, она сдѣлалась умной, мыслящей подругой всей его духовной жизни. Онъ читалъ съ ней „Этику Спинозы“ и „Эпохи Природы“ Бюффона, объяснялъ ей коническое сѣченіе и микроскопическіе препараты, изслѣдовалъ вмѣстѣ съ ней строеніе человѣческихъ костей и жизнь растеній, пути небесныхъ

*) Dr. Heinemann: Die Bedeutung der Frau v. Stein für die deutsche Literatur. (Berichte des Freien Deutschen Hochstiftes zu Frankfurt a. M. 1885/86. Heft 3 u. 4. S. 232.

свѣтилъ и исторію земной коры, изучалъ съ ней литературу древнихъ и новыхъ народовъ и постоянно повѣрялъ ей всѣ свои поэтическіе замыслы, все, что создавалъ его творческій геній. Она была для него первой и самой желанной публикой, и часто даже единственной, о которой онъ думалъ во время своей поэтической работы. Такой полной совмѣстной жизни онъ еще никогда не испытывалъ. Эта близость дала ему подобіе самаго высокаго супружескаго счастія; понятно, что подъ вліяніемъ этого чувства ему казалось, что жизнь его будетъ разбита, если онъ разстанется съ любимой женщиной. Предчувствіе не обмануло его. Неумолимой силою вещей, по мѣрѣ того, какъ развивался дальнѣйшій ходъ событій, какъ развивался онъ самъ, народились новыя вѣянія, которыя сначала затмили, а потомъ и совсѣмъ похоронили это высокое чувство“ *).

Театръ въ Веймарѣ.

Еще до вступленія на престолъ Карла-Августа, его мать проявила много труда для созданія въ Веймарѣ хорошаго театра. Она всячески старалась придать театральнымъ представленіямъ правильность и хорошее исполненіе. Съ этою цѣлью Анна-Амалія пригласила въ 1768 г. превосходную труппу Коха, а въ 1771-мъ — еще болѣе выдающуюся труппу Зейлера, обладавшую звѣздами первой величины. Это стоило ей немалыхъ жертвъ, но, какъ писалъ Виландъ въ 1773 году, она держалась того убѣжденія,

*) Бельшовскій 258—260.

что „хорошо устроенный театръ въ значительной степени облагораживаетъ и способствуетъ незамѣтному улучшенію понятій, образа мыслей, вкусовъ и нравовъ народа“. Поэтому она не удовольствовалась тѣмъ, что устройствомъ театра доставила самое приличное развлеченіе своему двору, дѣловымъ людямъ—самое благородное отдохновеніе отъ ихъ служебныхъ занятій, а болѣе празднымъ классамъ населенія—самое безвредное препровожденіе времени; она хотѣла, чтобы и нисшія сословія могли пользоваться этимъ общественнымъ увеселеніемъ, которое въ то же время могло служить для нихъ школой хорошихъ нравовъ и добродѣтельныхъ чувствъ. „Такимъ образомъ Веймаръ пользуется преимуществомъ, за которое долженъ быть глубоко признателенъ, и которымъ не можетъ похвалиться ни одинъ городъ въ Германіи, а именно: онъ имѣетъ театръ, открытый три раза въ недѣлю для всѣхъ рѣшительно безвозмездно“. Къ сожалѣнію, Веймаръ не долго пользовался этимъ преимуществомъ: театръ сгорѣлъ въ 1774 году. Съ этихъ поръ это удовольствіе сдѣлалось доступнымъ только небольшому кружку зрителей, такъ какъ въ продолженіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ оно ограничивалось придворными любительскими спектаклями*).

Страсть къ театральнымъ представленіямъ въ исполненіи любителей была въ то время очень распространена въ Германіи. Въ каждомъ крупномъ нѣмецкомъ городѣ имѣлась своя труппа актеровъ люби-

---

*) Бельшовскій 220, 221.

телей. Въ Вюрцбургѣ она состояла изъ лицъ высшаго общества, въ Эйзенахѣ принцъ и дворъ принимали участіе въ представленіяхъ. Даже университеты, нѣкогда гремѣвшіе противъ театральныхъ представленій, какъ противъ нечестія, теперь забыли свою прежнюю къ нимъ вражду. Въ Вѣнѣ, Галле, Гёттингенѣ, Іенѣ, студентамъ было дозволено устраивать любительскіе спектакли.

Самый знаменитый театръ любителей былъ въ Веймарѣ. Онъ имѣлъ своихъ поэтовъ, композиторовъ, декораторовъ, костюмеровъ. Какъ только обнаруживался талантъ къ пѣнію, декламаціи или танцамъ въ комъ нибудь, его сейчасъ же привлекали въ Веймаръ и заставляли работать съ такимъ прилежаніемъ, какъ еслибъ отъ этого зависѣлъ насущный хлѣбъ. Репетиціи драмъ, оперъ, балетовъ составляли почти ежедневное занятіе и удовольствіе дамъ и кавалеровъ довольныхъ найти себѣ какое нибудь дѣло. Веймарская труппа любителей была самая отборная, — въ ней участвовали самъ герцогъ, его братъ Константинъ, ихъ мать, Кнебель, Эйнзидель, Музеусъ, дѣвица Гёхгаузенъ (Туснельда) и красавица Корона Шрётеръ. Эта весьма курьезная труппа странствующихъ актеровъ совершала свои странствія по всѣмъ окрестнымъ замкамъ, посѣщала Эттерсбургъ, Тифуртъ, Бельведеръ, даже Іену, Дорнбургъ и Ильменау. Часто Бертухъ получалъ приказаніе приготовить къ раннему утру походную кухню, — это значило, что труппа собирается въ путь.

Театральная сцена уставлялась скоро. Въ Эттерс-

бургѣ былъ лѣсной театръ, гдѣ давались представленія въ хорошую погоду. Кромѣ того одинъ изъ флигелей Эттерсбургскаго замка также былъ предназначенъ для театра, но представленія на чистомъ воздухѣ предпочитались. Труппа, состоявшая иногда не менѣе, чѣмъ изъ двадцати человѣкъ, отправлялась въ Эттерсбургъ на репетиціи и представленія въ герцогскихъ экипажахъ и вечеромъ, послѣ веселаго ужина, который часто оживлялся пѣснями, возвращалась обратно въ сопровожденіи герцогскихъ гусаръ, освѣщавшихъ путь факелами. Здѣсь, въ Эттерсбургѣ, Эйнзиделева опера „Цыгане" исполнялась съ такой чудной обстановкой, которая доводила иллюзію до поразительнаго воспроизведенія дѣйствительности. Въ эту оперу были включены нѣкоторыя сцены изъ „Гётца фонъ Берлихингена". Освѣщенныя деревья, группы цыганъ въ лѣсу, танцы и пѣсни подъ голубымъ звѣзднымъ небомъ, отдаленные звуки охотничьихъ роговъ, — все это составляло чудную, волшебную картину. Былъ также выстроенъ постоянный театръ въ Тифуртѣ, на Ильмѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣчка дѣлаетъ красивый изворотъ. Представленія были столь же разнообразны, какъ и театры. Игрались и французскія комедіи, и серьезныя произведенія, и самые нелѣпые фарсы. Иногда представлялись также шарады, причемъ предварительно опредѣлялся только ходъ дѣйствія, а разговоры импровизировались исполнителями.

Въ запискахъ того времени мы находимъ описаніе волшебной піесы, которая была играна въ честь

Гёте, въ день его рожденья, 28-го августа. Представленіе происходило въ Тифуртѣ, въ такъ называемомъ Petit Colisée. На мѣстѣ, гдѣ былъ воздвигнутъ этотъ новый храмъ музъ, передъ тѣмъ стояла уединенная хижина. Всѣ старанія были употреблены, чтобъ придать представленію наивозможно большій успѣхъ. Піеса называлась: „Рожденіе, жизнь и дѣянія Минервы". Если Гёте занимался приготовленіемъ празднествъ ко дню рожденья герцогини, то и Веймаръ съ своей стороны не оставался въ долгу и также праздновалъ день рожденья своего поэта*).

Не стану перечислять всѣхъ піесъ игранныхъ веймарскою труппой. Упомяну лишь о „Рино", драмѣ въ трехъ отдѣленіяхъ написанной Шарлоттой фонъ Штейнъ въ 1776 году. Въ ней заглавную роль игралъ Гёте, Аделаиду — герцогиня-мать, Туснельду — г-жа Гёхгаузенъ, Кунигунду — г-жа фонъ Вертернъ и Гертруду — сама г-жа Штейнъ**).

Гёте написалъ для веймарской труппы оперетту „Рыбачка" (Die Fischerin), начинавшуюся знаменитой балладой „Лѣсной царь" (Erlkönig); игранная на Тифуртской сценѣ, она вошла въ собраніе сочиненій Гёте. Кромѣ „Рыбачки" имъ были написаны и поставлены: пародія на „Птицъ" Аристофана (Die Vögel), драма „Взаимные грѣшники" (Die Mitschuldigen) и піесы: „Стелла", „Заштопанная невѣста" (Die geflickte Braut), напечатанная въ смягченной формѣ

*) Льюисъ 311—315.
**) Adolf Schöll 471.

подъ заглавіемъ Triumph der Empfindsamkeit; въ ней онъ далъ полную волю сарказмамъ насчетъ моднаго сантиментализма Виланда и своего собственнаго въ „Вертерѣ“. Въ честь хорошенькихъ глазокъ Амаліи Котцебу онъ въ три вечера написалъ свою превосходную піесу „Братъ и сестра“ (Die Geschwister)*). Наконецъ, для той же веймарской труппы написана имъ въ первоначальной своей обработкѣ „Ифигенія въ Тавридѣ“.

„Ифигенія въ Тавридѣ“ въ первоначальныхъ обработкахъ.

„„Ифигенія“ принадлежитъ такъ же какъ и „Братъ и сестра“, „Соколъ“, „Прозерпина“, „Эльпеноръ“ и „Тассо“, къ числу тѣхъ исполненныхъ смутнаго влеченія драмъ, которыя Гёте частью только набросалъ, а частью и окончилъ въ промежутокъ отъ 1776 по 1786 годъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что основой настроенія этихъ драмъ послужила неудовлетворенная любовь къ г-жѣ фонъ Штейнъ, причемъ въ „Ифигеніи“ эта грустная нота еще усилилась, вслѣдствіе смерти единственной горячо-любимой сестры поэта Корнеліи. Въ „Ифигеніи“ эта тоска выражается двояко: съ одной стороны Ифигенія въ изгнаніи тоскуетъ по родинѣ, съ другой Орестъ томится въ тяжкихъ мученіяхъ совѣсти и ищетъ душевнаго мира. Чувство Ореста уже давно жило въ груди поэта, еще задолго до того, какъ онъ познакомился съ Шарлот-

---

*) Думшинъ 179. — Льюисъ 315—317.

Гёте въ 1779 году. Рисунокъ тушью, исполненный Липсомъ для собранія портретовъ Лафатера.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

той. Его отзывчивое, легковоспламенявшееся сердце было причиной многихъ бѣдъ; сознаніе своей вины и раскаянія тяжелымъ бременемъ лежало у него на душѣ; подъ гнетомъ этихъ чувствъ, а также и многихъ другихъ мучительныхъ условій его жизни, онъ казался себѣ по временамъ очень несчастнымъ и въ образѣ Ореста видѣлъ самого себя. „Можетъ быть вскорѣ невидимый бичъ Евменидъ снова выгонитъ меня изъ моего отечества", писалъ онъ въ августѣ 1775 г. послѣ того, какъ тщетно пространствовалъ на свободѣ три мѣсяца, съ единственной цѣлью не возмущать покоя Лили и обрѣсти его для себя. Въ Веймарѣ, несмотря на все счастье и всѣ радости, окружающія его, онъ испытываетъ новыя муки" *).

Въ 1779 году Гёте былъ еще болѣе занятъ государственными дѣлами, чѣмъ въ предыдущіе годы, такъ какъ на него возложено было предсѣдательство въ коммиссіи военной и путей сообщенія, — „два новыхъ отвратительныхъ обстоятельства", какъ выражался онъ въ минуты раздраженія. Поэтъ въ высшей степени добросовѣстно относился къ новымъ своимъ обязанностямъ: участвовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ, ѣздилъ ревизовать дороги, слѣдилъ за производствомъ рекрутскаго набора **) и употреблялъ всѣ усилія, чтобы облегчить положеніе народа. Многообразныя и обременительныя занятія почти не даютъ поэту вре-

---

*) Бельшовскій 355, 356.

**) Вольфгангъ Гёте, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ Н. А. Холодковскаго. СПб. 1902.

мени на служеніе музамъ. Если и осѣняло его вдохновеніе, Гёте не могъ вполнѣ отдаваться ему и, томясь этой невозможностью, не въ силахъ былъ отказаться отъ служебной административной дѣятельности, которою,—онъ сознавалъ это—приносилъ великую пользу населенію.

Нѣкоторые писатели дѣлаютъ предположеніе, что однимъ изъ поводовъ къ созданію „Ифигеніи" была уже упомянутая просьба композитора Глюка написать текстъ для кантаты въ память его умершей племянницы. Съ этой просьбой Глюкъ обратился къ Виланду въ апрѣлѣ 1776 г. Много лѣтъ спустя Гёте продиктовалъ однажды своему секретарю Римеру: „Въ Швальбенштейнѣ близъ Ильменау sereno die quieta mente, послѣ трехлѣтняго обдумыванья, я въ одинъ день написалъ четвертый актъ „Ифигеніи"". Изъ дневника Гёте мы знаемъ, что этотъ четвертый актъ былъ написанъ въ Швальбенштейнѣ 19-го марта 1779 г. Если отсчитать три года назадъ, то получится приблизительно то время, когда Виландъ пришелъ къ Гёте съ письмомъ отъ Глюка. Опера послѣдняго „Ифигенія въ Авлидѣ" была написана за годъ до пріѣзда Гёте въ Веймаръ. Быть можетъ первая мысль объ „Ифигеніи" зародилась въ умѣ Гёте вслѣдствіе приведенныхъ обстоятельствъ *). Несомнѣнно, что сложное и запутанное развитіе драматическаго дѣйствія въ „Ифигеніи" потребовало отъ Гёте многолѣтняго обдумыва-

---

*) Herman Grimm, Vorlesungen 334.

нія, иначе онъ не могъ бы осилить его въ полтора мѣсяца.

Ближайшимъ поводомъ къ написанію „Ифигеніи“ могло быть и радостное событіе въ семьѣ герцога Карла-Августа: 3-го февраля 1779 г. родилась у него дочь Луиза-Августа-Амалія. Появленіе на свѣтъ членовъ герцогскаго дома было принято праздновать парадными спектаклями. 14-го февраля Гёте началъ „Ифигенію“, а 28-го марта того же 1779 года она была уже окончена (въ первоначальной обработкѣ). Такая быстрота можетъ быть указываетъ на то, что драма писалась къ опредѣленному сроку. 14-го марта состоялся первый послѣ родовъ выходъ герцогини Луизы въ церковь. Наканунѣ вечеромъ Гёте читалъ первые три акта герцогу и Кнебелю, 19-го, какъ мы только что видѣли, написанъ четвертый актъ, 28-го драма окончена, а 6-го апрѣля во вторникъ на пасхѣ состоялось въ Эттерсбургѣ первое представленіе*).

Миѳъ объ „Ифигеніи“ былъ извѣстенъ Гёте изъ „Орестеи“ Эсхила, изъ „Электры“ Софокла, изъ обѣихъ „Ифигеній“ Еврипида и изъ римскаго баснописца Гигина**). Произведенія французской псевдоклассической литературы, которая часто прибѣгала къ этому миѳу, равно какъ и нѣмецкія подражанія

*) Hans Morsch, Aus der Vorgeschichte von Goethes Iphigenie. Vierteljahrschrift für Litteraturgeschichte. Weimar 1891. 4 B. Ss. 112, 113.

**) Goethes Iphigenie. Festvortrag gehalten in Weimar bei der dritten Generalversammlung der Goethe Gesellschaft von Kuno Fischer. Heidelberg 1900. S. 13.

имъ, перечисленныя въ началѣ этой статьи, могли также оказать нѣкоторое вліяніе на Гёте.

Въ то время нѣмецкую литературу начиналъ манить къ себѣ античный міръ. Связи съ окружающей дѣйствительностью не были признаваемы. Поэты рыскаютъ за своими темами въ прошедшее. Эпоха не могла не отразиться на Гёте. „Несмотря на глубокій реализмъ его натуры, который съ такимъ блескомъ обнаружился на его юношескихъ произведеніяхъ, на его „Гётцѣ" и „Вертерѣ", и на который его пріятель Меркъ указывалъ, какъ на отличительную черту его дарованія, поэтъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ сталъ обращаться къ эллинизму. Страстныя порыванія его къ античному міру обнаружились на „Ифигеніи". На нее можно смотрѣть какъ на первую попытку Гёте возсоздать въ художественномъ произведеніи сюжетъ изъ греческой жизни въ строгой, обработанной, выглаженной формѣ. Въ этомъ первомъ опытѣ Гёте старается примирить греческую тему съ новымъ міровоззрѣніемъ; матеріалъ, заимствованный имъ изъ греческихъ классиковъ, онъ обрабатывалъ самостоятельно, въ духѣ новаго времени, въ духѣ *гуманнаго* направленія XVIII вѣка, и дѣйствующія лица въ „Ифигеніи" являются проникнутыми идеями и чувствованіями просвѣтительнаго столѣтія" *).

Современная намъ драма возникла и развилась въ Испаніи, Франціи и Англіи, говоритъ Германъ Гриммъ. Въ Италіи ее замѣняла опера, и эта форма

*) Шаховъ 224, 225, 227, 228.

въ теченіе XVII и XXIII столѣтій достигла тамъ такого успѣха, что перейдя во Францію, Англію и Германію, стала соперничать съ драмой.

Драма появилась какъ отраженіе народной жизни, а опера процвѣтала только при дворахъ, какъ времяпрепровожденіе исключительно высшаго общества. Драма стремилась изображать національные образы и событія, а опера придерживалась образовъ античнаго міра, которые въ Италіи, Франціи, Англіи и всюду, куда она ни проникала, выражали одни и тѣ же чувства, преимущественно на итальянскомъ языкѣ. Драма возбуждаетъ, волнуетъ; опера — смягчаетъ, успокаиваетъ.

Драма находится въ связи съ общимъ движеніемъ и развитіемъ литературы и культуры столѣтія, а опера остается тѣмъ же, чѣмъ была въ началѣ: растеніемъ, которому нѣтъ дѣла до климата страны давшей ей пріютъ, вывезеннымъ, искусственно поддерживаемымъ явленіемъ.

Когда въ Италіи возродился современный театръ, съ самаго начала стали дѣлить драматическія произведенія на трагедіи и комедіи, по примѣру ихъ античныхъ образцовъ. Подражая Плавту и Теренцію, въ комедіи придерживались разговорной формы, а въ трагедіи, какъ у древнихъ грековъ, процвѣтала высокопарная декламація съ пляской и хорами. Довольно было превратить монологи въ аріи и діалоги въ дуэты — и опера была готова. Въ этой формѣ и застыла опера. Музыка мѣнялась, композиторы все болѣе и болѣе значительные чередовались, а внѣшній

обликъ, литературная форма оперы оставалась все та же. Музыка ставила тексту одни и тѣ же требованія: композитору нужны были всегда понятное дѣйствіе, простыя, идеальныя лица и положенія, основанныя только на логикѣ сердца и страсти, съ исключеніемъ всего политико-историческаго.

Эти, не трудные для сочиненія, оперные тексты сдѣлались опредѣленною литературною формою. Отъ стиховъ не требовалось ни равной длины, ни риѳмы, ни даже доброкачественности. Однако находились стихотворцы, которые и въ этой простой, легкой формѣ, сдѣлавшейся почти излишнимъ дополненіемъ, умѣли создавать нѣчто самостоятельное: оперные тексты Метастазіо стали въ XVIII вѣкѣ настолько знамениты красотою и изяществомъ языка, что ихъ играли на итальянскихъ сценахъ безъ музыки. Эту форму опернаго текста избралъ Гёте для своей „Ифигеніи“ *). Возможно, что ему хотѣлось доказать воспитанному на французской ложно-классической трагедіи Карлу-Августу, что ее не трудно воспроизвести и на нѣмецкомъ языкѣ.

„Ифигенія“ въ первоначальномъ своемъ видѣ написана прозой.

14-го февраля, въ своемъ Gartenhaus, подкрѣпившись десятичасовымъ сномъ, началъ Гёте диктовать первыя строки „Ифигеніи“. Въ тотъ же вечеръ онъ пишетъ г-жѣ фонъ Штейнъ: „Я цѣлый день вынашиваю „Ифигенію“, такъ что въ головѣ у меня со-

*) Herman Grimm, Vorlesungen 330—332.

всѣмъ сумбурно. Безъ всякаго таки настроенія, съ одной только ногой въ стремени Пегаса, очень трудно создать что нибудь, что было бы не всецѣло разодѣто въ каленкоровое тряпье. Я пригласилъ музыку (придворныхъ музыкантовъ), чтобы успокоить душу и развязать творческія мысли".

Черезъ недѣлю, 22-го, послѣ очень утомительнаго трудового дня онъ опять пишетъ Шарлоттѣ: „Ласкающіе звуки постепенно освобождаютъ мою душу отъ путъ протоколовъ и актовъ. Въ сосѣдней зеленой комнатѣ у меня квартетъ, и вотъ я сижу и тихо маню къ себѣ далекіе призраки. Одна сцена, думаю я, будетъ сегодня готова".

Дюнтцеръ*) полагаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о 1-мъ явленіи II дѣйствія, такъ же какъ и въ дневникѣ, въ которомъ подъ 24-мъ февраля Гёте отмѣчаетъ: „Вечеромъ грезилъ объ „Ифигеніи"". Того же числа онъ пишетъ своей подругѣ: (письмо 784)**). „Кое что приписалъ къ моей „Ифигеніи" и надѣюсь, что совладаю съ нею". Повидимому онъ тогда работалъ надъ различными сценами. 26-го и 27-го февраля въ Веймарѣ производился рекрутскій наборъ, и служебныя обязанности требовали, чтобы поэтъ разъѣзжалъ по странѣ. Онъ выѣхалъ изъ Веймара 28-го и надѣялся въ пути закончить драму. По окончаніи набора онъ записываетъ 1-го марта въ Іенѣ, что піеса

*) Goethes Iphigenie auf Tauris. Erläutert von Heinrich Düntzer. Leipzig 1899.

*) Въ изданіи Adolf Schöll 305.

подвигается. Въ дневникѣ онъ упоминаетъ о ней 1-го, 3-го и 4-го марта. Съ 3-го по 5-е Гёте заперся въ тихомъ, прелестномъ замкѣ Дорнбургѣ, чтобы отдаться своей творческой работѣ. Вѣроятно тамъ была написана бо̀льшая часть третьяго дѣйствія. „Все еще надѣюсь", извѣщаетъ онъ изъ Дорнбурга возлюбленную, „что 11-го или 12-го, когда я вернусь домой, моя піеса будетъ готова. Пока еще это только набросокъ, а тамъ увидимъ, какія наложить краски".

Изъ шумной Апольды сообщаетъ онъ Шарлоттѣ 6-го марта: „Царь Тавриды долженъ говорить, будто въ Апольдѣ не голодаетъ ни одинъ чулочникъ". Дюнтцеръ относитъ эти слова къ діалогу Ифигеніи съ Ѳоантомъ въ 3-мъ явленіи I дѣйствія и полагаетъ, что въ эти дни Гёте заполнялъ пропуски въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ. Въ Бутстедтѣ, куда онъ отправился 7-го, творческая работа захватила его такъ сильно, что онъ писалъ окруженный обступавшими его рекрутами. Такъ засталъ его Кнебель 8-го марта. На другой день Гёте отправился въ Альштедтъ, гдѣ занесъ въ свой дневникъ: „Трудился надъ тремя дѣйствіями". Они удались ему вполнѣ только 11-го, когда онъ возвратился къ себѣ въ Веймаръ. 15-го марта поэтъ посылаетъ эти три дѣйствія Кнебелю, который въ представленіи, назначенномъ на 6-е апрѣля, долженъ былъ играть роль Ѳоанта. Кнебель сперва не соглашался выступать на сценѣ, но убѣждаемый поэтомъ, потомъ уступилъ. 16-го марта Гёте выѣхалъ верхомъ въ Ильменау, весь погруженный въ обдумыванье четвертаго дѣйствія. Неподалеку

оттуда, на высокой горѣ Швальбенштейнѣ, въ досчатомъ домикѣ онъ 19-го, въ ясный день въ одинъ присѣстъ написалъ все дѣйствіе, конецъ котораго носитъ явные слѣды окружающей мѣстности. Пятое дѣйствіе удалось поэту 28-го марта въ Веймарѣ.

Рукопись этой первоначальной обработки „Ифигеніи", принадлежавшая Кнебелю, хранится въ королевской библіотекѣ въ Берлинѣ. Первыя 30 страницъ написаны Гёте собственноручно, а остальныя 58 рукою писаря*).

Въ назначенный день ко всеобщему удовольствію въ Эттерсбургѣ состоялось первое представленіе. Гёте игралъ Ореста, Кнебель Ѳоанта, Корона Шрётеръ Ифигенію, принцъ Константинъ Пилада и оберъ-секретарь консисторіи Зейдлеръ Аркада. Игра Гёте въ серьезныхъ піесахъ отличалась обыкновенными недостатками игры любителей: принужденной бойкостью и натянутымъ паѳосомъ; прекрасный его голосъ раздавался звучно, но не оттѣнялъ мысли какъ слѣдуетъ**). „Никогда не забуду я того впечатлѣнія", говоритъ докторъ Гуфеландъ, присутствовавшій среди зрителей на первомъ представленіи „Ифигеніи

*) H. Düntzer, Die drei ältesten Bearbeitungen von Goethes Iphigenie. Stuttgart u. Tübingen 1854. — Gymnasium in Buchsweiler. Beilage zum Programm für das Schuljahr 1883—1884. M. Reckling, Göthes Iphigenie auf Tauris nach den Vier überlieferten Fassungen. Colmar, 1884. — Goethes Iphigenie auf Tauris. In Vierfacher Gestalt herausgegeben von Jakob Baechtold. Freiburg i. B. u. Tübingen. 1883.

**) Думшинъ 179.

въ Тавридѣ“, „какое произвелъ Гёте въ роли Ореста. Передъ нами какъ будто живой явился самъ Аполлонъ.

Едва-ли кто когда видывалъ такое чудное соединеніе въ одномъ человѣкѣ и тѣлесной и духовной красоты*).

12-го апрѣля спектакль былъ повторенъ. Черезъ три мѣсяца герцогъ игралъ роль Пилада вмѣсто своего строптиваго брата въ присутствіи Мерка.

Уже въ слѣдующемъ 1780 году Гёте принялся передѣлывать первоначальный текстъ „Ифигеніи“, замѣняя прозу ямбическими стихами не равной длины. У Кнебеля была рукопись (теперь не существующая) этой второй обработки; въ іюлѣ 1780 г. онъ привезъ ее въ Цюрихъ, гдѣ Лафатеръ собственноручно снялъ съ нея списокъ и подарилъ его герцогу Дессаускому Францу-Леопольду-Фридриху, съ которымъ былъ въ дружбѣ. Этотъ списокъ Лафатера донынѣ хранится въ герцогской библіотекѣ въ Дессау. Одинъ изъ друзей Лафатера, Оскаръ Армбрустеръ, напечаталъ изъ нея нѣсколько сценъ въ Schwäbisches Museum въ 1785 году безъ вѣдома Гёте. Существовалъ и другой списокъ этой второй обработки; онъ сгорѣлъ въ пожарѣ Страсбургской библіотеки.

13-го октября того же 1780 г. Гёте пишетъ Лафатеру: „Мнѣ не охота не однократно переписывать мою „Ифигенію“ и распространять ее въ людяхъ, такъ какъ я стараюсь придать ей болѣе гармоніи

*) Льюисъ 317.

въ стилѣ, а потому то здѣсь, то тамъ дѣлаю измѣненія“ *).

Съ апрѣля по ноябрь 1781 года Гёте продолжалъ передѣлывать свою драму, на этотъ разъ опять въ прозѣ. Такимъ образомъ получилась третья обработка „Ифигеніи“. Здѣсь замѣтны значительныя измѣненія, дополненія и исправленія. Въ этомъ видѣ драма была впервые напечатана въ 1839 году. Существуетъ нѣсколько списковъ этой третьей обработки, въ Веймарѣ, Готѣ и Ольденбургѣ.

Когда въ 1786 году Гёте предпринялъ первое изданіе собранія своихъ сочиненій, онъ снова пересмотрѣлъ „Ифигенію“. 15-го іюня этого года онъ пишетъ изъ Ильменау г-жѣ фонъ Штейнъ, прося послать ея экземпляръ „Ифигеніи“ Виланду, „который знаетъ, что съ ней надо сдѣлать“. Черезъ десять дней онъ за обѣдомъ совѣтуется съ Виландомъ насчетъ измѣненій въ своей драмѣ **). Проза третьей обработки была переписана стихами, что не представляло особыхъ затрудненій, такъ какъ прозаическій текстъ состоялъ изъ болѣе или менѣе ритмическихъ строкъ ямбическаго характера. Этотъ трудъ былъ исполненъ въ іюлѣ и августѣ въ Карльсбадѣ, куда Гёте поѣхалъ съ герцогомъ, Гердеромъ и г-жой фонъ Штейнъ ***). Онъ вѣроятно диктовалъ свою драму въ этомъ новомъ ея видѣ сопровождавшему

---

*) Reckling 5. — Baechtold VI.

**) A. Schöll 221. 222.

***) Думшинъ 81.

его канцелярскому секретарю Фогелю. По этому новому списку поэтъ читалъ свое произведеніе Карлу-Августу, на котораго чтеніе сильно подѣйствовало, такъ какъ напомнило ему, особенно вторымъ дѣйствіемъ, тѣсную дружбу съ авторомъ въ первые веймарскіе годы. На другой день послѣ чтенія Гёте пишетъ г-жѣ фонъ Штейнъ, которая вернулась въ Веймаръ: „Теперь, что „Ифигенія" разрѣзана на стихи, она мнѣ снова милѣе: легче увидать, что̀ требуетъ исправленія. Работаю надъ ней и завтра надѣюсь кончить" (23-го августа 1786 г.)*). Но Гёте ошибался: ему суждено было еще долго трудиться надъ таврической жрицей. Уже черезъ недѣлю онъ пишетъ пріятельницѣ, что въ „Ифигеніи" многое измѣнено, и что ее снова переписываютъ.

Утромъ 1-го сентября его навѣстилъ Гердеръ и посовѣтовалъ придать стиху больше полноты и однообразія, т. е. замѣнить чередующіяся короткія и длинныя строки стихами опредѣленнаго протяженія. Гердеръ привелъ ему какъ образецъ древне-греческихъ драматурговъ „Электру". Въ тотъ же день Гёте пишетъ Гердеру: „Послѣ твоего ухода я опять читалъ „Электру" Софокла. Длинные ямбы безъ урѣзки и перекаты и переливы періода такъ сильно во мнѣ запечатлѣлись, что ухабистыя короткія строчки „Ифигеніи" мнѣ теперь кажутся неблагозвучными и неудобными. Я сейчасъ началъ передѣлывать первую сцену. Но чтобы не зайти слишкомъ далеко и уста-

*) Düntzer, Erläuterungen 25. — A. Schöll 232.

новить мѣру и цѣль, прошу тебя около 5 часовъ дать мнѣ урокъ. Я буду у тебя". Гердеръ посовѣтовалъ ему взять рукопись съ собою въ дорогу и продолжать работу*).

Путешествіе въ Италію и послѣдняя обработка „Ифигеніи".

Прежде чѣмъ разсказывать о поѣздкѣ Гёте въ Италію, изложу причины, побудившія его предпринять путешествіе, имѣвшее для него большое значеніе. Для этого надо вернуться на нѣсколько лѣтъ назадъ.

„Строгая преданность службѣ со стороны поэта требовала отъ него геройской рѣшимости; но онъ твердо держался предначертаннаго пути и не поддавался ни соблазну поэзіи, ни различнымъ искушеніямъ, являвшимся какъ извнѣ, со стороны другихъ людей, такъ и въ видѣ внутреннихъ побужденій собственной души. Всѣ эти голоса онъ считалъ злыми духами, которые старались помѣшать ему въ достиженіи его благихъ цѣлей. Онъ почти насильственно подавлялъ въ себѣ свои поэтическія стремленія. „Насколько возможно, я отвожу воды отъ этихъ фонтановъ и каскадовъ и направляю ихъ къ мельницамъ и полямъ, требующимъ поливки; но неожиданно для меня самого какой то злой геній вдругъ поворачиваетъ кранъ, и опять все бурлитъ и летитъ брызгами кверху".— „Какой то злой геній, пользуясь тѣмъ, что

*) Düntzer 25, 26.

я далеко отъ васъ, рисуетъ мнѣ тягостную сторону моего положенія и совѣтуетъ спасаться бѣгствомъ". Такъ писалъ онъ г-жѣ фонъ Штейнъ въ 1780 и 1781 гг.

„Меркъ всѣми силами старался отвлечь его отъ каторжной службы и сталъ дѣйствовать черезъ мать поэта, чтобы заставить его бросить злополучную служебную дѣятельность. Но и увѣщанія матери были не въ силахъ поколебать Гёте. Онъ писалъ ей во Франкфуртъ: „Прошу васъ, не безпокойтесь о мнѣ и не впадайте ни въ какія заблужденія на мой счетъ... Только крайне важныя соображенія, или совершенно особенныя, неожиданныя стеченія обстоятельствъ могли бы заставить меня покинуть мой постъ; да и относительно меня самого было бы непростительно, еслибы въ то время, когда посаженныя деревья начинаютъ рости, и когда уже можно надѣяться при жатвѣ отдѣлить сорныя травы отъ пшеницы, я бы вдругъ ушелъ изъ-за какой нибудь непріятности и самъ лишилъ бы себя тѣни, плодовъ и жатвы". (1781).

„Такимъ образомъ онъ остается на своемъ поприщѣ и даже еще болѣе углубляется въ него; въ радости по поводу успѣха, достигнутаго въ военной коммиссіи, онъ высказываетъ желаніе стать во главѣ болѣе обширной отрасли управленія. Лѣтомъ слѣдующаго года онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ камеры. Чтобы терять поменьше времени на переѣзды онъ покинулъ свой любимый домикъ въ саду (Gartenhaus) и переѣхалъ въ городъ, въ домъ около Фрауэнплана, въ которомъ съ этого времени и жилъ

Изъ „Силуэтовъ благородныхъ нѣмцевъ“
Федера. Галле 1783.

до самой смерти. Для него это была тяжелая жертва, хотя онъ и старался съ улыбкой увѣрить себя въ противномъ. Онъ по прежнему отстранялъ отъ себя всякую мысль сбросить бремя службы. Если подобныя мысли и не представлялись ему болѣе, какъ искушенія злого духа, то во всякомъ случаѣ онъ видѣлъ въ нихъ проявленіе слабости, недостойной мужчины. Судьба возложила на него извѣстный долгъ, этотъ долгъ долженъ быть исполненъ, и въ исполненіи его онъ долженъ найти свое счастье.

„Лѣтомъ 1784 г. истекалъ тотъ срокъ, на который Гёте принялъ на себя предсѣдательство камеры. Онъ достигъ того, чего добивался, а именно порядка и экономіи. У него невольно должна была иногда мелькать мысль, не пора ли теперь сбросить съ себя бремя государственныхъ заботъ и посвятить свои силы и послѣдующіе годы другимъ высокимъ задачамъ своей жизни. При этомъ онъ могъ имѣть въ виду не только свое поэтическое призваніе, но и чисто научную дѣятельность, ибо она настолько расширилась и привела его къ такимъ плодотворнымъ идеямъ, что онъ не могъ не чувствовать живѣйшей потребности разработать эту область человѣческаго духа въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

„Сама служба натолкнула его на этотъ путь и заставила его приняться за занятія естествовѣдѣніемъ. Постройка дорогъ и горное дѣло привели его къ изученію минералогіи и геологіи, лѣсное и полевое хозяйство — къ изученію ботаники, а лекціи о сложеніи человѣка, читавшіяся въ веймарской рисоваль-

ной школѣ, побудили его болѣе тщательно ознакомиться съ анатоміей.

„Мысль: надо спасаться бѣгствомъ — постепенно обратилась въ твердое рѣшеніе. Никакихъ разсужденій о томъ, какъ ѣхать, куда, на сколько времени — внезапное исчезновеніе казалось единственнымъ вѣрнымъ исходомъ. По мѣрѣ того, какъ его положеніе въ Веймарѣ становилось тяжелѣе, въ немъ развивалось съ непомѣрной силой страстное влеченіе къ Италіи.

„Лѣтомъ 1786 г. ему открылась наконецъ возможность уѣхать. Что касалось внутренняго управленія, то Гёте настолько хорошо устроилъ всѣ дѣла, что могъ спокойно передать ихъ въ другія руки.

„2-го сентября изъ Карльсбада онъ написалъ герцогу, Гердеру и г-жѣ фонъ Штейнъ, извѣщая ихъ о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ, но при этомъ не говорилъ ни слова ни о цѣли, ни о продолжительности своего путешествія“ *).

Гёте послушался совѣта Гердера. Уже въ Торболе, на берегу Гардскаго озера онъ 12-го сентября трудится надъ первымъ монологомъ Ифигеніи, перелагая его въ пятистопный ямбъ **). Этимъ размѣромъ писалъ онъ и ранѣе; имъ напр. написанъ „Эльпеноръ“; то была первая попытка, являвшаяся нововведеніемъ, такъ какъ въ то время нѣмецкія піесы по примѣру французскихъ было принято писать шестистопнымъ александрійскимъ стихомъ ***).

---

*) Бельшовскій 303—312.

**) Düntzer, Erläuterungen 27.

***) Шерръ 241.

Въ Веронѣ, Виченцѣ и Венеціи (сентябрь) Гёте посвящаетъ своей работѣ самые ранніе утренніе часы. Но вскорѣ произошла заминка; 7-го октября онъ не могъ добиться ни одного стиха, и у поэта стала пропадать охота къ труду. Новыя впечатлѣнія, изученіе архитектуры Палладіо, которою онъ не могъ вдоволь налюбоваться, отвлекали мысли Гёте отъ „Ифигеніи". Къ тому же его затрудняло разрѣшеніе узла дѣйствія въ IV актѣ. Онъ размышлялъ объ Еврипидѣ, который имѣлъ невѣроятный успѣхъ, хотя значительно уступалъ въ искусствѣ своимъ предшественникамъ. Гёте желалъ имѣть въ виду при созданіи своей „Ифигеніи" болѣе чистое настроеніе этихъ предшественниковъ Еврипида и сильнѣе выразить именно это чистое настроеніе. Онъ пишетъ Гердеру, что „Ифигенія" на пути къ полной кристаллизаціи, что четвертый актъ будетъ передѣланъ почти за ново; ему кажется, что разрѣшеніе затруднявшаго его узла потребуетъ большой перемѣны въ дѣйствіи. Наиболѣе законченныя мѣста особенно мучаютъ его: „мнѣ бы хотѣлось подогнуть ея нѣжную головку подъ ярмо стиха и въ то же время не переломить ей шею. Странно, что съ размѣромъ слоговъ находишь большей частью и болѣе удачныя выраженія".

На дорогѣ изъ Ченто въ Болонью между сномъ и бдѣніемъ пришелъ ему въ голову планъ „Ифигеніи въ Дельфахъ". Поэтъ думалъ совершенно измѣнить содержаніе пятаго дѣйствія; но этотъ планъ не былъ осуществленъ *).

---

*) Düntzer, Erläuterungen 27—29.

Въ Болоньѣ, въ картинной галлереѣ поразило его изображеніе святой Цециліи Рафаэля. Такъ говорится въ біографіяхъ Бельшовскаго и Думпина, и я думаю, что они правы: св. Цецилія — самая выдающаяся картина болонской галлереи. Другіе писатели: Дюнтцеръ, Куно Фишеръ, Германъ Гриммъ, Холодковскій называютъ св. Агату, о которой ничего не извѣстно, или по крайней мѣрѣ слишкомъ мало. Во образѣ этого идеала увидалъ Гёте свою Ифигенію и желалъ придать ей лишь такія рѣчи, какія могли бы сорваться съ устъ святой на картинѣ.

По поводу разногласія біографовъ Гёте въ опредѣленіи поразившей поэта картины съ позволенія А. Д. Бутовскаго привожу здѣсь его пространную обстоятельную замѣтку по вопросу о св. Цециліи и св. Агатѣ.

„Въ „Итальянскомъ путешествіи", въ письмѣ изъ Болоньи (18-го октября 1786 г.), Гёте отмѣчаетъ: „Сегодня утромъ, до разсвѣта, выѣхалъ я изъ Ченто и довольно скоро прибылъ сюда. Расторопный и свѣдущій наемный слуга, узнавъ, что я не долго намѣренъ здѣсь оставаться, гонялъ меня по столькимъ улицамъ, по столькимъ дворцамъ и церквямъ, что я едва могъ отмѣтить въ своемъ экземплярѣ Фолькмана, гдѣ я былъ; и Богъ знаетъ, припомню ли я со временемъ всѣ эти вещи по этимъ отмѣткамъ. Вспомню здѣсь однако нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, истинно утѣшившихъ меня".

„Во-первыхъ, „Цецилія" Рафаэля! Она такова, какою я заранѣе представлялъ ее себѣ, но теперь

Болонская галлерея.
Св. Цецилія. Рафаэль.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

только увидѣлъ собственными глазами: онъ всегда дѣлалъ именно то, что другіе желали сдѣлать, и мнѣ хотѣлось бы ничего теперь не говорить о ней, кромѣ того, что она дѣйствительно его работы. Пять святыхъ, одинъ подлѣ другого, съ которыми мы не имѣемъ ничего общаго, но которыхъ существованіе такъ живо и полно изображено передъ вами, что картинѣ желаешь сохраниться навѣки, примиряясь съ тѣмъ, что самъ преходящъ...“

„Впечатлѣніе, очевидно, было сильное.

„На другой день утромъ, въ одной изъ церквей, онъ видитъ большую картину Гвидо, восторгается ея живописными достоинствами, но возмущается ея сюжетомъ, какъ и вообще сюжетомъ мастеровъ болонской школы: „постоянно анатомія, лобное мѣсто, живодерня...“

„Послѣ обѣда, „нѣсколько мягче и снисходительнѣе настроенный“, онъ любуется, въ палаццо Танари, „Кормящею мадонною“ Гвидо, очень хвалитъ „Обрѣзаніе“ Гверчино, не указывая, гдѣ оно находится, и записываетъ въ другой разъ, что видѣлъ работу Рафаэля, или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторою вѣроятностью ему приписываемую, и тотчасъ почувствовалъ себя совершенно исцѣленнымъ и радостнымъ. Эта картина, превосходная, хотя и не совсѣмъ хорошо сохранившаяся, изображаетъ, по его словамъ, св. Агату. — „Художникъ придалъ ей—говоритъ онъ— здоровую, спокойную дѣвственность, но безъ холодности и суровости. Я хорошо запомнилъ ея фигуру и буду мысленно читать ей свою „Ифигенію“; я не

буду влагать въ уста своей героини ничего, что бы не могла сказать эта святая".

„Тутъ тоже впечатлѣніе очень сильное, и это мѣсто въ „Итальянскомъ путешествіи" получаетъ значеніе вслѣдствіе параллели, проведенной Гёте, между видѣнной имъ на картинѣ святой и занимавшей его въ то время „Ифигеніей".

„Однако именно эта запись 19-го октября приводитъ въ недоумѣніе, особенно если сопоставить ее съ тѣмъ, что было записано наканунѣ.

„Начать съ того, что въ новыхъ путеводителяхъ и каталогахъ мы не находимъ въ Болоньѣ ни палаццо Танари, ни „Кормящей мадонны" Гвидо, ни „Обрѣзанія" Гверчино, ни „Св. Агаты" Рафаэля. Чтобы пролить нѣкоторый свѣтъ на эти строки Гёте, надо было обратиться къ старымъ источникамъ. Въ Эрмитажѣ нашлась книжка, изданная въ Болоньѣ въ 1792 г., то есть всего шесть лѣтъ послѣ того, какъ тутъ проѣздомъ былъ Гёте. Книжка озаглавлена: Pitture, scolture ed architetture delle chiese, luoghi publici, palazzi, e case della cità di Bologna e suoi subborghi. In Bologna. MDCCXCII. Nella stamperia del Longhi. — Тутъ есть палаццо Танари. Онъ показанъ на Canale di Reno, по сосѣдству съ церковью S. Bartolomeo. Въ немъ было богатое собраніе картинъ трехъ Караччи, Гвидо Рени, Альбано, Гверчино и другихъ мастеровъ этой школы. Но „Кормящей мадонны" Гвидо между ними не показано, и о ней нигдѣ не упомянуто, какъ будто такой картины вовсе не было въ Болоньѣ.

„Вообще свѣдѣнія о коллекціи Танари не полны. Такъ, въ ней должна была въ то время находиться картина Гверчино „Взятіе Богородицы на небо“, написанная въ 1623 г. для Александра Танари и купленная въ 1844 г. у его наслѣдниковъ для нашего Эрмитажа. Однако, ни Гёте ее не видѣлъ, ни въ описаніи она не показана.

„„Обрѣзаніе“ Гверчино отмѣчено въ книжкѣ, но не въ палаццо Танари, а въ большомъ алтарѣ церкви Іисуса и Маріи (all Altar maggiore della chiesa delle M. M. Gesù e Maria). Вѣроятно Гёте здѣсь его и видѣлъ.

„„Св. Агаты“ Рафаэля нѣтъ и не могло быть въ Болоньѣ, такъ какъ Рафаэль никогда не писалъ св. Агаты.

„Въ Болоньѣ, въ то время, находились двѣ картины, приписываемыя Рафаэлю:

„Il S. Gio: Battista, nell' Appartamento del Gonfaloniere nel publico Palazzo.

„La Santa Cecilia, nella settima Capella a sinistra in S. Gio: in Monte.

„Первая изъ этихъ картинъ и тогда считалась сомнительной подлинности. Была такимъ образомъ, въ Болоньѣ, одна только подлинная картина Рафаэля— Св. Цецилія. Но Гёте видѣлъ св. Цецилію наканунѣ, 18-го октября, и одно уже то, что онъ упоминаетъ о пяти святыхъ, доказываетъ, что это была именно извѣстная картина Рафаэля. Какую же другую картину этого мастера могъ онъ видѣть 19-го октября? Очевидно, тутъ есть какая то ошибка: либо онъ оши-

бается именемъ святой, либо принимаетъ другую картину за картину Рафаэля. Послѣднее было бы довольно вѣроятно, въ виду его тогдашнихъ небольшихъ еще свѣдѣній въ исторіи живописи. Но, если при немъ былъ свѣдущій человѣкъ, то этого не могло случиться. Никакой чичероне въ Болоньѣ не могъ ошибиться въ этомъ отношеніи и выдать ему работу другого мастера за Рафаэля. Если Гёте видѣлъ въ Болоньѣ изображеніе женщины, работы Рафаэля, то онъ могъ видѣть только св. Цецилію. Такъ это, конечно и было, и на этотъ разъ онъ только ошибся именемъ святой, что̀ при его равнодушіи къ религіозному содержанію видѣнныхъ имъ картинъ возможно. Случилось то, что онъ и предвидѣлъ: „Богъ знаетъ, припомню ли я со временемъ всѣ эти вещи по моимъ отмѣткамъ“. — Онъ собирался читать свою Ифигенію не св. Агатѣ, а св. Цециліи, и образъ этой святой долженъ былъ вдохновлять его въ его творчествѣ.

„Въ октябрѣ 1513 г. Elena Duglioli dall' Olio, благородная уроженка Болоньи, слышала неземные голоса, повелѣвавшіе ей посвятить одну капеллу въ церкви San Giovanni in Monte св. Цециліи. Родственникъ этой дамы, флорентинецъ Antonio Pucci, принялъ заботы по устройству капеллы на себя и просилъ своего дядю, кардинала Lorenzo Pucci, заказать Рафаэлю образъ св. Цециліи. — Картина была готова только въ 1516 г. Кромѣ св. Цециліи, на ней четыре святыхъ, — въ честь заказчика, который носилъ титулъ кардинала di Santi-Quattro: справа —

ап. Павелъ и Іоаннъ Богословъ, слѣва—Марія Магдалина и св. Августинъ (или, по новѣйшему толкованію, св. Петроній, покровитель Болоньи). Она была написана на деревѣ. Не вся она исполнена рукою Рафаэля. Вазари разсказываетъ, что органъ въ рукахъ св. Цециліи и музыкальные инструменты у ея ногъ написаны, по порученію мастера, его ученикомъ — Giovanni da Udine, очень искуснымъ въ изображеніи неодушевленныхъ предметовъ. Историкъ хвалитъ ученика за то, что онъ не нарушилъ единства исполненія.

„Окончивъ картину, Рафаэль отправилъ ее въ Болонью, живописцу Франческо Франчіа (Райболини) съ просьбою установить ее на назначенномъ для нея мѣстѣ. Они давно уже находились въ дружеской перепискѣ, и теперь Рафаэль предоставлялъ ему подправить картину, если она пострадала въ дорогѣ, и вообще исправить ее, если найдетъ въ ней какія либо погрѣшности. По свидѣтельству Вазари, Франчіа до этого никогда не видѣлъ никакой работы Рафаэля, такъ какъ преклонный возрастъ удерживалъ его въ Болоньѣ, и былъ теперь въ восторгѣ и отъ почетнаго порученія и отъ возможности видѣть наконецъ работу великаго мастера; но, при видѣ картины, онъ былъ такъ пораженъ ея красотою и такъ подавленъ сознаніемъ своего безсилія, что въ скоромъ времени умеръ. Позднѣйшіе историки не связываютъ этихъ двухъ событій. Франчіа дѣйствительно умеръ скоро послѣ этого, въ 1517 г., но это случилось въ холодную зиму, которая повліяла на его здоровье. Онъ успѣлъ однако

поставить картину въ S. Giovanni in Monte, гдѣ она и находилась, надъ гробницею Элены далль Оліо, до конца XVIII в. Гёте видѣлъ ее конечно въ этой церкви, въ седьмой капеллѣ налѣво.

„Въ 1796 г. французы взяли ее въ Парижъ, вмѣстѣ съ другими значительными предметами итальянскаго искусства. Здѣсь, въ 1803 г., она была переведена на холстъ. Присутствовавшій при этой операціи граверъ Boucher Desnoyers съ удивленіемъ разсказываетъ о свободѣ и безошибочности обнаружившихся на обратной сторонѣ контуровъ фигуръ. Изъ этого онъ заключаетъ, что очертанія были сдѣланы по предварительно исполненному картону.

„Въ 1815 г. картина была возвращена въ Болонью и помѣщена въ основанную тамъ въ 1810 г. Пинакотеку, гдѣ находится и въ настоящее время, подъ № 152“.

По пріѣздѣ въ Римъ 29-го октября, устроившись въ комнаткѣ, припасенной ему его пріятелемъ портретистомъ Тишбейномъ на Corso близъ Porta del Popolo, Гёте занялся переписываніемъ и передѣлкой драмы. Развязка узла въ IV дѣйствіи хотя и удалась ему, работа подвигалась медленно. 10-го ноября онъ пишетъ Гердеру: „Я самъ себя обманулъ этой піесой, думая, что работа будетъ легче. Не рѣшаюсь сказать, что̀ мною сдѣлано; ты увидишь“. Это вѣроятно относится къ IV дѣйствію. Каждое утро пишетъ онъ, еще лежа въ кровати, ежедневно овладѣваетъ новымъ мѣстомъ и цѣлое начинаетъ завершаться. 13-го декабря онъ радуется, что печатаніе

Гёте съ портрета Вильгельма Тишбейна, написаннаго въ Римѣ въ 1787 году.

собранія его сочиненій подается тихо, и что слѣдовательно „Ифигенія“ не опоздаетъ. Ему не хочется съ ней разстаться, его тянетъ къ исправленіямъ. 14-го пишетъ онъ пріятельницѣ: „Читалъ Тишбейну „Ифигенію“, которая скоро будетъ готова“. 29-го сообщаетъ онъ Гердеру о двухъ спискахъ законченной „Ифигеніи“, изъ которыхъ одинъ былъ его собственноручнымъ экземпляромъ, называемымъ имъ спискомъ по отношенію къ рукописи, взятой съ собой изъ Карльсбада, а другой былъ копіей, снятой съ этой рукописи однимъ швейцарцемъ. Но Гёте хочетъ задержать рукопись еще съ недѣлю, чтобы исправить тѣ стихи, которые при чтеніи остановили на себѣ его вниманіе. Только 13-го января 1787 г. отослалъ поэтъ свою собственную рукопись Гердеру черезъ посредство своего секретаря Филиппа Зейделя. „Вотъ тебѣ еще разъ нѣчто, въ чемъ больше такого, что я хотѣлъ сдѣлать, чѣмъ сдѣлалъ“, писалъ онъ. „Еслибъ только я приблизился къ представленію, которое ты составилъ себѣ объ этомъ художественномъ твореніи! Ибо я вполнѣ чувствую по твоимъ дружескимъ заботамъ объ этой піесѣ, что ты болѣе цѣнишь въ ней то, какой она могла бы быть, чѣмъ то, какова она есть. Лишь бы она показалась тебѣ гармоничнѣе! Читай ее сперва, какъ нѣчто новое, не сравнивая; потомъ, если хочешь, сличи со старой. Особенно прошу тебя кое гдѣ помочь благозвучію. На страницахъ съ загнутыми углами есть стихи, подчеркнутые карандашомъ, которые мнѣ не нравятся, но которыхъ я теперь уже не могу измѣнить. Съ этой піесой я

доработался до усталости; ты исправишь все это однимъ почеркомъ пера. Предоставляю тебѣ полномочіе. Я допустилъ нѣсколько полустиховъ тамъ, гдѣ они быть можетъ умѣстны, а также съ намѣреніемъ иногда разнообразить размѣръ. Прими ее и пусть твоя неисчерпаемая доброта будетъ ей на пользу. Читай ее съ дамами, покажи г-жѣ фонъ Штейнъ и дайте ей ваше благословеніе. Я хотѣлъ бы, чтобы ее просмотрѣлъ Виландъ, желавшій съ самаго начала, чтобы изъ прозы она превратилась въ стихи, и тѣмъ далъ мнѣ живѣе почувствовать ея несовершенство... Прости за докуку..." 17-го февраля поэтъ въ письмѣ къ Шарлоттѣ выражаетъ радость по поводу полученія извѣстія, что его рукопись дошла до Веймара; онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ, какое произведетъ она впечатлѣніе на его друзей.

Въ Римѣ Гёте охотно посѣщалъ знаменитую въ то время художницу Ангелику Кауфманъ, картины и рисунки которой пользовались большимъ успѣхомъ. У нея собиралось пріятное общество. Гёте говорилъ ей о планѣ и развитіи передѣлываемой имъ драмы, а 18-го февраля вечеромъ, незадолго до своего отъѣзда въ Неаполь прочелъ ей „Ифигенію" *). Впечатлѣніе, произведенное его созданіемъ на эту „отличную, нѣжную, умную и добрую женщину" *) доставило Гёте большую отраду. Позднѣе Ангелика Кауфманъ вознаградила его хорошенькимъ рисункомъ къ 3-му явленію III дѣйствія. Тишбейнъ присутствовалъ при

*) Düntzer 29—33.

Рисунокъ Ангелики Кауфманъ (Подлинникъ въ Goethe-National-Museum въ Веймарѣ), исполненный и подаренный ею Гёте въ Римѣ въ 1787 году.

этомъ чтеніи и еще черезъ 30 лѣтъ вспоминалъ, какъ глубоко оно его взволновало **).

Если „Ифигенія“ имѣла успѣхъ среди римскихъ знакомыхъ поэта, то веймарскіе друзья не порадовали его восторженными отзывами о драмѣ въ ея окончательномъ видѣ. Имъ была слишкомъ мила и памятна первоначальная ея обработка; они привыкли къ ней, каждое ея выраженіе было ими усвоено. Теперь же все это звучало слишкомъ ново и необычно. Въ благодарность за огромный трудъ и безконечныя усилія Гёте встрѣтилъ равнодушіе и холодность. Но нельзя слишкомъ строго винить тогдашнее веймарское общество и нѣмецкую публику за неумѣнье оцѣнить по достоинству произведеніе, которое въ наши дни считается однимъ изъ совершеннѣйшихъ созданій германской поэзіи. Гёте, геній котораго уже пережилъ крайности періода бури и натиска, на много лѣтъ опередилъ своихъ современниковъ. Для нихъ этотъ періодъ еще не прошелъ, они восторгались первыми твореніями Шиллера, „Разбойниками“, „Фіеско“, „Донъ Карлосомъ“, и спокойная, безстрастная красота ямбическихъ стиховъ „Ифигеніи“ была имъ не по плечу.

Но и среди тогдашнихъ цѣнителей истинной поэзіи были люди, сумѣвшіе оцѣнить какъ слѣдуетъ драму Гёте: Кнебель писалъ Гердеру 2-го марта 1787 г.: „Вотъ „Ифигенія“.— Она доставила мнѣ невыразимо

---

*) A. Schöll. II, 283.

**) Düntzer, Erläuterungen 33.

сладостное удовольствіе, такъ какъ ничто не можетъ сравниться съ этимъ полнымъ спѣлымъ плодомъ. Любитель искусства находитъ въ сравненіи ея съ первымъ наброскомъ развитіе, которое ставитъ поэта почти такъ же высоко, какъ и самое созданіе произведенія".

Въ письмѣ къ Кёрнеру отъ 14-го октября того же года Шиллеръ упоминаетъ о томъ, какъ Корона Шрётеръ читала ему и г-жѣ фонъ Штейнъ „Ифигенію" по первой рукописи Гёте, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ она игралась семью годами ранѣе. „Въ общемъ послѣдняя обработка все же совершеннѣе" *).

„Ифигенія въ Тавридѣ" вошла въ 3-й томъ перваго собранія (изъ четырехъ томовъ) сочиненій Гёте, вышедшаго въ іюнѣ 1787 года въ Лейпцигѣ.

Рукопись Гёте хранится въ его архивѣ; она состоитъ изъ 58 листовъ итальянской бумаги.

Въ началѣ 1800 г. Гёте, будучи директоромъ веймарскаго театра и желая разнообразить въ стилѣ и формѣ репертуаръ, вознамѣрился приспособить для сцены и свою „Ифигенію". Но воспоминанія о времени ея возникновенія и о годахъ послѣдующихъ ея переработокъ такъ сильно на него подѣйствовали, что онъ крайне неохотно принялся за дѣло и вскорѣ отказался отъ него.

Черезъ два года опять поднялся вопросъ о постановкѣ „Ифигеніи". Но Гёте рѣшительно отклонилъ всякое участіе въ этомъ и предоставилъ Шиллеру распоряжаться текстомъ по его усмотрѣнію. Шил-

*) Reckling 32.

леръ самъ руководилъ репетиціями. 15-го мая состоялось представленіе и заслужило всеобщее одобреніе. 2-го іюня „Ифигенію“ повторили. Лѣтомъ она шла по разу въ Лаухштедтѣ и Рудольштадтѣ, а въ Веймарѣ была возобновлена только 5-го января 1803 г. Берлинская сцена тоже поставила ее. По сохранившейся суфлерской тетради берлинскаго театра можно судить, какъ жестоко Шиллеръ урѣзалъ и исказилъ „Ифигенію“; она шла въ Берлинѣ несомнѣнно въ обработкѣ Шиллера. Онъ выпустилъ не только превосходныя поэтическія мѣста, но и такія, которыя вызываются взаимодѣйствіемъ и характеристикой ролей; неудачныя сокращенія мѣстами значительно ослабили изображаемое въ драмѣ*).

11-го февраля 1817 г. Цельтеръ писалъ Гёте изъ Берлина: „Если бы кто не зналъ, какъ должно любить тебя, тотъ пусть посмотритъ твою „Ифигенію“: ее только что играли. Все, что есть истиннаго и добраго въ природѣ, излилось надъ этой піесой. Въ ней являются люди, при видѣ которыхъ уважаешь человѣчество, уважаешь самого себя безъ малѣйшаго себѣ потворства. Это піеса высоко-нравственная, она заставила меня плакать, освѣжила душу, какъ и многимъ другимъ. Театръ былъ набитъ народомъ и сочувствіе невыразимо“ **).

---

*) Düntzer, Erläuterungen 34, 38—40.

**) Водовозовъ: „Ифигенія“ Гёте. Библіотека для Чтенія. Іюль 1856 г. стр. 99.

Здѣсь умѣстно привести разговоръ Гёте съ Эккерманомъ 1-го апрѣля 1827 г.*):

„Вечеромъ у Гёте. Я разсказывалъ ему о вчерашнемъ представленіи его „Ифигеніи“, въ которомъ г. Крюгеръ, артистъ берлинскаго королевскаго театра, съ большимъ успѣхомъ исполнялъ роль Ореста.

„— Піеса трудна для исполненія, сказалъ Гёте.— Она богата внутренней жизнью, но бѣдна внѣшней. Требуется, чтобъ внутренняя жизнь была выдвинута на первый планъ. Основу піесы составляютъ разнообразные ужасы, и изъ нихъ проистекаютъ охватывающія впечатлѣнія. Напечатанныя слова, право, только блѣдный отблескъ той жизни, которая кипѣла во мнѣ при замыслѣ. Актеръ же долженъ вновь передать тотъ первичный жаръ, который вдохновлялъ поэта. Мы должны видѣть грековъ, которыхъ еще недавно обвѣвало морскимъ вѣтромъ, сильныхъ героевъ; ихъ преслѣдовали, и имъ угрожали разныя бѣды и опасности, и теперь они въ сильной рѣчи высказываютъ, что̀ повелѣваетъ имъ сердце. Но мы вовсе не желаемъ видѣть слабосильныхъ актеровъ, не умѣющихъ чувствовать, которые кое-какъ затвердили роли наизусть, а еще менѣе — актеровъ, вовсе не знающихъ ролей. Я долженъ сознаться, что мнѣ еще ни разу не удавалось видѣть хорошаго исполнителя „Ифигеніи“. Вотъ почему я и вчера не пошелъ въ театръ. Я нестерпимо страдаю, когда при-

---

*) Въ переводѣ Аверкіева 316—319.

нужденъ бороться съ этими призраками, которые не могутъ стать тѣмъ, чѣмъ должны быть.

„— Вы, вѣроятно, остались бы довольны такимъ Орестомъ, какимъ явился г. Крюгеръ, сказалъ я. — Его игра была такъ ясна, что въ его роли не осталось ничего непонятаго, ничего темнаго. Онъ вполнѣ проникся ролью, и я не забуду ни его жестовъ, ни его рѣчи. Все, что Орестъ видитъ въ бреду, всѣ эти призраки, онъ такъ выражалъ своими жестами и чередующимися измѣненіями тона и голоса, что казалось, будто видишь ихъ во-очію. Видя такого Ореста, Шиллеръ, конечно, не пожелалъ бы присутствія Фурій; онѣ были и сзади, и вокругъ него. Всѣхъ сильно поразило то важное мѣсто роли, когда Орестъ, пробуждаясь отъ обморока, думаетъ, что онъ въ Аидѣ. Казалось, видишь ряды предковъ, которые бродятъ, разговаривая между собою; видишь, какъ Орестъ подходитъ къ нимъ, спрашиваетъ ихъ и, наконецъ, сливается съ ними. Казалось, будто самъ умеръ и очутился среди блаженныхъ тѣней; такъ чисто и глубоко чувствовалъ артистъ, и такъ великъ его талантъ, что онъ заставлялъ какъ бы видѣть во-очію то, что трудно представить.

„— О, вы еще изъ тѣхъ, на которыхъ можно произвести впечатлѣніе! смѣясь сказалъ Гёте. — Но продолжайте. Онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ былъ хорошъ. Чтожь, у него богатыя физическія средства?

„— Голосъ у него чистый и звучный; онъ его много упражнялъ и достигъ высокой степени гибкости и разнообразія. Онъ легко побѣждалъ трудности,

благодаря физической силѣ и подвижности; казалось, что онъ всю жизнь не пренебрегалъ тѣлесными упражненіями.

„— Актеру, по настоящему, сказалъ Гёте, слѣдуетъ также учиться у скульптора и живописца. Такъ, для исполненія роли греческаго героя, ему необходимо хорошо изучить всѣ дошедшія до насъ античныя статуи и воспринять въ себя безъискусственную грацію ихъ посадки, стоянія и походки. Но ему недостаточно однихъ тѣлесныхъ упражненій. Онъ долженъ образовать свой умъ прилежнымъ изученіемъ лучшихъ древнихъ и новыхъ писателей; это пригодится ему не только для пониманія ролей, но все его существо и его осанка получатъ благородный оттѣнокъ. Но разсказывайте дальше! Что̀ хорошаго вы еще въ немъ замѣтили?

„— Мнѣ показалось, что онъ очень любитъ свое дѣло. Старательнымъ изученіемъ онъ уяснилъ себѣ всѣ подробности; онъ вполнѣ свободно жилъ и двигался въ образѣ своего героя; въ немъ не было ничего, чего бы онъ не усвоилъ. Отсюда проистекали вѣрное выраженіе и вѣрный акцентъ каждаго отдѣльнаго слова, и такая увѣренность, что для него суфлеръ былъ совершенно излишенъ.

„— Меня это радуетъ; такъ оно и слѣдуетъ, сказалъ Гёте.—Нѣтъ ничего ужаснѣе, когда артистъ не владѣетъ своею ролью, и при всякой новой фразѣ долженъ слушать суфлера, отчего вся игра превращается въ ничто и становится безсильна и безжизненна. Піеса можетъ имѣть успѣхъ только тогда,

когда все идетъ увѣренно, безъ запинки и живо. Ну, ну, я очень радъ, что у Крюгера все такъ хорошо сошло... Я съ своей стороны откину маленькій фарсъ: я подарю ему экземпляръ „Ифигеніи“ въ хорошемъ переплетѣ и напишу въ посвященіе стихи въ честь его игры“.

И дѣйствительно, Гёте подарилъ Крюгеру экземпляръ своей драмы, и написалъ на немъ: „То, что поэтъ, вѣруя и надѣясь, вложилъ въ эту книгу, пусть разносится по нѣмецкимъ землямъ работою художника. Такимъ образомъ, и дѣломъ и словомъ буду я любовно провозглашать на обширномъ пространствѣ: Всѣ человѣческія слабости искупаетъ чистая человѣчность. (Alle menschlichen Gebrechen sühnet reine Menschlichkeit)“ *).

Первый переводъ „Ифигеніи въ Тавридѣ“ появился на языкѣ Шекспира въ 1793 году подъ заглавіемъ: Iphigenie in Tauris, Tragedy written originally in German by J. W. v. Goethe (Norwich and London). Узнавъ объ этомъ переводѣ изъ Monthly Review, Гёте былъ очень обрадованъ, выписалъ нѣсколько экземпляровъ и одинъ изъ нихъ послалъ 10-го сентября Шиллеру.

Въ 1880 г. нѣмецъ Buchheim, преподающій въ одномъ изъ высшихъ училищъ Англіи, издалъ „Ифигенію“ Гёте для англійской учащейся молодежи: Clarendon Press Series. German. Classics, ed. by C. A. Buchheim Phil. Doc. F. C. P. Vol v. Iphigenie auf

*) Kuno Fischer 14. — Бельшовскій 378.

Tauris, a Drama by Goethe. Oxford. Въ 1895 г. эта книга вышла уже четвертымъ изданіемъ. Въ предисловіи говорится, что увлеченіе молодежи въ Англіи этимъ твореніемъ Гёте все ростетъ.

Только въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія вышли французскіе и итальянскіе переводы нашей драмы. Въ 1870 г. ее перевелъ французскими стихами Legrelle. На языки другихъ образованныхъ странъ она была переведена позднѣе. Большое удовлетвореніе испыталъ Гёте, когда въ 1818 году учившійся въ Іенѣ восторженный грекъ Іоаннъ Пападопуло перевелъ „Ифигенію" на новогреческій языкъ; но радость поэта была бы гораздо больше, еслибъ онъ дожилъ до перевода своего созданія на языкъ Софокла и Еврипида. Этотъ удачный переводъ исполнилъ Кохъ*).

На русскомъ языкѣ „Ифигенія" впервые появилась въ 1846 г., хотя далеко не цѣликомъ: въ томѣ третьемъ „Москвитянина" за этотъ годъ Ѳ. Миллеръ помѣстилъ переводъ второго явленія перваго дѣйствія. Онъ же напечаталъ въ томъ же „Москвитянинѣ" за 1848 г. (т. 8-й) переводъ Монолога Ифигеніи.

Въ полномъ видѣ перевелъ „Ифигенію" по русски В. И. Водовозовъ въ 1857 году. Вслѣдъ за нимъ далъ полный ея переводъ А. Яхонтовъ въ 1860 г. („Свѣточъ", кн. 6, стр. 1—108).

---

*) Düntzer Erläuterungen 42, 43. — Koch, Berlin 1861. — Kayser въ Bücher Lexicon указываетъ: Goethe, Iphigenia, graece, Berlin 1861, безъ имени переводчика, изд. Werdmann, 8°, стр. XVI + 144. Вѣроятно это тоже, что переводъ Коха.

Критика.

Еще въ 1801 г. англичанинъ Crabb Robison писалъ: „Ифигенія“ самая, быть можетъ совершенная драма, когда либо написанная*). „Ифигенія“ есть „эхо греческой пѣсни“. Льюисъ, приводя это выраженіе Шлегеля, видитъ въ немъ только реторическую фразу и удивляется тому, что германскіе ученые ее повторяли и провозглашали „Ифигенію“ совершеннѣйшимъ, новѣйшимъ образцомъ греческой драмы. Правильнѣе смотрѣлъ на нее Шиллеръ. „Я очень удивился“, говорилъ онъ, „что „Ифигенія“ не произвела на меня того благопріятнаго впечатлѣнія, какое производила прежде, хотя я и сознаю по прежнему, что она есть произведеніе полное жизни. Но она такъ поразительно нова, до такой степени не греческая, что не понимаешь, какъ возможно было находить въ ней сходство съ греческими драмами. Она чисто нравственная, но той силы, жизни, движенія, того, что дѣлаетъ произведеніе истинно драматичнымъ, ничего этого въ ней нѣтъ. Гёте давно уже мнѣ самъ вскользь говорилъ объ этомъ, но я принялъ это за игру воображенія, или даже за нѣкотораго рода кокетство, а теперь я понимаю его“.

Шиллеръ прибавлялъ къ этому, что независимо отъ своей драматической формы „Ифигенія“ есть чудное поэтическое произведеніе, которое будетъ всегда восхищать и удивлять людей.

---

*) Herman Grimm: Weltcharaktere. Deutsche Rundschau herausgegeben von J. Rodenberg. Berlin. April 1897, S. 86.

Указывая на замѣчаніе Шиллера, которымъ затронута вѣрная струна, Льюисъ говоритъ, что подражаніе грекамъ ограничивается у Гёте только вещами второстепенными, въ существенномъ же у него нѣтъ подражанія. Не греческимъ масштабомъ должны мы мѣрить „Ифигенію“ Гёте. Она есть произведеніе нѣмецкое, и вмѣсто борьбы страстей старой легенды мы находимъ въ ней глубокую нравственную борьбу. Она вовсе не греческая ни по идеѣ, ни по чувству,—она есть произведеніе нѣмецкое и переноситъ Германію XVIII столѣтія въ Скиѳію миѳическихъ временъ, совершенно такъ же, какъ Расинъ переноситъ Версальскій дворъ въ Авлидскій лагерь. Все сходство Гётевой „Ифигеніи“ съ греческими драмами заключается, во-первыхъ, въ медленности сценическаго движенія и въ простотѣ хода дѣйствія, что производитъ соотвѣтствующее спокойствіе въ рѣчи, и вовторыхъ, въ богатствѣ миѳическаго матеріала; все же прочее въ ней — нѣмецкое.

Отсюда Льюисъ вѣрно заключаетъ, что „Ифигенія“ не есть драма. Она есть чудная драматическая поэма. Величіе и торжественность ея движенія совершенно соотвѣтствуетъ широтѣ и простотѣ развивающихся въ ней идей. Она дышитъ величественнымъ спокойствіемъ. Ея языкъ такъ ясенъ, такъ чистъ, что развитіе характеровъ предстоитъ передъ нами столь же ясно, какъ работа пчелъ въ стеклянномъ ульѣ. Въ ней есть нѣчто высоко-гармоническое, высоко-музыкальное, такъ что, читая ее, чувствуешь себя будто въ какомъ святилищѣ. Въ ней всѣ пре-

лести подробностей совершенно исчезаютъ передъ той великой чарующей силой, которою греческія статуи обладаютъ преимущественно передъ всѣми прочими произведеніями человѣческаго искусства,— эта чарующая сила заключается въ единствѣ впечатлѣнія, такъ что во всемъ произведеніи мы не видимъ ничего искусственнаго, а все какъ бы выростаетъ одно изъ другого, ничего излишняго, все въ органической связи между собою, нѣтъ никакихъ отдѣльныхъ частныхъ эффектовъ, и мы выносимъ только одно общее впечатлѣніе, производимое цѣлымъ. Эта поэма совершенно обхватываетъ нашу душу, и какъ ни особенно хороши въ ней тѣ или другія мѣста, но нашъ умъ не останавливается на нихъ, и мы прежде всего видимъ передъ собой одно чудное цѣлое.

Проводя параллель между произведеніемъ Гёте и „Ифигеніей" Еврипида, Льюисъ находитъ, что какъ ни громадно превосходство Гёте надъ Еврипидомъ въ интеллектуальномъ отношеніи, какъ ни велико преимущество на сторонѣ нѣмецкаго поэта относительно языка, но все это нисколько не прикрываетъ, что, какъ драматургъ, онъ ниже Еврипида.

Гёте модернизировалъ миѳъ объ Ифигеніи. У него характеры дѣйствующихъ лицъ существенно различны отъ характеровъ греческой драмы, — у него иные нравственные мотивы, иное дѣйствіе. Его Ифигенія во всѣхъ отношеніяхъ выше греческой жрицы,— она ни болѣе, ни менѣе, какъ христіанская дѣвушка, высокаго, благороднаго, нѣжнаго, любящаго сердца. Будучи вынуждена исполнять обязанности жрицы,

она своимъ кроткимъ вліяніемъ побѣждаетъ свирѣпый предразсудокъ Θоанта и побуждаетъ его прекратить человѣческія жертвоприношенія. Она сама едва не погибла на жертвенникѣ, а теперь должна участвовать въ гибели другихъ! Такая любовь къ людямъ есть чувство новыхъ временъ. Личныя чувства гречанки не могли быть такъ возмущены требованіями ея религіи. Указанная черта проходитъ черезъ всю драму и составляетъ основной ея характеръ *).

Вѣрно замѣчаетъ Геттнеръ: Къ „Ифигеніи“ Гёте прежде всего слѣдуетъ примѣнить то, что̀ въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“ говоритъ однажды Аурелія, что изъ настоящей поэзіи проглядываетъ чистый духъ поэта, какъ изъ ясныхъ открытыхъ глазъ **).

Приведу взглядъ на разсматриваемую драму другого, новѣйшаго біографа Гёте, Бельшовскаго (Dr. Albert Bielschowsky): „Сопоставляя произведеніе Гёте съ драмой греческаго трагика, намъ кажется, что мы видимъ передъ собой въ божественномъ символѣ результатъ нравственной и художественной эволюціи, совершавшейся впродолженіе двухъ тысячъ лѣтъ. Говоримъ: „нравственной и художественной“, хотя знаемъ, что художественное превосходство Гётевой „Ифигеніи“ многими оспаривается. Ей ставятъ въ упрекъ то, что будто бы въ сравненіи съ

*) Льюисъ II, 7—12.

**) Г. Геттнеръ. Исторія Всеобщей Литературы XVIII вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго, со 2-го изданія 1872 г. Павла Барсова. Москва. 1875 г. Т. III, кн. III, отд. 1, стр. 209.

Еврипидовой піесой, въ ней слишкомъ мало дѣйствія, и она слишкомъ мало захватываетъ зрителя. Замѣтимъ мимоходомъ, что одно изъ другого вовсе не вытекаетъ; что же касается перваго замѣчанія, то оно было бы справедливо, еслибы подъ словами „драматическое дѣйствіе“ слѣдовало понимать только видимыя, осязаемыя происшествія. Но это значило бы понимать ихъ въ слишкомъ грубомъ, чисто внѣшнемъ смыслѣ. Выражаются ли душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ въ какихъ нибудь поступкахъ, или нѣтъ, въ поэтическомъ отношеніи почти безразлично; важно только, чтобы душа дѣйствовала на душу, и чтобы изъ всѣхъ этихъ взаимныхъ воздѣйствій вытекалъ рядъ видоизмѣняющихся положеній и захватывающихъ моментовъ, которые въ общей сложности и составляютъ драматическое дѣйствіе. Скажемъ болѣе: драматическая поэзія подымается гораздо выше и даже достигаетъ самой высокой ступени именно тогда, когда заставляетъ души дѣйствовать другъ на друга непосредственно, а не черезъ промежуточный факторъ какихъ нибудь дѣяній. На этой высшей ступени стоитъ „Ифигенія“, и вотъ почему Шиллеръ былъ совершенно правъ, опредѣляя ея главное достоинство словомъ душа (22-го января 1802 г.).

„Становясь на эту точку зрѣнія, мы открываемъ въ „Ифигеніи“ непрерывно развивающееся, чрезвычайно оживленное и сложное дѣйствіе, за которымъ и зритель и читатель невольно слѣдятъ съ захватывающимъ интересомъ, если только добровольно

отдаются его обаянію, а не предъявляютъ къ нему чуждыхъ ему внѣшнихъ требованій. Какъ ни сильно впечатлѣніе, производимое „Ифигеніей", но все таки отъ большинства публики ускользаетъ настоящее, внутреннее величіе этого чуднаго творенія. Здѣсь Гёте писалъ такой тонкой кистью, что только вдумываясь въ каждое слово, можно уловить и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, всѣ оттѣнки мысли художника" *).

Herman Grimm **) ставитъ „Ифигенію" по безподобному построенію выше всего, что дошло до насъ изъ греческихъ драматурговъ и предпочитаетъ ее твореніямъ Шекспира. По мнѣнію Гримма она уступаетъ только первымъ актамъ „Гамлета" и „Цимбелины", но тамъ совсѣмъ иная архитектура. Наравнѣ съ Фаустомъ и Гамлетомъ онъ называетъ Ифигенію міровымъ характеромъ.

Перехожу къ мнѣнію объ „Ифигеніи", высказанному членомъ Французской Академіи Мезіеромъ ***).

„Если не надо искать въ „Ифигеніи" Гёте греческихъ слѣдовъ, которыхъ въ ней нѣтъ, попытаемся найти въ ней то, что вложилъ въ нее поэтъ, а именно чувство, которое владѣло имъ, когда онъ писалъ свою драму. Въ сущности, онъ не предполагалъ изобразить трагическое дѣйствіе. Онъ писалъ исторію одной

---

*) Бельшовскій 358, 359.

**) Deutsche Rundschau. Herausgegeben von J. Rodenberg. Berlin. April 1897, Weltcharaktere.

***) A. Mézières de l'Academie Française. W. Goethe. Les oeuvres expliquées par la Vie. Paris 1895.

души, или если хотите, нѣскольких душъ. Онъ вывелъ на сцену лицъ, которыя не дѣйствуютъ, но размышляютъ и съ современными намъ чувствами и критическими взглядами наблюдаютъ за собою, за своей жизнью и даютъ намъ тонкій психологическій анализъ своихъ впечатлѣній. Каждое изъ этихъ лицъ изучаетъ себя само для себя, но они тѣмъ не менѣе группируются вокругъ главной фигуры, занимающей центральное положеніе, вокругъ жрицы Ифигеніи, которую всѣ вмѣстѣ признаютъ руководительницей ихъ поступковъ и вдохновительницей ихъ лучшихъ мыслей. Не значитъ ли это безъ надобности преувеличивать намѣреній Гёте, что въ основаніи всѣхъ добродѣтелей людей и ихъ самыхъ великодушныхъ усилій можно легко найти вліяніе женщины? И кто же была эта женщина, какъ не та, которая въ то время занимала и очаровывала мысли Гёте, — прелестная г-жа фонъ Штейнъ. Все, что дѣлается хорошаго въ піесѣ, дѣлается подъ вліяніемъ Ифигеніи. Она смягчаетъ нравы обитателей Тавриды, прекращаетъ человѣческія жертвоприношенія, вырываетъ у Ѳоанта избавленіе Ореста и Пилада и для самой себя добивается свободнаго возвращенія на родину. Доброе вліяніе, оказываемое ею на варваровъ, распространяется и на ея брата: она успокаиваетъ его и миритъ съ самимъ собою. Въ главной сценѣ драмы, когда Орестъ наконецъ находитъ въ душѣ миръ, котораго такъ долго былъ лишенъ, намъ кажется, что мы слышимъ изъ устъ самого Гёте поэтическое выраженіе его привязанности къ г-жѣ фонъ Штейнъ и

радость освобожденія отъ адскихъ силъ, т. е. отъ преслѣдовавшихъ поэта страстей. Это гимнъ примиренія и спасенія, отказъ отъ грубыхъ наслажденій, отъ свѣтскихъ развлеченій, отъ чувственности прежнихъ лѣтъ. Если стать на такую точку зрѣнія для изученія „Ифигеніи“, если не впадать въ оплошность сравненія ея съ греческимъ театромъ, трагедія Гёте получитъ всю свою цѣнность. Она представится какъ чудесный порывъ поэзіи, какъ одно изъ наиболѣе хорошо написанныхъ и поэтическихъ произведеній всѣхъ языковъ. Красота выраженій, гармонія стиха, изящество всѣхъ подробностей объясняютъ восхищеніе, вызываемое ею въ Германіи. Не надо только искать въ ней драмы, такъ какъ драматической жизни въ ней нѣтъ совершенно. Вполнѣ лирическій характеръ этой піесы чрезвычайно затрудняетъ исполненіе ея на сценѣ. Назовемъ же „Ифигенію“ не театральной піесой, а великолѣпнымъ созданіемъ поэзіи и скажемъ, что написавъ ее, онъ создалъ не твореніе поэта-драматурга, но произведеніе великаго поэта“ *).

Другой французскій критикъ, Поль Стапферъ говоритъ слѣдующее: „Гёте хотѣлъ показать намъ побѣду, которую одерживаетъ чистая душа, одною нравственною своей красотою, надъ варварствомъ нравовъ и надъ силою страстей.

„Содержаніе піесы не подходитъ къ понятію о драмѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова и не

---

*) Стрр. 282—285.

удовлетворяетъ законнаго любопытства зрителя, который ожидаетъ отъ театральнаго представленія внѣшняго дѣйствія, полнаго движенія и жизни. Трагедія Еврипида доставляетъ несравненно больше развлеченія. Кажется, что Гёте съ намѣреніемъ старательно избѣгаетъ всего, что могло бы слишкомъ сильно возбудить воображеніе зрителей. Сцена, въ которой братъ и сестра узнаютъ другъ друга, подготовляемая греческимъ поэтомъ издали и искусно, у Гёте сокращена и сводится почти къ одному внезапному возгласу: „Передъ тобой Орестъ!"

„Даже нельзя сказать, чтобы нѣмецкая „Ифигенія" въ высокой степени представляла собою тотъ свойственный современной трагедіи интересъ, который заключается во внутренней борьбѣ души, угрожаемой опасностью съ противуположныхъ сторонъ; правда, героиня взволнована, когда поставлена между ложью, которая могла бы спасти ея брата и ее самоё, и дѣйствительностью, готовой погубить ихъ обоихъ; но ужасъ этого положенія не развитъ и не доведенъ до такой степени, чтобы стать душевной бурей. Свѣтлая душа дѣвы трепещетъ и смущается на мгновеніе, но не потрясена въ самой глубинѣ.

„Гёте создалъ свою драму съ минимумомъ драматическихъ положеній. Въ сравненіи съ ней трагедіи Расина кажутся матеріальными и грубыми; въ театрѣ Расина страсти напоминаютъ намъ по крайней мѣрѣ, что у дѣйствующихъ лицъ есть тѣло; тогда какъ въ драмѣ Гёте чувства не имѣютъ жара страстей, никакой оттѣнокъ чувственности не затуманиваетъ про-

зрачности чистыхъ помысловъ, и передъ нами безплотныя души. Гёте самъ сравнивалъ эту непорочную прозрачность, которая даетъ увидѣть одну нравственную сторону, съ часами въ оболочкѣ сдѣланной изъ хрусталя и позволяющей слѣдить за малѣйшимъ движеніемъ внутреннихъ колесъ.

„Но эта очищенная и проясненная драма все же драма. Я хочу сказать, что это не просто чередованіе лирическихъ монологовъ и философскихъ діалоговъ; въ ней есть внутреннее дѣйствіе, которое спокойно, но вѣрно и прямо движется къ развязкѣ. Спокойствіе съ какимъ оно развивается никогда не есть неподвижность. Дѣйствіе, медленное и величественное, ни на минуту не прерывается.

„Это не только самое поэтичное изъ драматическихъ созданій Гёте, но и наилучше исполненное. Все въ драмѣ Гёте обосновано, все на своемъ мѣстѣ; нѣтъ ничего излишняго, ничего чрезмѣрнаго; ни одна подробность не разсчитана на эффектъ, и мы получаемъ сильное впечатлѣніе цѣльности. Это сочиненіе, столько же логическое, сколько поэтичное, совершенное по стиху и по красотѣ стиля, есть произведеніе образцовое.

„Гёте нисколько не старался придерживаться религіозныхъ воззрѣній античнаго міра. И что такое въ сущности „античный міръ“, и о какой религіозности идетъ рѣчь? Есть уже цѣлая бездна между Эсхиломъ и Еврипидомъ; а не далеко ли ушла съ тѣхъ поръ человѣческая нравственность? Драма современнаго поэта не есть холодное подражаніе антич-

ной драмѣ, но живое ея продолженіе. Это Ифигенія, какою драматургъ древней Эллады понялъ и написалъ бы ее въ наши дни, еслибъ могъ воспользоваться двадцатью двумя вѣками цивилизаціи, въ теченіе которыхъ человѣческое сознаніе стало и богаче и тоньше. Это вѣрный способъ быть грекомъ. Современная поэзія превышаетъ древнюю богатствомъ чувствъ и мыслей и не должна заимствовать у нея ничего, кромѣ чистоты очертаній и благородства формъ. Этого еще не понимали французскіе классики XVII вѣка; но Гёте постигъ это, и особая прелесть его „Ифигеніи“ заключается въ гармоническомъ соединеніи самаго высокаго и нѣжнаго христіанской морали съ ясной величественностью античнаго искусства.

„Главная, или вѣрнѣе единственная цѣль драматическаго интереса здѣсь въ личности человѣка. Этотъ человѣческій характеръ поэмы Гёте вводитъ ее въ число вполнѣ современныхъ драмъ. Въ высокой античной трагедіи дѣйствіе было божественнымъ; человѣкъ былъ только подчиненнымъ исполнителемъ драмы, которая совершалась надъ нимъ“ *).

Если не ошибаюсь, въ Россіи первое упоминаніе о нашей драмѣ встрѣчается черезъ годъ по кончинѣ Гёте, въ 1833 г., въ рѣчи произнесенной на французскомъ языкѣ въ торжественномъ собраніи Ака-

*) Paul Stapfer. Goethe et ses deux chefs-d'oeuvre classiques. Paris, 1882, pp. 107—118.

Его-же: Etudes sur Goethe, Paris, 1906, pp. 100—107.

деміи Наукъ ея Президентомъ Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ*): „Пришла пора, когда стали восхищаться красотою Греческой, любоваться утонченнымъ чувствомъ, врожденнымъ, нѣжнымъ вкусомъ, потребностью Греческихъ драматическихъ образцовъ: и Гёте сбросилъ съ себя нарядъ среднихъ временъ — написалъ Ифигенію, изящную и прелестную, подобную Греческому изваянію, столь же благозвучную, сколь благозвучна пѣснь Сафы (sic) — чистую и непорочную, какъ чистъ бѣлый папирусъ, вырытый изъ подъ пепла Геркуланскаго".

— Вотъ что говоритъ Водовозовъ въ предисловіи къ своему переводу „Ифигеніи": „Ифигенія" Гёте есть плодъ долгаго и основательнаго изученія древне-классическаго искусства и литературы. Поэтъ выразилъ въ ней тѣ идеи объ идеально-прекрасномъ, которыя указаны Винкельманомъ въ лучшихъ созданіяхъ античной скульптуры. Всѣ характеры, выведенные въ трагедіи, отдѣланы съ чистотою и тонкостью линій, какихъ требуетъ совершеннѣйшая пластика. Все подчинено законамъ строгой гармоніи и умѣренности; дѣйствіе развивается медленно, но съ полнотою, сосредоточиваясь, какъ и въ трагедіяхъ Софокла, преимущественно на главныхъ моментахъ:

---

*) Гёте. Слово Его Превосходительства Господина Управляющаго Министерствомъ Нар. Просвѣщенія, Президента С.-Петербургской Академіи Наукъ, С. С. Уварова, произнесенное на французскомъ языкѣ въ торжеств. собраніи Академіи, 12-го марта 1833 г. Перев. Пр. Давыдова. Ученыя Записки Имп. Московскаго университета. Москва 1833. Ч. I, стр. 82.

вообще созданіе Гёте, по художественности формы, имѣетъ большое достоинство.

„Мы уже не говоримъ про характеръ Ифигеніи, въ которомъ съ задушевностью чувства и любовью къ семейству, свойственными германской женщинѣ, такъ искусно соединены пылкая отвага Антигоны и нѣжность героинь Еврипида; все содержаніе трагедіи во многомъ проникнуто духомъ истиннаго классицизма. Это видимъ какъ въ отдѣльныхъ сценахъ и разсказахъ, такъ и въ идеѣ грозной, карающей судьбы, служащей мотивомъ дѣйствія, хотя и второстепеннымъ.

„Трагедія Гёте любопытна для изученія и съ другой стороны: она указываетъ намъ на извѣстный моментъ въ собственномъ развитіи поэта. Отрекаясь отъ пылкихъ, необузданныхъ порывовъ юности, онъ видимо старается помирить въ себѣ всѣ начала истинной человѣчности, и потому высшимъ, царящимъ надъ всѣмъ закономъ представлена всепримиряющая любовь, основанная на правдѣ и благости душевной. Здѣсь уже образъ Ифигеніи принимаетъ черты, несвойственныя греческой героинѣ или только слегка въ ней обозначенныя.

„Ифигенія Еврипида*) какъ и Антигона Софокла, жертвуютъ собою прежде всего для родныхъ и отечества, потомъ и для высшихъ правъ человѣчества: онѣ прекрасно-любящія женщины, но еще болѣе прекрасныя гражданки. Согласимся, пожалуй.

*) Мы разумѣемъ „Ифигенію въ Авлидѣ“.

что въ Антигонѣ Софокла обѣ эти стороны развиты въ одинаковой мѣрѣ.

„Совсѣмъ не то у Гёте. Быть представителемъ славы своего семейства и отечества предназначено у него Оресту; Ифигенія только грустить, молитъ и, гдѣ нужно, съ энергіей защищаетъ свое личное чувство. Но основаніемъ этого личнаго чувства служитъ чистѣйшая любовь къ человѣчеству, и тѣмъ самымъ получаетъ оно свое высокое значеніе *). Самая идея трагедіи состоитъ въ согласованіи требованій сердца съ закономъ высшей необходимости: сердце, конечно, должно одолѣть эту мертвящую необходимость. Герои Гёте не способны дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не помирятся вполнѣ со своею совѣстью: одинъ веселый, дѣятельный Пиладъ своей философіей практическаго человѣка успокоилъ въ себѣ разъ навсегда всѣ нравственные вопросы. Но Орестъ страдаетъ, какъ убійца матери, Ифигенія — въ своей борьбѣ за чувство благодарности къ Ѳоанту. На этой внутренней борьбѣ и основанъ весь интересъ трагедіи. По наружности же завязкою ея служитъ вопросъ, какъ бы похитить статую Діаны и счастливо уйти изъ Тавриды, и въ концѣ пятаго акта оказывается, что вовсе нѣтъ надобности трогать статую съ мѣста.

„Такимъ образомъ трагедія Гёте, служа разрѣшеніемъ важныхъ психологическихъ вопросовъ, не со-

---

*) Съ этой точки зрѣнія Ифигенія является и спасительницею своего семейства. Ея благочестіе примиряетъ боговъ съ родомъ Тантала.

ставляетъ драмы въ Шекспировомъ смыслѣ этого слова. Это, подобно „Фаусту", драматическая поэма. Гёте прекрасно понялъ, что самая сущность событія и положеніе лицъ требовали такого развитія дѣйствія. Дѣло шло о перенесеніи статуи Діаны и объ избавленіи Ореста отъ Фурій. Неужели же преступленіе можно было загладить новымъ проступкомъ: обманомъ и насиліемъ? Еврипидъ въ своей „Таврической Ифигеніи" выводитъ на сцену богиню Аѳину, чтобы оправдать похищеніе истукана. Но Еврипидъ думалъ только о прославленіи своей родины. Несравненно естественнѣе это искусственное явленіе божества у Гёте замѣнено божественнымъ голосомъ совѣсти, которая, направляя къ добру поступки человѣка, указываетъ ему средства къ примиренію съ богами. А въ этомъ и состоитъ вся сущность событія, заключающагося въ преданіи объ Орестѣ. У Эсхила самъ герой долгими страданіями искупаетъ свой тяжкій грѣхъ; у Гёте достигаетъ онъ этого еще черезъ мольбы непорочной сестры своей. Греческая Артемида чуждается дикихъ варваровъ, приносящихъ ей человѣческія жертвы; Артемида Гёте, покровительствуя самимъ варварамъ, чрезъ свою жрицу Ифигенію смягчаетъ ихъ нравы; съ этой точки зрѣнія лирическій характеръ трагедіи Гёте также оправдывается ея идеею" *).

*) Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. П. Водовозова. СПб. 1888, стр. 321—323.

Примѣчанія.

Драма. Нѣкоторые, напр. Водовозовъ, переводятъ слово Schauspiel = трагедія, что болѣе соотвѣтствуетъ нѣмецкому Tragödie. Свой „Фаустъ“ Гёте назвалъ трагедіей. Надо было соблюсти различіе; поэтому я предпочелъ перевести Schauspiel = драма. Ссылаюсь на авторитетъ академика Ѳ. Е. Корша.

Дѣйствующія лица. Ифигенія, самая чистая, нѣжная, искренняя женская душа, полная любви, упованія на божественный промыслъ, терпѣнія и нравственной силы. Намъ трудно представить себѣ, чтобы ей было болѣе 25 лѣтъ; но согласно древнему миѳу она должна быть старше по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять. (Düntzer, Erläuterungen 185).

Ѳоантъ. Въ переводахъ Водовозова и Яхонтова Thoas = Тоасъ. Ссылаясь на авторитетъ академика П. В. Никитина, я придерживаюсь болѣе правильной передачи греческихъ именъ.

Ѳоантъ мужественный, строгій царь, полный сознанія собственнаго достоинства, не терпящій противорѣчія. Воля его — законъ; онъ не поддается постороннимъ вліяніямъ, сдержанъ, и даже ближе всѣхъ стоящему къ нему Аркаду не повѣряетъ своихъ же-

ланій, такъ что тотъ можетъ ихъ только угадывать. Гибель послѣдняго сына дѣлаетъ Ѳоанта еще суровѣе и замкнутѣе. Одна Ифигенія имѣетъ на него вліяніе, благодаря чистотѣ и прелести своей личности, и даже убѣждаетъ его отмѣнить человѣческія жертвоприношенія. Отказъ ея сдѣлаться его женою переполняетъ его душу горечью; въ раздраженіи онъ возстановляетъ прежнія кровавыя жертвы, на которыя обрекаются чужеземцы. Гнѣвъ его удвоивается, когда онъ узнаетъ о коварномъ намѣреніи своихъ плѣнниковъ похитить истуканъ богини и о сообщничествѣ Ифигеніи. Но онъ благороденъ и великодушенъ, что и доказываетъ согласіемъ на возвращеніе Ифигеніи въ Элладу вмѣстѣ съ ея земляками. (Düntzer 190).

Орестъ—братъ Ифигеніи и вполнѣ ея достоинъ. Онъ такъ же благороденъ и чувствуетъ глубоко, какъ и она. Его душа настроена мягко, благодаря печальнымъ годамъ первой юности, нелюбви матери, угнетенному состоянію сестры Электры и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ убійства отца. Избѣгнувъ ужаса этого дня, онъ нашелъ спасеніе и пріютъ въ домѣ зятя отца, Строфія. Тамъ онъ росъ рядомъ съ другомъ своимъ Пиладомъ, обреченный быть мстителемъ за отца. По исполненіи этого кроваваго призванія, муки совѣсти должны были терзать его тѣмъ болѣе, что по природѣ онъ благороденъ и чистъ душой. Мы видимъ его одичавшимъ, желающимъ себѣ смерти, какъ единственнаго облегченія страданій. Воспоминаніе о счастливыхъ годахъ въ домѣ

Строфія на мгновеніе озаряютъ его душу, какъ солнечнымъ лучомъ, но тѣмъ мрачнѣе обступаютъ его потомъ густыя тучи. Его честное, прямое сердце въ отчаяніи отвернулось отъ боговъ. Надежда на исполненіе обѣщанія Феба почти совсѣмъ исчезла и въ богахъ онъ видитъ только заклятыхъ враговъ, преслѣдующихъ его отверженный родъ. Какъ и Ифигенія, онъ питаетъ нѣжную любовь къ роднымъ и почитаетъ отца; подобно ей, преисполненный истинно княжеской доблести, онъ стремится къ правдѣ. Въ своихъ воззрѣніяхъ и онъ и сестра его настоящіе германцы, проникнутые гуманитарными идеями, которыя царили въ обществѣ во времена Гёте. (Düntzer 187).

Пиладъ. Въ вѣрномъ другѣ Ореста Гёте изобразилъ благоразумнаго, предусмотрительнаго и дѣеспособнаго юношу. Онъ склоненъ къ хитрости, но не чуждъ чувства справедливости и благородства, и преклоняется передъ нравственною чистотою Ифигеніи. Его привязанность къ Оресту и глубокое къ нему участіе возвышаетъ все его существо. Быть около друга, дѣлить съ нимъ опасности, избавить его отъ гибели — вотъ жизненная задача Пилада. Онъ не возлагаетъ надежды на боговъ, но разсчитываетъ болѣе на собственныя силы и на свой разумъ. (Düntzer 189).

Аркадъ. Согласно указаніямъ академика П. В. Никитина, я держусь болѣе свойственной русской рѣчи передачѣ греческаго имени и не слѣдую другимъ нашимъ переводчикамъ, которые передаютъ Arkas = Аркасъ.

Имя это—греческое и обозначаетъ жителя Аркадіи, аркадянина. Какъ таковое, оно, по замѣчанію Морша*), было бы болѣе умѣстно среди спутниковъ Агамемнона, гдѣ нибудь въ Спартѣ, Авлидѣ или вообще въ Элладѣ, чѣмъ при дворѣ царя скиѳовъ. Düntzer (45) дѣлаетъ предположеніе, что Гёте могъ заимствовать это имя у Расина въ его Iphigénie en Aulide, гдѣ оно придано вѣстнику Агамемнона. У Кребильона Аркадъ названъ ancien officier d'Agamemnon. У Готтера въ переводѣ одной изъ трагедій Вольтера Аркадомъ названъ serviteur fidèle.

Аркадъ выставленъ у Гёте человѣкомъ, испытывающимъ все обаяніе Ифигеніи, одареннымъ нравственнымъ складомъ, который кажется мало естественнымъ въ простомъ скиѳѣ. Этимъ объясняется расположеніе къ нему Ѳоанта. Аркадъ смотритъ на возобновленіе человѣческихъ жертвоприношеній, какъ на большое зло; по этому онъ усердно проситъ Ифигенію не отказывать царю въ своей рукѣ. Онъ всей душою преданъ Ифигеніи, привязанъ къ царю и любитъ свой народъ, и бракъ Ѳоанта съ Ифигеніей представляется ему особенно желательнымъ. На сторонѣ скиѳовъ онъ соотвѣтствуетъ положенію, занимаемому Пиладомъ среди грековъ**).

Роща при храмѣ Діаны. Сочиняя свою драму, Гёте держался существовавшаго въ то время обычая

---

*) Hans Morsch „Aus der Vorgeschichte von Goethes Iphigenie", Vierteljahrschrift für Litteraturgeschichte Bernhard Seuffert. Weimar 1891. Vierter Band, 80.

**) Düntzer 192.

приравнивать греческія божества къ латинскимъ. Отсюда латинизація Артемиды, переименованной въ Діану. Впослѣдствіи онъ отказался отъ этой привычки. Правильнѣе было бы возстановить настоящее греческое имя Артемиды, но оно, какъ болѣе длинное, встрѣтило бы большія затрудненія въ условіяхъ стихосложенія.

Первое дѣйствіе. Гёте началъ диктовать это дѣйствіе въ своемъ садовомъ домикѣ (Gartenhaus) въ Веймарѣ 14-го февраля 1779 года въ воскресенье, послѣ долгаго обдумыванія, подкрѣпившись десятичасовымъ сномъ. (Düntzer 18).

Стихъ 3. **богини** — Артемиды или Діаны.

10. Ифигенія вспоминаетъ отца своего, царя Агамемнона, мать Клитемнестру, брата Ореста и сестру Электру. Агамемнонъ принесъ Ифигенію въ жертву Артемидѣ, чтобы счастливо отплыть изъ Авлиды къ Троѣ. Богиня спасла ее отъ закланія, укрывъ облакомъ, и перенесла ее въ Тавриду въ свой храмъ, гдѣ царевна стала жрицей Артемиды. Живя болѣе 10-ти лѣтъ вдали отъ родины и родныхъ, Ифигенія ничего не знаетъ ни о взятіи Трои, ни о страшной гибели отца, ни о мщеніи, совершенномъ за его убійство Орестомъ. (Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. Н. Водовозова. СПб. 1888. Стр. 323).

11. Это мѣсто было вызвано видомъ волнъ Гардскаго озера, на берегу котораго, въ Торболе, Гёте былъ 12-го сентября 1786 г. (Düntzer 63).

16—17. Это мѣсто напоминаетъ муку Тантала, изображенную въ Одиссеѣ XI, 585. (Düntzer 64).

34. Этимъ Ифигенія опредѣляетъ свое положеніе, какъ жрицы, и въ то-же время, какъ чужеземки, принужденной покоряться суровымъ обычаямъ народа, среди котораго поселила ее Артемида. (Водовозовъ 323).

Явленіе второе. Явленіе Аркада служитъ къ тому, чтобъ указать противорѣчіе, въ которое поставлена Ифигенія между ея любовью къ родинѣ и благодарностью къ жителямъ страны, принявшей ее гостепріимно. Обязанность не столько въ отношеніи къ Θоанту, сколько въ отношеніи къ этимъ варварамъ, для которыхъ Ифигенія становится благодѣтельницей, должна была привлекать ея сердце къ Тавридѣ. Сватовство Θоанта къ жрицѣ выведено здѣсь не съ пустою цѣлію придать драмѣ романтическую завязку или угодить вкусу публики; оно непосредственно мотивируетъ весь дальнѣйшій ходъ дѣйствія и объясняетъ отношеніе царя къ Ифигеніи: его долгую къ ней привязанность и почетъ, которымъ она пользовалась, какъ благодѣтельница народа, его рѣшеніе возобновить прежній кровавый законъ, по которому пойманные Орестъ и Пиладъ должны быть принесены въ жертву, и наконецъ борьбу въ собственномъ сердцѣ Ифигеніи за благодарность. Такимъ образомъ въ сценѣ съ Аркадомъ уже начинается постепенное развитіе драматическаго дѣйствія. (Водовозовъ 325).

84. **Мнѣ чуждое проклятье.** Оно коснулось Ифигеніи за вину другихъ. За виною послѣдовало проклятье, постигшее какъ виновныхъ, такъ и Ифиге-

нію. Подъ виновными она разумѣетъ не отца, а Елену, причину троянской войны. Въ трагедіи Еврипида, которою воспользовался Гёте, Ифигенія говоритъ, что отецъ заклалъ ее ради Елены, которая является виновницей ея изгнанія на чужбину. (Düntzer 68).

108—109. По Платону тѣни умершихъ витаютъ надъ собственными могилами. (Düntzer 69).

164. Краткая рѣчь скиѳовъ вошла у грековъ въ пословицу. (Düntzer 71).

186—187. Мысль представить Ѳоанта влюбленнымъ не нова. Въ произведеніи Лагранжъ-Шанселя „Oreste et Pylade“ 1699 г. (это произведеніе не можетъ не доставить наслажденія каждому, кто умѣетъ цѣнить смѣшное), Ѳоантъ влюбленъ въ Ифигенію, Ифигенія влюблена въ Пилада, и между тѣмъ, какъ свирѣпый скиѳъ изнываетъ отъ любви къ гречанкѣ, по немъ вздыхаетъ Томириса, princesse du sang royal des Scythes. Какъ образчикъ точнаго соблюденія couleur locale, упомянемъ, что въ этой піесѣ у Ѳоанта есть свой Capitaine des gardes и два Ministres d'Etat,— при его дворѣ находится Ambassadeur Sarmate и т. д. (Льюисъ. Жизнь I. Вольфганга Гёте. Переведено со 2-го англійскаго изданія подъ редакціей А. Н. Невѣдомскаго. СПб. 1867, II, 15).

203—204. Намекъ на возстановленіе человѣческихъ жертвоприношеній. (Düntzer 72).

230—233. Эти слова проливаютъ прекрасный свѣтъ на Ифигенію, которая живя въ далекой варварской странѣ, выполняла благодатное призваніе, принимала участіе въ горюющихъ, утѣшала, разсѣи-

вала „духъ сумрачный царя“, смягчала жестокіе нравы народа. Она вывела человѣческія жертвоприношенія, очистила служеніе богинѣ и ввела новый культъ. Теперь намъ понятно, почему Ѳоантъ питаетъ склонность къ той, кто дарила ему утѣшеніе.

251. **безвѣстной.** Morsch указываетъ на дословное сходство этого стиха съ таковымъ же у Лагранжа: la Pretresse inconnue. Подобныхъ совпаденій Моршъ насчитываетъ нѣсколько въ своей статьѣ Vorgeschichte von Goethes Iphigenie, 86.

293—294. Это такъ искусно введенное обѣщаніе получаетъ важное значеніе въ развязкѣ драмы. (Льюисъ II, 13).

325. Тартаромъ греки называли подземную область, гдѣ томились души умершихъ.

У римскаго писателя Гигина говорится, что Зевсъ открывалъ Танталу свои предначертанія и допустилъ его къ трапезѣ боговъ на Олимпѣ. Танталъ повѣдалъ людямъ, что узналъ отъ Зевса и за это былъ низвергнутъ въ Тартаръ. У Гёте не упоминается, въ чемъ заключалась вина Тантала, которую Ифигенія силится оправдать, говоря, что эта вина вымышлена пѣвцами. Дюнтцеръ (стр. 78) видитъ вину Тантала въ томъ, что посаженный за трапезой боговъ не на достаточно почетное мѣсто, онъ былъ имъ недоволенъ. За это нѣсколько смѣшное предположеніе Дюнтцера ему достается отъ Куно Фишера (Goethes Iphigenie, Festvortrag gehalten in Weimar bei der dritten Generalversammlung der Goethe Gesellschaft von Kuno Fischer. Heidelberg 1900).

328. **Титановъ мощь и сила.** Титанами назывались могучіе люди доисторическихъ временъ, стоявшіе близко къ богамъ и дерзнувшіе на борьбу съ ними. (Düntzer 79).

335. **Пелопъ** пришелъ въ Элиду, гдѣ царствовалъ Ойномай, обѣщавшій свою прекрасную дочь Ипподамію тому, кто побѣдитъ его, состязаясь въ колесничномъ бѣгѣ. Ойномай умертвилъ уже многихъ жениховъ дочери. Пелопъ выигралъ побѣду, подкупивъ царскаго возницу Миртила, которому посулилъ полъцарства. Миртилъ испортилъ втулки колесъ, кони разбили колесницу, Ойномай погибъ, а Пелопъ, велѣвъ утопить Миртила въ морѣ, увезъ Ипподамію въ Пелопонесъ. Она родила ему Иппалка, Атрея и Ѳіеста, изъ которыхъ Гёте упоминаетъ лишь двухъ послѣднихъ. Пиндаръ говоритъ о шести сыновьяхъ. По наущенію матери Атрей и Ѳіестъ убили незаконнаго сына своего отца, Хрисиппа. Гёте выставляетъ Ипподамію непричастной къ этому убійству. (Düntzer 79).

362. У Гигина жена Атрея названа Аеропой, а сынъ, прижитый ею съ Ѳіестомъ носитъ имя Плисѳена. Это же имя дано и законному сыну Ѳіеста, тогда какъ другой, закланный Атреемъ вмѣстѣ съ братомъ и поданный въ видѣ блюда отцу, названъ по имени родоначальника Танталомъ. (Düntzer 81).

390—391. Этотъ прекрасный поэтическій образъ заимствованъ у Гигина. Онъ встрѣчается также у Сенеки въ „Ѳіестѣ“.

421. Агамемнонъ прогнѣвалъ Артемиду, похва-

ляясь на охотѣ, что стрѣляетъ лучше ея. (Düntzer 2).

423. Калхантъ — верховный жрецъ.

499—500. Θоантъ намекаетъ на родоначальника Ифигеніи, Тантала.

506—508. Здѣсь есть противорѣчіе. Θоантъ при помощи Артемиды побѣдилъ враговъ и признаетъ, что Ифигенія, хотя и отказалась отъ человѣческихъ жертвоприношеній, принесла ему счастье; и все же онъ требуетъ возобновленія прежнихъ жертвъ. Но это противорѣчіе характерно для образа мыслей царя. Характеръ Θоанта въ теченіи драмы пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Θоантъ — олицетвореніе неограниченнаго властителя, опирающагося исключительно на личныя свои рѣшенія. Онъ для своихъ скиθовъ — сама судьба. Никто не дерзаетъ спрашивать о причинахъ его дѣйствій. Властители и въ Греціи были въ такихъ же отношеніяхъ съ подданными, но тамъ существовало и общественное мнѣніе. Въ трагедіи оно выражалось хоромъ. У скиθовъ нѣтъ ничего подобнаго. Справедливость и произволъ для Θоанта — одно и то же. Внезапная перемѣна настроенія послѣ раздражающаго его отказа Ифигеніи указываетъ на его непреодолимую національную суровость и заставляетъ опасаться послѣдствій. (Herman Grimm. Weltcharaktere. Deutsche Rundschau, April 1897, S. 101).

523—524. У Еврипида Ифигенія говоритъ, что склонный къ убійствамъ народъ приписываетъ богамъ собственное злонравіе. (Düntzer 87).

537. Личность Өоанта выступаетъ въ этомъ явленіи съ такимъ характеромъ, который дѣлаетъ драматическую коллизію невозможной. Ясно, что такой благородный, великодушный характеръ не можетъ устоять, если обратятся къ его великодушію, и зритель съ первыхъ же сценъ предвидитъ, что тутъ не будетъ борьбы. У Еврипида, напротивъ, свирѣпый скиөъ все время виденъ зрителю только въ сумрачной дали, неумолимый, какъ судьба,—греческій драматургъ искусно держитъ его все время за сценой и выводитъ на сцену только въ самомъ концѣ. Зритель до самаго конца не предвидитъ, какъ совершится укрощеніе. Правда, у Еврипида оно совершается не черезъ драматическое распутываніе сплетенныхъ нитей, а съ помощью deus ex machina, но этотъ драматическій недостатокъ болѣе чѣмъ выкупается впечатлѣніемъ, какое производитъ драматическая коллизія, и тѣмъ, что въ зрителѣ до самаго конца поддерживается неослабно возбужденное состояніе. У Гёте Өоантъ есть личность нравственная, но не драматическая. (Льюисъ II, 15).

— Если вѣрить нѣкоторымъ критикамъ, то читатель или зритель въ эту минуту уже заранѣе знаетъ, что благородная великодушная натура царя непремѣнно смягчится, и потому, по мнѣнію все тѣхъ же критиковъ, Гёте, задумавъ Өоанта съ такимъ возвышеннымъ характеромъ, тѣмъ самымъ яко-бы подорвалъ интересъ піесы. Такъ можетъ судить критикъ, которому прекрасно извѣстенъ дальнѣйшій ходъ драмы, и который не въ состояніи сдѣлать различія

между своимъ абсолютнымъ представленіемъ и тѣмъ относительнымъ, которое могло сложиться у читателя, дошедшаго до этого мѣста. На самомъ же дѣлѣ, читатель въ эту минуту находится въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно будущаго образа дѣйствія царя. Правда, онъ мимоходомъ слышалъ, что Ѳоантъ „благородный человѣкъ", что у него „возвышенная душа", но все это слова, которыя сами по себѣ еще ничего не доказываютъ и теряются въ общемъ впечатлѣніи, производимомъ этой фигурой. Единственная заслуга, дающая ему право на наше уваженіе, — отмѣна кровавыхъ жертвъ, и та покоится на весьма шаткомъ основаніи, ибо въ этомъ случаѣ онъ не слѣдовалъ свободному внутреннему побужденію, внушенію благородной человѣчности, а поддавался только вліянію Ифигеніи и при томъ не постановилъ разъ навсегда твердаго рѣшенія, а изъ году въ годъ уступалъ ея увѣщаніямъ. Но если такъ, то что-же помѣшаетъ ему теперь, когда вліяніе Ифигеніи потеряло свою силу, возобновить прежнія кровавыя жертвоприношенія? Все, что мы знаемъ о немъ, подтверждаетъ такое предположеніе. Вначалѣ онъ отличался суровымъ характеромъ, и владычество его тяжело отзывалось на народѣ. Онъ въ высшей степени вспыльчивъ, и когда раздраженъ, то совершенно забывается, становится грубъ и язвительно насмѣшливъ даже въ отношеніи слабой женщины, священной жрицы. Когда Ифигенія отклоняетъ его сватовство и проситъ отослать ее на родину, онъ осыпаетъ ее градомъ ѣдкихъ упрековъ. Онъ называетъ ее легкомысленной женщиной,

для которой нѣтъ узды, которая сама не знаетъ, чего хочетъ, и сравниваетъ ее съ тѣми вѣроломными, которыя покидаютъ отцовъ и мужей и убѣгаютъ съ любовникомъ. Такъ говоритъ этотъ человѣкъ съ самой скромной, цѣломудренной дѣвушкой, и за что? За то только, что она отказывается исполнить его просьбу и высказываетъ ему весьма позволительное желаніе вернуться на родину. Какъ-же намъ не ждать отъ такого человѣка, что онъ поставитъ на своемъ и сохранитъ свой приказъ въ полной силѣ, даже и вопреки волѣ жрицы? Преданный ему Аркадъ—и тотъ высказываетъ опасеніе, что послѣдствія гнѣва царя могутъ быть ужасны для Ифигеніи. Да и помимо того, развѣ мы не знаемъ, какъ неохотно отмѣняютъ даже самые милостивые повелители разъ данныя повелѣнія? А тѣмъ болѣе не должны мы ждать такой отмѣны отъ Ѳоанта, славящагося своимъ твердымъ, непреклоннымъ нравомъ и безотлагательнымъ исполненіемъ своихъ рѣшеній. Ко всему этому присоединяется еще мрачное настроеніе, въ которое его повергла смерть его послѣдняго сына и страхъ, что въ случаѣ отказа Ифигеніи ему грозитъ перспектива одинокой безпомощной старости, или хуже того — перспектива народнаго возстанія и смерти отъ руки тайнаго убійцы.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы упрекать Гёте за то, что онъ будто бы ослабилъ интересъ піесы, мы должны, напротивъ, удивляться, съ какимъ тонкимъ разсчетомъ онъ сумѣлъ возбудить его; съ этой цѣлью, въ первомъ дѣйствіи онъ искусно выдвинулъ впередъ

темныя черты въ характерѣ Θоанта и трагическую сторону его положенія, а всѣ свѣтлыя проявленія этой натуры окуталъ темнымъ облакомъ, сквозь которое только изрѣдка прорывается блестящій лучъ. (А. Бельшовскій. Гёте, его жизнь и произведенія. Переводъ О. А. Рохмановой. СПб. 1898, стр. 363).

547. Артемидѣ поклонялись, между прочимъ, какъ лунѣ, богинѣ ночи. Напротивъ, братъ ея, Фебъ-Аполлонъ, былъ олицетвореніемъ солнца. Вся молитва Ифигеніи къ Артемидѣ написана въ духѣ хорическихъ пѣсней Еврипида, исполненныхъ часто самаго возвышеннаго лиризма, но выражаетъ идею человѣколюбія, болѣе свойственную христіанскому міру. (Водовозовъ 341).

Второе дѣйствіе въ первоначальной прозаической обработкѣ начато вѣроятно 22-го февраля 1779 г. въ Веймарѣ. (Düntzer 18).

Орестъ. Пиладъ. Гёте очевидно не заботился о драматической эффектности, отсутствіе которой ослабляетъ его драму. Онъ не воспользовался для этого даже и тѣми драматическими струнами, которыя были уже указаны Еврипидомъ. У Гёте Орестъ и Пиладъ появляются на сценѣ уже по возвѣщеніи зрителю ихъ плѣненія,—у Еврипида же они являются передъ зрителемъ еще свободными, и потомъ возвѣщеніе о ихъ плѣненіи потрясаетъ зрителя, тогда какъ у Гёте оно не производитъ никакого впечатлѣнія. (Льюисъ II, 15).

582—584. Этотъ образъ заимствованъ у Эсхила изъ „Евменидъ“, ст. 235, 236. (Düntzer 91).

593. Шестистопный стихъ, какъ и въ подлинникѣ.

598—600. Düntzer (стр. 92) полагаетъ, что Гёте имѣетъ здѣсь въ виду миѳъ о Лабиринтѣ, изъ котораго Тезей выбрался при помощи нити Аріадны.

628. Düntzer видитъ здѣсь день возвращенія Агамемнона изъ Трои въ Микены, а Buchheim день убійства Клитемнестры Орестомъ. (Düntzer 93).

629. **духи ада** — духи зла, мучающіе грѣшниковъ въ подземномъ мірѣ. (Düntzer 93).

642. Когда Клитемнестра убила супруга, Электра спасла своего маленькаго брата, и онъ воспитанъ былъ въ домѣ отца Пиладова, Строфія, который былъ мужемъ сестры Агамемнона. Объ этомъ разсказываетъ самъ Орестъ въ третьемъ актѣ. Какъ ни идеальна дружба его съ Пиладомъ, однако-жь она въ точности воспроизводитъ главнѣйшую черту греческихъ нравовъ: дружба у грековъ стояла несравненно выше эгоистическихъ отношеній мужчины къ женщинѣ. (Водовозовъ 344).

666—679. Въ этихъ строкахъ нельзя не видѣть намека на дружбу поэта съ герцогомъ Карломъ-Августомъ и воспоминанія о первыхъ годахъ, прожитыхъ въ Веймарѣ. Не это ли мѣсто произвело на Карла-Августа такое сильное впечатлѣніе, когда Гёте читалъ ему драму въ 1786 году? (Düntzer 95).

670. Подъ „великимъ предкомъ“ разумѣется Танталъ.

— Орестъ видитъ въ предкахъ только совершенные образы, а не ихъ злодѣянія, только „великія дѣла“, а не недостатки, присущіе всякому человѣче-

скому дѣлу. Онъ поэтизируетъ предковъ и, опутанный этимъ обманомъ, хочетъ подражать имъ. Это та опасность, отъ которой жизнеопытный Пиладъ желалъ бы предостеречь друга. Все, что наполняетъ духъ Ореста, онъ сейчасъ же оживляетъ фантазіей. Эта черта у Ореста отъ его поэта. (Kuno Fischer 39).

689. Укороченный стихъ, какъ и въ подлинникѣ.

716—717. Въ этихъ словахъ высказывается главнѣйшая мысль Гётевой драмы. Греки допускали милосердіе боговъ на столько, что потомство, уже испытавъ на себѣ кару безсмертныхъ, идущую изъ рода въ родъ, наконецъ достигаетъ примиренія съ ними. (Водовозовъ 346).

728. У Эсхила Фуріи (Евмениды), преслѣдующія Ореста, смѣло являются сначала въ Дельфахъ, а потомъ въ храмѣ Минервы (Аѳины); но благодѣтельная богиня смиряетъ ихъ неукротимый нравъ и заставляетъ благотворительствовать смертнымъ. На это измѣненіе характера Фурій Гёте не обратилъ вниманія: онѣ остаются у него по прежнему адскими богинями. (Водовозовъ 347).

739. Съ этими словами Пиладъ указываетъ на храмъ Артемиды. (Düntzer 98).

764—765. Здѣсь невольно вспоминается Гераклъ, причисленный къ богамъ за свои дѣянія. (Düntzer 98).

778. Это представленіе объ Ифигеніи жители Тавриды могли составить по причинѣ ея суровой дѣвственности. Амазонки, какъ извѣстно, жили, если вѣрить преданію, на Кавказѣ и покорили себѣ Крымъ, Иберію и другія сосѣднія страны. (Водовозовъ 349).

794. Не совсѣмъ понятенъ предлогъ, подъ которымъ Пиладъ удаляетъ Ореста. (Льюисъ II, 17).

— Пиладъ хочетъ при помощи хитрости испытать Ифигенію и въ виду этого удаляетъ своего друга, такъ какъ присутствіе прямого, нетерпѣливаго Ореста можетъ испортить все дѣло. (Бельшовскій 364).

797. Сцена между Орестомъ и Пиладомъ весьма недраматична, но весьма хороша какъ поэтическое выраженіе ихъ душевнаго состоянія. (Льюисъ II, 16).

803. Патенъ (Patin), по мнѣнію англійскаго біографа Гёте, Льюиса, неправильно понялъ значеніе этихъ словъ. Сравнивая ихъ съ возгласомъ Филоктета (обращеннымъ къ Неоптолему въ „Филоктетѣ“ Софокла), онъ говоритъ: „Philoctète n'en savait pas tant, il n'était pas si habile à se rendre compte de ses secrets mouvements: tout ce qu'il pouvait, c'était de s'écrier; o douce parole“ (Etudes sur les Tragiques Grecs III, 323). Пиладъ не отвыкъ отъ звуковъ родного языка, онъ только что передъ этимъ говорилъ съ Орестомъ и, конечно, на родномъ языкѣ: очевидно, что онъ произноситъ эти слова не какъ выраженіе своихъ чувствъ, а какъ средство расположить къ себѣ Ифигенію. (Льюисъ II, 17).

Нѣмецкіе критики пускаются въ праздныя разсужденія о томъ, на какомъ языкѣ говоритъ Ифигенія. Одинъ изъ нихъ предполагаетъ, что она съ Аркадомъ и Ѳоантомъ объясняется на скиѳскомъ нарѣчіи и только, узнавъ въ Пиладѣ соплеменника, обращается къ нему на греческомъ языкѣ. Düntzer вѣрно замѣчаетъ, что условность допущенія одного общаго

языка для дѣйствующихъ лицъ такъ же необходима въ драмѣ, какъ музыка въ оперѣ. (Düntzer 101).

824. Трудно понять съ какой цѣлью Пиладъ измѣняетъ настоящія имена. (Льюисъ II, 17).

862. Греческіе трагики и прежде всѣхъ Еврипидъ, называютъ троянцевъ варварами. (Düntzer 104).

863. **прекраснымъ другомъ,** т. е. Патрокломъ.

865. **Теламоновъ сынъ** — Аяксъ. Условія размѣра заставили меня выпустить это имя.

872. Тріумфъ въ латинскомъ значеніи этого слова не былъ извѣстенъ грекамъ.

891—900. Гёте воспользовался разсказомъ Эсхила, только мѣстами отступая отъ него. Тамъ Агамемнона убиваетъ не Эгисѳъ, а Клитемнестра, нанося мужу три смертельныхъ удара. Она похваляется передъ гражданами своимъ поступкомъ, какъ заслуженной местью за принесеніе въ жертву дочери. У Эсхила Клитемнестра объявляетъ, что будетъ женою Эгисѳа, о которомъ хоръ говоритъ, что съ нимъ она уже давно обезчестила супружеское ложе.

918. Второе явленіе этого акта наконецъ снова выставляетъ Ифигенію въ борьбѣ за родственное чувство; но до самаго четвертаго акта эта борьба заключается въ страданіяхъ героини, узнающей о бѣдствіяхъ своего дома. Теперь слышитъ она только о смерти отца; тяжелая скорбь сжала ей сердце, но она имѣетъ еще твердость спросить: какъ погибъ онъ? Послѣ разсказа Пилада, она быстро удаляется, чтобы скрыть сильную душевную тревогу. Гёте съ намѣреніемъ оставилъ распросы о дальнѣйшихъ со-

бытіяхъ для слѣдующаго акта, гдѣ вновь является на сцену Орестъ: объ убійствѣ Клитемнестры разсказываетъ самъ совершитель грознаго дѣла, и такимъ образомъ самъ пробуждаетъ въ себѣ всѣ тяжкія угрызенія совѣсти, доводящія его до безумія. Тогда Ифигенія исполняетъ свою высокую роль посредницы между имъ и богами. Сцена, гдѣ жрица распрашиваетъ о своемъ домѣ, отличается необыкновенной драматической живостью у Еврипида; у Гёте этого не допускаетъ характеръ Ифигеніи, сильно сосредоточенный въ своихъ чувствахъ. (Водовозовъ 354).

Третье дѣйствіе. Düntzer полагаетъ, что большая часть этого дѣйствія была написана въ первоначальной прозаической обработкѣ между 1-мъ и 5 марта 1779 года. 1-го марта Гёте былъ въ Іенѣ по дѣламъ рекрутскаго набора, а 3-го заперся въ тихомъ и прелестномъ замкѣ Дорнбургѣ и чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ при прекрасной погодѣ, отдаваясь творчеству. 4-го пишетъ онъ г-жѣ фонъ Штейнъ, что къ возвращенію въ Веймаръ числа 11-го или 12-го піеса вѣроятно будетъ готова.

Первое явленіе. Hermann Grimm въ статьѣ Weltcharaktere говоритъ, что Ифигенія входитъ въ сопровожденіи своихъ дѣвушекъ. Откуда почерпнулъ онъ эту подробность, мнѣ неизвѣстно. У Гёте ея нѣтъ ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ обработокъ.

Ифигенія. Орестъ. Ифигенія выходитъ изъ храма и застаетъ на сценѣ Ореста. Почему именно его и притомъ его одного, достаточно не обусловлено, но можно предполагать, что Пиладъ нарочно

подослалъ его, чтобы онъ, какъ наиболѣе заслуживающій состраданія, самъ подѣйствовалъ на сердце жрицы. Во всякомъ случаѣ, это чрезвычайно удачный пріемъ со стороны Гёте; тѣмъ, что каждаго изъ плѣнниковъ онъ порознь сводитъ съ Ифигеніей, онъ даетъ каждому изъ нихъ возможность сразу обнаружить свои характерныя особенности, а вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ удовлетворяетъ и тайное желаніе читателя, чтобы первая встрѣча брата и сестры произошла безъ свидѣтелей, а въ особенности безъ практически-мудраго Пилада. У Еврипида, наоборотъ, Орестъ и Пиладъ появляются всегда вмѣстѣ, причемъ Пиладъ большею частью играетъ роль празднаго статиста. (Бельшовскій 365).

933. Драматизмъ сюжета, какъ очевидно, состоитъ въ томъ, что сестра должна убить брата, не зная, что онъ ей братъ. Но Гёте не только не пользуется этимъ драматическимъ положеніемъ, онъ почти даже вовсе его не касается и ни на минуту не возбуждаетъ въ зрителѣ никакихъ опасеній насчетъ участи двухъ друзей; отъ начала до конца драмы зритель не встревоженъ, не взволнованъ, — въ немъ только возбуждается любопытство, какимъ образомъ совершится избавленіе друзей отъ страшной участи. У Еврипида же напротивъ все ведетъ къ тому, чтобъ увеличить драматизмъ положенія. Ифигенія думаетъ, что Ореста уже нѣтъ въ живыхъ. Приводятъ къ ней брата и его друга. Она спрашиваетъ, кто они. Орестъ отказываетъ сказать свое имя. Разговоръ Ифигеніи съ незнакомцами состоитъ изъ быстро смѣняющихся вопро-

совъ и отвѣтовъ. Узнавъ изъ этого разговора судьбы своей семьи, Ифигенія предлагаетъ незнакомцамъ спасти одного изъ нихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ доставилъ ея письмо въ Аргосъ. Тутъ между друзьями возникаетъ споръ, — они соперничаютъ въ великодушіи: каждый хочетъ умереть и предоставить спасеніе другому. Наконецъ Пиладъ вынужденъ уступить. Тайна раскрывается слѣдующимъ образомъ: Пиладъ, обязавшись клятвою доставить письмо, останавливается на затрудненіи, какъ исполнитъ онъ свой обѣтъ въ случаѣ, если письмо какъ нибудь потеряется, напр. если опрокинется его судно. Тогда Ифигенія на случай, еслибъ письмо потерялось, разсказываетъ его содержаніе и при этомъ произноситъ свое имя. При имени сестры изъ груди Ореста вылетаетъ крикъ радости, онъ называетъ себя и бросается въ ея объятія. Драматическое движеніе этой сцены превосходно. У Еврипида съ этого пункта интересъ слабѣетъ, а у Гёте растетъ. Въ греческомъ произведеніи этотъ моментъ есть высшій пунктъ драматизма. Далѣе вниманіе зрителя сосредоточивается на хитрости Ифигеніи, задуманной ею, чтобы похитить священное изображеніе. Какъ ни льстила эта хитрость вкусамъ аѳинской публики*), но во всякомъ

---

*) Ифигенія прибѣгаетъ къ такой хитрости: она утверждаетъ, что образъ богини оскверненъ нечистыми руками двухъ плѣнниковъ, и необходимо требуетъ очищенія, что для этого нужно погрузить образъ въ море, и что это должно быть сдѣлано такъ, чтобы никто не видѣлъ, поэтому проситъ Ѳоанта приказать всѣмъ жителямъ не выходить изъ домовъ и тща-

случаѣ, наслажденіе, какое она могла доставить, было нисшаго разряда, обращалось къ нисшимъ способностямъ и потому не могло сравниться съ тѣмъ наслажденіемъ, какое выносилъ зритель изъ трагическаго величія первыхъ частей драмы. Въ германской же драмѣ, напротивъ, слабый до сихъ поръ интересъ, представляемый игрою страстей, переходитъ въ высокій нравственный интересъ, такъ что драма, развиваясь, обращается болѣе къ совѣсти, чѣмъ къ чувствамъ, есть скорѣе борьба долга противъ долга, чѣмъ борьба страсти противъ страсти. (Льюисъ II, 19).

960—961. Представленіе о пребываніи героевъ на Олимпѣ чуждо античному греческому міру и принадлежитъ древнимъ германскимъ сказаніямъ о Вальгаллѣ. (Düntzer 112).

960—963. Herman Grimm (Weltcharaktere) разсказываетъ, что въ молодости ему случилось провести лѣто въ окрестностяхъ Рима, въ Альбано, у извѣстнаго живописца Корнеліуса. Старинный городокъ лежитъ у подножія горъ. Сады, къ которымъ примыкаютъ лѣса пиній, касающихся другъ друга верхушками, убѣгаютъ въ даль, переходя въ волнистые луга. Съ другой стороны возвышается вершина Монтекаво. Каждый вечеръ прогуливался Гриммъ со

тельно избѣгать, чтобъ не взглянуть на то, что можетъ ихъ осквернить. Мало этого, ея хитрость доходитъ почти до смѣшного: она проситъ Ѳоанта оставаться въ храмѣ, покрывъ лицо покрываломъ, и предупреждаетъ, чтобъ онъ не безпокоился, если она нѣсколько замедлитъ возвращеніемъ.

старымъ художникомъ. Однажды усѣлись они на краю дороги, спускающемся обрывомъ къ озеру Неми. Съ юга изъ-за Монтекаво клубились густыя сѣрыя тучи, подобныя дыму большого пожара. Буря, не дававшая себя чувствовать вблизи ни малѣйшимъ вѣтеркомъ, не позволяла имъ подняться и прижимала внизъ. Казалось, будто потухшій вулканъ возобновилъ свою работу, и эти клубы дыма исходили изъ его жерла. Корнеліусъ сказалъ: „При этомъ видѣ мнѣ приходятъ на умъ три стиха изъ „Ифигеніи", которые вызываютъ чудесныя картины каждый разъ, когда припоминаются мнѣ". И онъ сталъ произносить, какъ бы говоря самъ съ собою:

Шли они, какъ будто
Олимпъ, разверзшись, ихъ ниспосылалъ.
И шли они, какъ тѣни славныхъ предковъ,
Неся съ собою гибель Иліону.

Эти стихи чисто римскаго происхожденія. Веймарская „Ифигенія" ихъ еще не знала. Они возникли въ душѣ Гёте при видѣ остатковъ древняго искусства... Можно провести прямую линію отъ Гёте къ Фидію, который вдохновлялся стихами Гомера. Черезъ Гёте передалась эта искра Корнеліусу.

Одинъ изъ четырехъ апокалиптическихъ всадниковъ этого художника изображенъ въ греческомъ одѣяніи и вооруженіи. Это образъ, который не могъ бы быть созданъ нѣмецкимъ живописцемъ безъ Гёте, Рима и греческаго искусства въ нѣмецкой передачѣ.

968—973. Въ приведенномъ здѣсь сравненіи мы видимъ прекрасный примѣръ пластики въ рѣчи Гёте:

и изученіе естественной исторіи давало ему порою матеріалъ для поэтическихъ образовъ. Но важно здѣсь то, что древнеклассическое образованіе не останавливало его на однихъ ученыхъ комментаріяхъ къ Гомеру, Цицерону и т. д., а самымъ естественнымъ путемъ привело его къ убѣжденію, что все искусство грековъ состояло въ точномъ познаніи природы. (Водовозовъ 356).

980. **Аида сѣти.** Правильнѣе было бы перевести Avernus — Авернъ. Но я замѣнилъ его однозначущимъ аидомъ, какъ болѣе знакомымъ и понятнымъ нашимъ читателямъ. — Авернoмъ — по объясненію Водовозова (стр. 356) — собственно называлось болото или озеро въ Кампаніи, извѣстное своими ядовитыми испареніями. По преданію древнихъ, здѣсь былъ спускъ въ подземное царство Плутона. Ифигенія хочетъ здѣсь спросить: не погибъ ли и Орестъ чрезъ коварство Клитемнестры?

995—999. Игра словъ и неясность выраженій, заключающіяся въ этомъ разговорѣ, составляютъ вѣрное подражаніе подобнымъ же сценамъ въ греческихъ драмахъ. (Водовозовъ 357).

1009—1038. Въ разсказѣ Ореста поэтъ придерживается „Электры" Софокла. (Düntzer 114).

1010. У Эсхила Строфій названъ товарищемъ Агамемнона по оружію. У Еврипида встрѣчается сестра Агамемнона, названная женою Строфія. Позднѣйшіе писатели даютъ ей имя: Анаксибія. (Düntzer 116).

1013. Здѣсь впервые Пиладъ названъ родственникомъ Ореста. (Düntzer 116).

1036. Кинжалъ, врученный Электрой Оресту тотъ самый, которымъ Атрей закололь сыновей Ѳіеста, оба брата умертвили Хрисиппа, Ипподамія лишила себя жизни, и Эгисѳъ поразилъ Агамемнона. (Düntzer 115).

1054. Дщери Ночи — Эриніи, богини мщенія.

1075. Ифигенія указываетъ здѣсь на исторію, придуманную во второмъ актѣ Пиладомъ. Зачѣмъ Пиладъ не открываетъ прямо о происхожденіи своемъ и Ореста? Этому могла быть та же причина, которую выставляетъ Ифигенія, разсказывая о себѣ Ѳоанту (ст. 267—270). Проклятье, тяготѣвшее надъ Орестомъ, было еще ужаснѣе, и Пиладъ на первый случай сплелъ свою исторію о сыновьяхъ Адраста. Но правдивость Ореста гнушается обманомъ: онъ въ этомъ одинаковыхъ чувствъ со своею сестрою. (Водовозовъ 359).

1081. Укороченный стихъ, какъ и въ подлинникѣ.

1082. Естественныя и драматическія условія заставляютъ ожидать, что слова „Передъ тобой Орестъ!“ произведутъ въ Ифигеніи сильное душевное движеніе, что она бросится въ объятія къ брату и откроетъ, что она ему сестра. Но вмѣсто того она продолжаетъ слушать разсказъ, потомъ удаляется и открываетъ, кто она, уже только въ слѣдующей сценѣ! Такого нарушенія и естественныхъ, и драматическихъ требованій можно было бы ожидать развѣ только отъ совершенно юнаго драматурга, но никакъ не отъ великаго поэта. (Льюисъ II, 18).

— Автору неоднократно дѣлали упрекъ за то, что

въ ту минуту, когда Орестъ называетъ себя, Ифигенія не бросается съ радостнымъ крикомъ въ его объятія, не выражаетъ своего счастья въ восторженныхъ восклицаніяхъ, а напротивъ, нѣкоторое время не можетъ произнести ни слова, послѣ чего обращается съ спокойной благодарственной молитвой къ богамъ. Англійскій біографъ Гёте, Льюисъ, высказалъ даже такое мнѣніе, что это пріемъ начинающаго драматурга. Врядъ-ли можетъ быть болѣе фальшивое сужденіе. Начинающій драматургъ написалъ бы эту сцену именно такъ, какъ того желаютъ Льюисъ и другіе, ибо это было бы проще всего. Если же Гёте поступилъ иначе, то на то у него были основательныя причины.

Характеръ Ифигеніи стоитъ неизмѣримо выше средняго общечеловѣческаго уровня. Она святая, богоподобная. Она чувствуетъ радость и горе еще глубже, чѣмъ другіе люди, но ея чувства прорываются наружу только тогда, когда внутреннее равновѣсіе возстановлено, и выражаются не иначе, какъ съ величавой сдержанностью, присущей божественной душѣ. Для такой души, взоры которой обращены постоянно къ небесному, къ вѣчному, является совершенно естественнымъ, что въ минуты самыхъ сильныхъ аффектовъ мысль ея обращается прежде всего къ богамъ, ибо отъ нихъ исходитъ всякая радость и всякое горе.

Эта покорность судьбѣ и сдержанность въ минуту душевнаго волненія проявляется не только здѣсь; мы можемъ прослѣдить ихъ и въ другихъ случаяхъ.

Когда Θоантъ приказываетъ ей возобновить кровавыя жертвоприношенія и съ гнѣвомъ отворачивается отъ нея, она несомнѣнно переживаетъ ужасный моментъ. Ея добрыя отношенія съ царемъ, отражавшіяся такъ благотворно на всемъ и всѣхъ, разрушены, плодъ ея многолѣтнихъ усилій уничтоженъ, и впереди ее ждетъ мрачное, одинокое существованіе, которое должно казаться ей еще вдвое ужаснѣе, потому что даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ пребываніе въ Тавридѣ было для нея тяжкимъ жребіемъ. Можно было бы ожидать съ такимъ же правомъ, какъ и въ сценѣ съ Орестомъ, что волненіе ея души выразится въ цѣломъ потокѣ страстныхъ жалобъ. Нисколько; она остается спокойной, какъ изваяніе греческаго божества, и съ устъ ея срывается только краткая молитва, выражающая полную покорность волѣ боговъ. Подобнымъ же образомъ принимаетъ она извѣстіе объ ужасной кончинѣ своего отца, а вслѣдъ затѣмъ — и объ убійствѣ матери. Изъ ея растерзаннаго сердца не вырывается ни малѣйшаго крика; мы не слышимъ отъ нея ни стоновъ, ни жалобъ. Только по тому, какъ высоко вздымается ея грудь, и какъ поспѣшно она удаляется при первомъ извѣстіи, можно догадаться, какъ сильно она потрясена; а во второмъ случаѣ ея внутреннее страданіе обнаруживается только въ скорбномъ вопросѣ, обращенномъ къ богамъ. Такою же видимъ мы ее при радостномъ извѣстіи, что Орестъ и Электра еще живы: опять-таки не громкіе ликующіе возгласы вылетаютъ изъ ея устъ, а молитва, въ которой она про-

ситъ солнце уступить ей прекраснѣйшіе изъ своихъ лучей, чтобы она могла сложить ихъ въ знакъ своей благодарности у трона Зевса. И такъ она всюду одна и та же, невозмутимо спокойная, и еслибы въ сценѣ съ Орестомъ ея чувства вылились вдругъ въ неудержимо радостномъ порывѣ, то это противорѣчило бы всему ея характеру. При этомъ слѣдуетъ еще помнить слѣдующее. Сестра покинула родную семью, когда ея братъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ. Проходитъ около 20-ти лѣтъ, и вотъ передъ ней является совершенно незнакомый человѣкъ и объявляетъ ей, что онъ ея братъ. Положимъ даже, что этотъ человѣкъ внушаетъ ей довѣріе; но неужели же она такъ сейчасъ и бросится съ радостнымъ крикомъ къ нему на шею? Не естественнѣе ли предположить, что въ первую минуту она отступитъ въ изумленіи и затѣмъ предложитъ ему цѣлый рядъ вопросовъ, чтобы убѣдиться, что этотъ незнакомецъ дѣйствительно ея братъ? Только послѣ того, какъ она увѣрится въ этомъ, можно ожидать отъ нея радостныхъ изліяній. По нашему мнѣнію не можетъ подлежать сомнѣнію, что она поступитъ именно такъ; въ этомъ же смыслѣ изображена эта сцена у Еврипида — вполнѣ естественно и весьма прозаично. Но если такая женщина, какъ Еврипидовская Ифигенія, поступаетъ такимъ образомъ, то какъ же должна поступить Гётевская героиня? Она конечно не станетъ предлагать Оресту многочисленныхъ вопросовъ; честное лицо ея брата, да и собственное сердце подскажутъ ей, что онъ сказалъ правду. Однако, въ сердцѣ дѣвственной жрицы

не могло сразу исчезнуть чувство отчужденія къ незнакомому юношѣ и замѣниться родственнымъ порывомъ. Поэтому весьма натурально, что даже послѣ довольно продолжительнаго, задушевнаго разговора, она съ трудомъ можетъ побороть въ себѣ какой-то „трепетъ, непозволяющій ей приблизиться къ этому чужому человѣку“ *).

Стало быть, и здѣсь то, что хотѣли поставить Гёте въ упрекъ, является только новымъ доказательствомъ его психологическаго и художественнаго чутья.

Съ удивительно тонкимъ искусствомъ сумѣлъ онъ обойти тѣ подводные камни, которые представляли для него съ одной стороны трезвый реализмъ въ духѣ Еврипида, а съ другой — поверхностная художественная доктрина, предъявлявшая требованія въ родѣ внезапныхъ криковъ радости. (Бельшовскій 366—368).

1093. Признаніе Ореста, конечно, должно было произвести въ немъ состояніе души, совершенно противоположное съ тѣмъ, которое произведетъ въ Ифигеніи. Тогда какъ она не чувствуетъ ничего, кромѣ безмѣрной радости при свиданіи съ братомъ, о которомъ столько лѣтъ мечтала, и въ этомъ добромъ чувствѣ вдругъ забываетъ всѣ скорби,— Орестъ

---

*) Эта черта казалась Гёте настолько существенной, что въ 1781 г. онъ вставилъ ее въ піесу. — Слова, заключенныя въ ковычкахъ, переданы въ моемъ переводѣ такъ: „Меня, какъ отъ чужого страхъ гонитъ отъ тебя“. (Стихи 1185—1186). Ихъ не было въ двухъ первыхъ обработкахъ.

полонъ только мыслями о своемъ преступленіи. Въ неистовствѣ отчаянія онъ не хочетъ признать сестры и, когда признаетъ, то для новыхъ терзаній. Сестра должна погубить его! Въ припадкѣ самозабвенія онъ уже видитъ себя въ Аидѣ, среди тѣней отца и матери; но тутъ таинственно сходитъ на него душевный миръ чрезъ прикосновеніе къ непорочной жрицѣ. (Водовозовъ 360).

1094—1099. Изображеніе „Исполненья" въ видѣ богини счастья вполнѣ соотвѣтствуетъ представленію древнихъ грековъ; она изображалась съ рогомъ изобилія въ одной рукѣ и съ вѣнками въ другой. (Düntzer 121).

1129. Въ „Электрѣ" Софокла Эриніи названы мѣдноногими. (Düntzer 124).

1132. Страшный хохотъ упоминается и въ „Евменидахъ" Эсхила. (Düntzer 124).

1137. У Эсхила же взято изображеніе Эриній со змѣиными головами. (Düntzer 124).

1143. Смертная рѣка — Ахеронтъ (у Пушкина „медленная Лета").

1162—1163. Голова Медузы, одной изъ трехъ Горгонъ, отсѣченная Персеемъ превращала въ камень всякаго, взглянувшаго на нее. (Düntzer 126).

1168. **„Зоветъ! Зоветъ!"** Düntzer толкуетъ, что этотъ возгласъ Ореста вызванъ упоминаніемъ Ифигеніи о „крови матери".

1170—1171. Schröer полагаетъ, что голосъ Ифигеніи напоминаетъ Оресту голосъ ихъ матери, Клитемнестры. Düntzer отрицаетъ это.

1176. Креуса была супруга Язона, который женился на ней, отвергши Медею. Эта изъ ревности послала къ ней въ подарокъ платье, которое сожгло ее. Смерть Геракла извѣстна: онъ погибъ также отъ подарка Деяниры, который состоялъ въ туникѣ, пропитанной ядовитою кровью кентавра Несса. Оба миѳологическія сравненія очень удачно выражаютъ душевную пытку. Далѣе Орестъ, не понимая пламеннаго порыва Ифигеніи, спрашиваетъ: не жрица ли она Вакха, полная вдохновленнаго имъ неистовства? (Водовозовъ 363).

1188. Въ подлинникѣ: Lyäens Tempel, т. е. храмъ Лiея. Лiей — прозвище Діониса или Вакха — значитъ: развязывающій, избавляющій отъ заботъ, отъ горя. — Оресту чудится въ Ифигеніи вакханка. Нѣжный порывъ сестры онъ принимаетъ за страстную возбужденность женской натуры, въ которой видитъ наитіе Вакха.

1197—1198. Кастальскій ручей билъ ключомъ изъ сѣдловины между двухъ вершинъ Парнасса. (Düntzer 128).

1254. Содержанію, вложенному поэтомъ въ величавую сцену Ифигеніи съ Орестомъ Германъ Гриммъ (Weltcharaktere 110) не находитъ другого сравненія, какъ съ послѣдними квартетами Бетховена. Во всѣхъ сочиненіяхъ послѣдняго, предоставленныхъ соревнованію небольшого числа инструментовъ, есть элементъ діалога, который всегда поражаетъ съ новою силой. Кажется будто слышишь страстную бесѣду, выразить которую слова безсильны. Чувства, бьющія

изъ самой затаенной глубины человѣческой души, чаруютъ нашъ слухъ гораздо сильнѣе всякой рѣчи. Въ III дѣйствіи, гдѣ Орестъ и Ифигенія узнаютъ другъ друга, заключены переходы настолько могучіе и нѣжные, что только идеальные, высшаго душевнаго порядка актеры въ состояніи ихъ передать.

1255—1257. Въ серединѣ піесы трагизмъ и безвыходность положенія достигаютъ крайняго предѣла. Грозные призраки сплошнымъ кольцомъ окружаютъ Ифигенію. Съ одной стороны надъ ней тяготѣетъ гнѣвъ царя, и его повелѣніе приносить въ жертву всѣхъ чужестранцевъ, съ другой ее терзаетъ безуміе брата. Радость свиданія съ нимъ, о которой она такъ давно мечтала, и которая наполняетъ теперь ея сердце, еще болѣе усиливаетъ трагизмъ предстоящаго жертвоприношенія и безумія Ореста. (Бельшовскій 366).

1301. Орестъ упоминаетъ о Танталѣ. Этотъ монологъ, какъ и вся сцена съ Ифигеніей, служитъ образцомъ искусства Гёте въ развитіи душевныхъ движеній; но, по глубинѣ своей идеи, которая состоитъ въ томъ, чтобы наглядно представить великій переворотъ, таинственно совершающійся въ душѣ человѣка, онъ не произвелъ бы особеннаго дѣйствія при представленіи на театрѣ; видимое Орестомъ, какъ въ сновидѣніи, нужно бы тогда вывести на сцену, а это противорѣчитъ общему содержанію драмы, гдѣ не является ни Фурій, ни призраковъ. (Водовозовъ 367).

1313. Поэтъ воспользовался выраженіемъ Гомера, который изображалъ умирающихъ естественной

смертью тронутыми нѣжными стрѣлами Феба (мужчинъ) и Артемиды (женщинъ). (Düntzer 136).

1316. Оресту кажется, что онъ находится въ преисподней и видитъ передъ собой своихъ предковъ, но не яростныхъ и одушевленныхъ враждой, и не преслѣдуемыхъ богами за свои преступленія, а наоборотъ свободныхъ, привѣтливыхъ и наслаждающихся спокойствіемъ. Месть и проклятіе сняты съ нихъ. Какимъ образомъ могла эта прекрасная греза возникнуть въ измученной, гонимой Фуріями душѣ Ореста? Это объясняется чудодѣйственнымъ, всеисцѣляющимъ вліяніемъ святой сестры; мы видимъ здѣсь въ образахъ то великое превращеніе, которое, благодаря ея чудесной силѣ, происходитъ въ Орестѣ. Вѣра въ любовь боговъ вытѣснила вѣру въ ихъ мстительность, а вѣра въ искупленіе замѣнила собою вѣру въ проклятіе. Какъ только вѣра въ милосердіе боговъ явилась въ сердцѣ Ореста, онъ можетъ надѣяться, что оно распространится и на него. И въ этомъ случаѣ сестра опять становится его заступницей. (Бельшовскій 369).

1321. Выраженіе, взятое у Еврипида. (Düntzer 137).

1358. Избавленіе Ореста отъ проклятія Гёте называлъ „осью всей піесы". (Kuno Fischer 45).

1359. Льюисъ (II, 22) видитъ здѣсь характеристическое различіе между древнимъ и новымъ искусствомъ: у Еврипида Фуріи страшныя явленія, дѣйствительныя лица, изображаемыя на сценѣ актерами; у Гёте же не болѣе, какъ только фантастическія видѣнія страждущей души, видимыя только внутреннему глазу.

1364. Въ эту минуту піеса достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, и мы понимаемъ теперь, почему авторъ такъ высоко превознесъ характеръ Ифигеніи. Ей было предназначено освободить преступный родъ отъ тяготѣвшаго надъ нимъ проклятія; греческій миѳъ даетъ чисто внѣшнее рѣшеніе этой задачи, Гётевской же героинѣ предстояло разрѣшить ее внутреннимъ образомъ. Для этого нужна была совершенно чистая личность, незапятнанная грѣхомъ и самоотверженно отдавшая всю свою жизнь для блага другихъ людей. Такое самопожертвованіе, такая смерть дважды символически олицетворились въ Ифигеніи: въ первый разъ — при принесеніи ея въ жертву въ Авлидѣ, и вторично — благодаря ея изгнанію въ Тавридѣ. Безъ малѣйшаго ропота, по свободному внушенію своего любвеобильнаго сердца и съ полной покорностью рѣшенію боговъ принесла она эту жертву. Черезъ это она не только сама сдѣлалась святой, но получила также возможность очищать и другихъ, тѣхъ, которые прониклись внутренно ея святостью.

Находили, что поэтъ затронулъ этимъ глубочайшую тайну христіанскаго ученія. Врядъ ли онъ сдѣлалъ это сознательно. Въ его понятіи духовное исцѣленіе его героя объяснялось всецѣло тѣми простыми и величавыми словами, которыя въ 1827 г. онъ написалъ на экземплярѣ „Ифигеніи“, посвященномъ актеру Крюгеру: „Jedes menschliche Gebrechen sühnet reine Menschlichkeit“. (Бельшовскій 369).

— Должно быть Бельшовскій намекаетъ на Куно

Фишера, который говоритъ слѣдующее: „Искупленіе отягощеннаго грѣхами поколѣнія составляетъ основную тему произведенія Гёте, и эта тема имѣетъ въ высокой степени религіозное значеніе. Чѣмъ ослѣпленнѣе бушуютъ страсти въ человѣческой природѣ, нагромождая вину на вину, тѣмъ сильнѣе запутываются люди въ своихъ злодѣяніяхъ, тѣмъ менѣе тревожитъ ихъ совѣсть. Съ очищеніемъ возникаетъ и ростетъ въ глубину сознаніе своей вины, котораго не знаетъ грѣхъ, когда онъ еще только расцвѣтаетъ. Вполнѣ чистая и ясная душа, не вѣдающая личной вины, чувствуетъ вину тѣхъ, кого любитъ, страдаетъ за нихъ и жаждетъ дать имъ обновленную, очищенную жизнь, освободивъ ихъ отъ страданія и избавивъ отъ тяжести грѣха. Когда тѣ, кого она любитъ,— все человѣчество, то это предстательство и искупительное страданіе есть дѣяніе Христа.

„Въ нашей драмѣ въ искупленіи нуждается родъ Тантала, изъ котораго произошла только одна вполнѣ чистая и невинная душа, не имѣющая никакого участія въ страстяхъ, обуревавшихъ ея домъ, и проистекшихъ изъ нихъ злодѣяніяхъ; въ силу этого она сознаетъ въ самомъ корнѣ совершенныя предками злодѣянія, и такъ какъ она любитъ свой родъ, то именно ей и суждено чувствовать вину своихъ родныхъ и страдать за нихъ. Поэтому она и призвана искупить свой родъ и сознаетъ это“. (K. Fischer 46).

— Karl Heinemann въ статьѣ Die Heilung des Orest (Goethe-Jahrbuch, L. Geiger, Frankfurt a. M. 1899, XX, 13) справедливо говоритъ, что „какъ ни

остроумны выводы Куно Фишера, исцѣленіе Ореста остается чудомъ, такъ же какъ и искупленіе человѣческаго рода Христомъ Спасителемъ; это искупленіе мы не можемъ постигнуть нашимъ умомъ. И какъ понять, что Гёте придалъ исключительно христіанскую черту драмѣ, которая должна была имѣть греческій характеръ?“

Кромѣ К. Фишера и К. Гейнеманна вопроса объ исцѣленіи Ореста касаются также P. Klaucke и V. Valentin. Klaucke тоже объясняетъ это исцѣленіе христіанскими воззрѣніями. Онъ видитъ въ сообщеніи о матереубійствѣ исповѣдь Ореста. Съ этой исповѣдью связано раскаяніе Ореста: онъ хочетъ смерти и въ ней одной видитъ искупленіе грѣха. Въ этомъ начало исцѣленія. Христіанская религія признаётъ, что сознаніе вины и покаяніе въ грѣхахъ дѣлаютъ грѣшника достойнымъ прощенія. Исцѣленіе совершается, когда Ифигенія прощаетъ грѣхъ брата. (P. Klaucke. Erläuterungen ausgewählter Werke Goethes, 3 Heft: Iphigenie, Berlin. W. Weber. 1888). Гейнеманнъ возражаетъ на это, говоря, что „во всей драмѣ нѣтъ ни одного слова о раскаяніи Ореста. И гдѣ же быть раскаянію, когда на убійство матери толкалъ его законъ кровавой мести? Только однажды упоминаетъ Орестъ о раскаяніи, какъ о спутникѣ Эриній (стихъ 1061), но рядомъ съ раскаяніемъ называетъ и сомнѣніе. Мысль объ ужасномъ дѣяніи затемняетъ разсудокъ несчастнаго и, несмотря на убѣжденіе, что онъ поступилъ какъ должно, въ его сердцѣ возникаетъ сомнѣніе, согласуется ли законъ кровавой мести съ

требованіями совѣсти. Онъ желаетъ смерти не потому, что раскаивается, а вслѣдствіе совершенія такого страшнаго преступленія. Но такъ какъ раскаяніе есть первое условіе прощенія грѣха, то и все толкованіе падаетъ само собою". (Goethe-Jahrbuch. 1899 S. 213).

„Въ исцѣленіи Ореста", говоритъ V. Valentin въ своемъ изданіи „Ифигеніи" (Deutsche Schulausgabe von Schiller und Valentin) „дѣйствуютъ два фактора: внутреннее раскаяніе Ореста и очищающая однимъ своимъ присутствіемъ, своей личностью непорочность сестры. Это раскаяніе овладѣваетъ Орестомъ, когда онъ снова переживаетъ муки воспоминаній о своемъ страшномъ преступленіи. Въ его представленіи совершается то, что грозитъ ему на дѣлѣ. Орестъ видитъ, какъ родная сестра готовится принести его въ жертву. Благодаря этому въ его представленіи произошло то, что въ дѣйствительности могло и должно бы было искупить его вину, еслибъ божество не удовлетворилось этимъ видомъ жертвы. Исцѣленіе завершается черезъ посредство сестры. Она однако дѣйствуетъ не присущей ей божественной силой—о ней нигдѣ нѣтъ рѣчи—но всепобѣждающей властью своего непорочнаго существа, посвященнаго служенію божеству. Какъ при приближеніи Спасителя бѣсы приходили въ тревогу въ одержимыхъ ими людяхъ и исчезали, такъ и здѣсь демонъ зла, поселившійся въ Орестѣ съ минуты убійства матери, изгоняется при появленіи совершенной чистоты".

„Итакъ", возражаетъ Гейнеманнъ, „Valentin объ-

ясняетъ одинъ непонятный для нашего разсудка примѣръ другимъ; онъ не замѣчаетъ, что Орестъ не одержимъ бѣсами, а только мучимъ угрызеніями совѣсти.

„То, что Валентинъ называетъ демономъ, вѣдь и есть благородная особенность Ореста, который не можетъ успокоиться на томъ, что убійство было необходимо и даже неизбѣжно. Его повелѣвало и божественное и человѣческое право, и все же какой то неписанный законъ въ душѣ Ореста возставалъ противъ этого. Лишь противъ воли приступилъ онъ къ страшному дѣлу, когда „огонь отмщенья, что въ матери присутствіи священномъ сталъ гаснуть“ (стихи 1023—1025), и теперь „дѣяній совершенныхъ созерцанье“ (1064) отдаетъ его во власть сомнѣнія. Это мучительное сомнѣніе, эта ужасная тревога — вотъ кто Эриніи. Но каяться Оресту нѐ въ чемъ и очищать его нѐ отъ чего. Его дѣйствія были неизбѣжны, намѣренія благородны и справедливы; трагедія заключается въ томъ, что мечъ отмщенія поразилъ ту, кто должна бы была быть для Ореста самымъ дорогимъ существомъ на свѣтѣ. Замѣчательно, что несмотря на это почти всѣ толкователи исходятъ изъ покаянія и очищенія Ореста.

„Большое число другихъ разъясненій, которыя даютъ Scherer, Hettner, Kern, Hiecke, Matthias и др. не стоитъ даже приводить. Во всѣхъ этихъ разъясненіяхъ встрѣчается моментъ, котораго нельзя постичь разсудкомъ. Также и тѣ изъ названныхъ ученыхъ, которые указываютъ на г-жу фонъ Штейнъ и на желаніе Гёте ее превознести, не могутъ истолко-

вать чуда исцѣленія. Но какъ ни любопытны всѣ эти объясненія, все же художественное произведеніе должно быть истолковываемо собственнымъ своимъ содержаніемъ. Не могло входить въ намѣренія Гёте объяснить самое существенное, самую „ось драмы" чудомъ, т. е. оставить безъ объясненія; это ясно каждому знатоку Гётевской поэзіи.

„Какъ же истолковать чудо исцѣленія Ореста? Начнемъ съ того, что Гёте хотѣлъ написать не современную піесу, а драму, основанную на греческомъ міровоззрѣніи. Намъ хорошо извѣстно, что „Ифигенію" Гёте не безъ основанія называли не греческою. Но для насъ важно только намѣреніе автора, а за него говорятъ слова самого Гёте, сказанныя въ позднѣйшіе годы: „Я написалъ свою „Ифигенію" на основаніи изученія греческихъ писателей, которое, однако, было недостаточно. Еслибъ я довелъ изученіе до конца, она осталась бы не написанной".

„Источникъ Гёте, Еврипидъ, сообщаетъ, что Орестъ былъ оправданъ свѣтскимъ судомъ; хотя онъ и нарушилъ священную заповѣдь, но только тѣмъ, что повиновался другой, столько же священной. Эриніи все же преслѣдуютъ его потому, что должны мстить за кровь матери. Но, будучи причиной его дѣянія, онѣ не могутъ быть непримиримы. Во всемъ родѣ остается только одна, обязанная кровавой местью, — Ифигенія; ибо Электра была причастна къ преступленію. По мнѣнію Гёте, глубокій смыслъ оракула въ томъ, что посылая Ореста въ Тавриду повидимому для похищенія кумира Арте-

миды, онъ въ дѣйствительности предоставляетъ Оресту избавиться отъ Эриній черезъ сестру, которая одна можетъ или проклясть, или оправдать его. „Ифигенія — дочь Агамемнона и Клитемнестры. Значитъ, ей должно или одобрить поступокъ Ореста, или отомстить за него; возможно только одно изъ двухъ, и она милуетъ убійцу Клитемнестры. Несправедливость къ послѣдней искупается тѣмъ, что теперь преступленіе Клитемнестры тоже прощено. Поэтъ могъ показать это только въ видѣніи. Отсюда грезы Ореста:

Ты ль это, отецъ? 1290
И ты мою мать дружелюбно ведешь?
Если руку тебѣ Клитемнестра даетъ,
И Орестъ также смѣетъ къ ней подойти
И ей смѣетъ сказать: Предъ тобой твой сынъ!

„Тутъ разрѣшается проклятіе. Орестъ освобожденъ.

„Ужасныя муки сомнѣнія, воплощенныя поэтомъ въ Эриніяхъ, отняты у него.

„Такъ задумалъ Гёте ходъ дѣйствія, согласно съ греческими воззрѣніями. Правда, въ его „Ифигеніи“ ничего не говорится о законѣ кровавой мести, подъ которымъ находится Орестъ. Но вся драма построена на этихъ воззрѣніяхъ, ихъ послѣдствіяхъ и на убійствѣ Клитемнестры. И Ифигенія не сомнѣвается насчетъ долга Ореста повиноваться кровавой мести:

Какъ рода славнаго послѣдній сынъ, 976
Младенецъ тотъ, что мстителемъ отца
Стать долженъ былъ съ годами, какъ Орестъ
Кроваваго избѣгнулъ дня?

„Но и независимо отъ греческихъ воззрѣній кровавой мести и ея послѣдствій, ходъ дѣйствія вполнѣ понятенъ. Въ томъ и прекрасное преимущество драмъ Гёте, что ихъ герои, гдѣ бы и когда они ни появлялись, всегда типичные люди, которыхъ радости и печали затрогиваютъ струны нашего сердца. Убійца матери, хотя и вынужденный свершить свое страшное дѣло, все же мучается угрызеніями совѣсти и доходитъ почти до безумія. Его милуетъ та, кто одна во всемъ мірѣ можетъ потребовать у него отчета, потому что дѣяніе было справедливо и необходимо; муки совѣсти утихаютъ, и безуміе проходитъ.

„Воззрѣнія, которыя поэтъ, какъ ему казалось, нашелъ въ первоисточникѣ, и вытекающія изъ нихъ дѣйствія надо было изложить драматически. Муки сомнѣнія превратились въ Эриній, а избавленіе отъ терзаній совѣсти перешло въ исцѣленіе отъ недуга. Прощающая и разрѣшающая сестра преобразилась въ святую.

„Möbius въ своей прекрасной книгѣ „Ueber das Pathologische bei Goethe“, исходя изъ точки зрѣнія врача, считаетъ исцѣленіе Ореста непонятнымъ. Оно и естественно, ибо это исцѣленіе не во врачебномъ смыслѣ, а символъ драматурга для избавленія Ореста отъ терзаній совѣсти черезъ посредство прощающей сестриной любви“. (Goethe-Jahrbuch 1899. XX. S. 214—220).

Глубокомысліе нѣмецкой критики, нерѣдко доходящее до крайности, какъ видно изъ приведенныхъ мною выдержекъ, напоминаетъ мнѣ слова самого Гёте,

повторенныя въ рѣчи Президента С.-Петербургской Академіи Наукъ С. С. Уварова, произнесенной на французскомъ языкѣ въ торжественномъ собраніи Академіи 12-го марта 1833 г.: „Шлегель старшій разсказывалъ мнѣ, что однажды, переписывая стихотворный отрывокъ въ присутствіи самого Гёте, остановился онъ и скромно, почтительно осмѣлился спросить поэта о точномъ смыслѣ стиховъ, на которые въ Германіи вышло множество противорѣчій. Гёте разсмѣялся и сказалъ: „Оставьте эти загадки; когда писалъ я, мнѣ казалось, въ нихъ былъ смыслъ; вотъ все, что могу я вамъ сказать". (Ученыя Записки Импер. Московск. университета. Ч. I, Москва 1833. Переводъ профес. Давыдова, стр. 86).

1368. На этомъ оканчивается III актъ, представляющій рядъ такихъ захватывающихъ, глубокихъ по мысли и высокохудожественныхъ сценъ, какія еще никогда не создавалъ ни одинъ поэтъ. (Бельшовскій 370).

— Опять же этотъ конецъ III акта задуманъ такъ музыкально, что кажется, будто слышишь сопровождающую его музыку. (Herman Grimm. Weltcharaktere 112).

Четвертое дѣйствіе было написано въ одинъ день, 19-го марта 1779 г. близь Ильменау въ досчатомъ домикѣ на вершинѣ горы Швальбенштейнъ (Düntzer 20).

1420. Мы видѣли, что III актъ окончился примиреніемъ Ореста со своею совѣстью. Теперь развивается другая, внутренняя борьба въ сердцѣ Ифи-

генiи за благодарность Θоанту — борьба, которой начало положено еще въ I актѣ. Если, еще не зная брата, Ифигенiя готова была отвергнуть всѣ почести, чтобы возвратиться въ отчизну, то тѣмъ могущественнѣе стало это стремленiе теперь, когда братъ ей возвращенъ, и она успѣла спасти его силою любви своей и чистоты душевной. Но едва одно чувство было удовлетворено, въ душѣ заговорилъ новый голосъ: Ифигенiя вспомнила, что обманъ не послужитъ къ спасенiю ея дома, отягченнаго и безъ того преступленiями, что болѣе чѣмъ когда либо обязана она благодарностью къ Θоанту, самый гнѣвъ котораго происходитъ отъ любви къ ней. Разрѣшенiе этой новой и послѣдней борьбы найдемъ въ V актѣ. (Водовозовъ 371).

— Въ промежутокъ между третьимъ и четвертымъ дѣйствiемъ Пиладъ придумалъ планъ побѣга. Это тотъ же планъ, что и у Еврипида; разница только въ томъ, что у греческаго трагика его придумываетъ сама Ифигенiя, за что и удостоивается похвалы Ореста („достойна удивленiя женская хитрость“), здѣсь же она относится ко всей этой коварной интригѣ, какъ испуганное дитя. Она нуждается въ указанiяхъ и заучиваетъ наизусть тѣ слова, которыя должна будетъ отвѣчать царю, когда онъ прикажетъ ей совершить жертвоприношенiе; предоставленная самой себѣ, она въ чистотѣ своей души никогда не сумѣла бы найти этихъ лживыхъ словъ. Противорѣчiе, въ которое такимъ образомъ впадаетъ Ифигенiя сама съ собой, создаетъ въ концѣ пiесы совершенно

новый, сильный интересъ. Выдержитъ ли Ифигенія предназначенную ей роль? Или предпочтетъ сохранить свою душевную чистоту, отрѣзать себѣ путь на родину и погубить брата и его друга? Съ напряженнымъ вниманіемъ ожидаемъ мы разрѣшенія этой диллеммы. (Бельшовскій 371).

1440. Теперь дѣло идетъ не о томъ только, чтобы спасти двухъ чужестранцевъ; вмѣстѣ съ ними должна бѣжать Ифигенія, и, что самое трудное, надо похитить изображеніе Артемиды. Это — слабое мѣсто во всемъ столь тщательно обоснованномъ развитіи драмы.

Преобразовавъ исцѣленіе Ореста въ духѣ христіанско-новѣйшихъ воззрѣній, Гёте тѣмъ самымъ придалъ необычайно глубокій внутренній смыслъ этому основному мотиву всей драмы; но при этомъ онъ упустилъ изъ виду, что такое видоизмѣненіе не согласовалось съ главной пружиной дѣйствія, взятой имъ изъ античной драмы и обусловливающей весь дальнѣйшій ходъ піесы. Мы должны вѣрить, такъ же, какъ и дѣйствующія лица, что исцѣленіе героя только временное, а что полнаго исцѣленія навѣки онъ достигнетъ только въ томъ случаѣ, если похититъ изображеніе Артемиды и перевезетъ его въ Дельфы. Но вѣрить этому мы не въ состояніи, и наоборотъ увѣрены въ противномъ, въ томъ, что Орестъ исцѣлился окончательно, навсегда; поэтому насъ нѣсколько непріятно поражаетъ то, что Ифигенія, Орестъ и Пиладъ ломаютъ себѣ голову и такъ хлопочутъ о похищеніи божественнаго изображенія. Однако, это непріятное впечатлѣніе продолжается не долго. Мы

скоро поддаемся заразительной силѣ Гётевской поэзіи и снова принимаемъ живое участіе въ страданіяхъ этихъ лицъ. Этому способствуетъ еще и то обстоятельство, что похищеніе статуи богини влечетъ за собой не только спасеніе и бѣгство нашихъ трехъ героевъ, но оно должно еще неизбѣжно поставить Ифигенію въ нравственно-безвыходное положеніе, представляющее для насъ неизмѣримо бо́льшій интересъ, чѣмъ вызвавшая его причина. (Бельшовскій 370).

1609. Гёте, какъ и Шекспиръ въ „Зимней сказкѣ“, принимаетъ Дельфы за островъ. (Düntzer 151).

1643—1652. Ифигеніи предстоитъ спасти своего брата не только отъ смерти, но и отъ друзей. Спасти силой — невозможно; единственное средство — прибѣгнуть къ обману. Грека это нисколько не затрудняло: грекъ предпочиталъ обманъ силѣ; но христіанская совѣсть возмущается противъ обмана,—для нея обманъ есть поступокъ глубоко безнравственный. Поэтому у Гёте Ифигенія ужасается подобнаго поступка и приходитъ въ нерѣшительность, вспомнивъ, какъ Ѳоантъ былъ къ ней всегда добръ и внимателенъ. Когда является Пиладъ и подстрекаетъ ее къ бѣгству, она высказываетъ ему свои сомнѣнія. Не такъ должна была говорить гречанка. У Гётевой Ифигеніи, очевидно, христіанская совѣсть. (Льюисъ II, 20).

1665. Отступитъ ли чистая душа Ифигеніи отъ высокихъ своихъ стремленій ради спасенія брата: въ этомъ весь узелъ драматизма. Положеніе весьма трагическое. (Льюисъ II, 20).

1720. Парки такъ же какъ и Эриніи у Эсхила принадлежали къ древнимъ божествамъ, нерасположеннымъ къ богамъ Олимпа и благосклоннымъ къ Титанамъ и Танталу. (Düntzer 160).

1734. Олимпъ назывался многовершиннымъ. Здѣсь поэтъ имѣетъ въ виду скалистыя, покрытыя тучами вершины. (Düntzer 160).

1744—1753. Это описаніе напоминаетъ не столько греческую, сколько германскую миѳологію; въ Эддѣ боги пируютъ въ 12 небесныхъ чертогахъ. Задушенные Титаны — быть можетъ указаніе на Тифона, закованнаго въ нѣдрахъ горы Этны и извергающаго пламя. (Düntzer 161).

1766. Великолѣпная пѣснь Парокъ, которая рисуетъ передъ нами съ грандіозностью, достойной кисти Микель-Анджело, безжалостныхъ, капризныхъ боговъ, утопающихъ въ эгоистическихъ наслажденіяхъ. Какой смыслъ можетъ имѣть эта пѣснь въ устахъ Ифигеніи въ эту минуту? Она противорѣчитъ всѣмъ ея религіознымъ вѣрованіямъ. Ея представленіе о богахъ, какъ мы неоднократно слышали, діаметрально противоположно этому. Она считаетъ ихъ справедливыми, милосердными, благими. Неужели же такъ быстро измѣнились всѣ ея вѣрованія? Можемъ ли мы допустить такую метаморфозу въ Ифигеніи? Или въ этой пѣснѣ слѣдуетъ видѣть нѣчто иное, какъ широкій отголосокъ воспоминанія о древней враждѣ Титановъ, который поэтъ позволилъ себѣ вплести, какъ блестящее украшеніе, въ золотую ткань своего творенія? Такое объясненіе тоже не удовле-

творяетъ насъ. По тому, какъ Гёте понималъ свою героиню, мысль о ненависти боговъ, набѣжавшая какъ темное облако на ея душу, не могла надолго омрачить ее и должна была разсѣяться прежде, чѣмъ она успѣла спѣть эту пѣснь. По нашему мнѣнію, пѣснь Парокъ имѣетъ скорѣе совершенно другое значеніе. Ифигенія поетъ пѣснь о безжалостныхъ богахъ, равнодушно относящихся къ участи смертныхъ, для того, чтобы, содрогаясь отъ ужаса, вполнѣ освободиться отъ этого безотраднаго представленія, на минуту мелькнувшаго въ ея душѣ. Трагическая пѣснь дѣйствуетъ на нее такъ же, какъ трагедія дѣйствуетъ на зрителя. Съ этимъ согласуется и дальнѣйшее ея поведеніе; мы вскорѣ видимъ, что она поступаетъ какъ разъ обратно своему недавнему рѣшенію. Вмѣсто того, чтобы лгать, затаивъ въ сердцѣ ненависть къ богамъ, принуждающимъ ее ко лжи, она говоритъ правду, возлагая на нихъ все свое упованіе. (Бельшовскій 372).

— Подъ старцемъ изгнанникомъ здѣсь разумѣется тотъ же прапрадѣдъ Танталъ. Пѣснь Ифигеніи носитъ античный характеръ пѣсней, посвященныхъ Евменидамъ. Передъ тѣмъ еще Пиладъ говорилъ о всесильной власти неумолимаго рока, и, кажется подобно драмамъ Эсхила, трагедія Гёте ведетъ къ прославленію этой слѣпой силы необходимости. Но читатель уже чувствуетъ, что готовится иная развязка, для которой данными служатъ свободная, непреклонная воля въ душѣ Ифигеніи и благородный характеръ Ѳоанта. Послѣ примиренія съ бо-

гами, сила рока не могла имѣть значенія: все зависѣло только отъ свободнаго рѣшенія дѣйствующихъ лицъ, и V актъ выводитъ всѣхъ главныхъ борцовъ на арену, гдѣ побѣдителями являются Орестъ и Ифигенія, истинное мужество и душевная кротость. (Водовозовъ 383).

Пятое дѣйствіе было закончено въ первоначальной прозаической обработкѣ къ 28-го марта 1779 г.

1782. Возможность достигнуть благопріятнаго исхода путемъ насилія и хитрости уничтожена для нашихъ героевъ; прибѣгнуть же къ вмѣшательству какого нибудь deus ex machina, подобно Еврипиду, Гёте не могъ. Чтобы распутать узелъ, оставалось только пустить въ ходъ нравственныя силы въ ихъ самыхъ высокихъ проявленіяхъ, и вотъ почему, между прочимъ, поэтъ долженъ былъ поднять характеръ Ифигеніи на такую недосягаемую высоту. (Бельшовскій 373).

1836. Укороченный стихъ, какъ и въ подлинникѣ.

1880. Вымаливавшіе у боговъ милость брали въ руки масличную или лавровую вѣтвь, обернутую шерстью. Здѣсь сама мольба изображена масличной вѣтвью въ противоположность мечу. (Düntzer 169).

1889. Неправильность размѣра въ этомъ стихѣ вполнѣ воспроизводитъ такую же неправильность въ подлинникѣ. Трудно объяснить ее недосмотромъ. Düntzer полагаетъ, что нарушеніемъ строгаго ямба Гёте желалъ выразить смущеніе героини.

1904. Намекъ на Діомеда, о подвигѣ котораго разсказывается въ Иліадѣ. Впрочемъ, слова Ифигеніи

имѣютъ общій смыслъ, потому что она ничего не знала о дѣлахъ Троянскихъ. (Водовозовъ 388).

1911. Лемніянки подъ предводительствомъ Гипсипилы умертвили своихъ мужей и отцовъ, чтобы утвердить женское владычество. По Геродоту скиѳы называли Амазонокъ муже-убійцами. (Düntzer 170).

1919—1936. Изобразивъ всю силу соблазна, всю немощь человѣческихъ слабостей, поэтъ потрясаетъ насъ величіемъ своей героини и влагаетъ въ ея уста эту пламенную рѣчь. (Льюисъ II, 20).

1944. Неправильность размѣра, какъ и въ подлинникѣ. См. примѣчаніе къ стиху 1889.

1961. Скалистые острова Гіаръ, Кинара, Серифъ служили у римлянъ мѣстомъ ссылки. (Düntzer 173).

1986. Вліяніе Ифигеніи на Ѳоанта сравниваютъ съ обаяніемъ, которое имѣла для Гёте Шарлотта фонъ Штейнъ. Бидерманъ указываетъ на письмо къ ней поэта безъ обозначенія числа, въ которомъ онъ называетъ ее смиряющей (Besänftigerin). (Goethe-Forschungen von Woldemar Freiherr von Biedermann. Frankfurt a. M. 1879. S. 48).

1992. Еслибъ Ѳоантъ былъ изображенъ свирѣпымъ скиѳомъ, или, по крайней мѣрѣ, еслибъ мы не были заранѣе убѣждены въ его великодушіи, то драматическое столкновеніе вышло бы гораздо сильнѣе. Но мы заранѣе знаемъ, что Ѳоантъ не способенъ къ жестокости (?), и находимъ его почти совершенно смягчившимся, когда Орестъ вбѣгаетъ съ мечомъ и торопитъ Ифигенію бѣжать, такъ какъ ихъ замыселъ открытъ. (Льюисъ II, 21).

— Мы заранѣе увѣрены, что благородные элементы въ душѣ царя, будучи разъ затронуты, непремѣнно поборятъ въ ней темныя враждебныя силы, и напряженное вниманіе, съ которымъ мы слѣдили за развитіемъ драматическаго дѣйствія, готово уже перейти въ растроганное умиленіе, когда неожиданное и весьма серьезное приключеніе возбуждаетъ его съ новой силой. (Бельшовскій 375).

2023—2057. Herman Grimm справедливо замѣчаетъ (Weltcharaktere 122), что Ѳоантъ и Орестъ говорятъ не такъ, какъ бы требовалъ характеръ скиѳскаго царя и юнаго грека, но согласно гуманитарнымъ мыслямъ и чувствамъ, которыя бродили въ обществѣ передъ французской революціей. Придавая царю этого рода мысли, Гёте хотѣлъ возвысить его въ нашихъ глазахъ и вызвать наше сочувствіе передъ разставаньемъ съ нимъ. Ѳоантъ — бѣдный, покинутый человѣкъ. Мы чувствуемъ, что съ удаленіемъ Ифигеніи онъ навсегда лишается личнаго счастья. Такимъ же образомъ Гёте возвышаетъ въ нашемъ мнѣніи Ореста, который только что освободившись отъ страданій, видитъ себя будущимъ властителемъ Микенъ и сознаетъ выпадающія на его долю задачи.

2045. Обычай атлетическихъ состязаній, о которыхъ разсказываетъ и Гомеръ, Гёте переноситъ отъ грековъ къ варварамъ: но онъ придаетъ послѣднимъ и многія другія черты, которыхъ не хотѣли признавать въ нихъ гордые своею образованностью греки. Впрочемъ, вызовъ Ореста и условія, имъ предложенныя, напоминаютъ скорѣе рыцарство среднихъ вѣ-

ковъ, чѣмъ современниковъ Агамемнона. Греки сражались только за плѣнницъ, за оружіе, за тѣла друзей своихъ, оставленныхъ на полѣ битвы. (Водовозовъ 394).

2063. Гриммъ полагаетъ, что едва ли Ѳоантъ надѣется выйти побѣдителемъ изъ единоборства съ Орестомъ. Скорѣе онъ предпочитаетъ быть сраженнымъ, чтобы этимъ доказать свою любовь Ифигеніи и своею гибелью дать ей возможность бѣжать съ братомъ. (Weltcharaktere 123).

2081. Въ трагедіи Еврипида „Ифигенія въ Тавридѣ“ есть цѣлая сцена, гдѣ героиня задаетъ разные вопросы Оресту, чтобы въ этомъ увѣриться. Ничего подобнаго не видно въ III актѣ „Ифигеніи“ Гёте. Героиня съ первой минуты, какъ Орестъ ей открылся, называетъ его своимъ братомъ. Она не думала ни о чемъ разузнавать, а прямо обратилась съ мольбою къ богамъ. Такимъ образомъ настоящія слова ея должны служить только къ убѣжденію Ѳоанта. (Водовозовъ 395).

2083. Аристотель упоминаетъ о драмѣ Каркѝна „Ѳіестъ“, въ которой Ифигенія узнаетъ Ореста по родимому пятну въ видѣ звѣздъ.

2087. Заимствованіе изъ „Электры“ Еврипида (Düntzer 179).

2116—2117. У Еврипида развязка происходитъ черезъ личное вмѣшательство Аѳины Паллады, а у Гёте чрезъ разъясненіе смысла словъ оракула. (Льюисъ II, 23).

2117. Эти слова говоритъ Орестъ, уже обращаясь

къ Ифигеніи. Въ противоположность развязкѣ въ драмѣ того же имени Еврипида, ликъ Артемиды остается въ Тавридѣ. Это придумано Гёте не безъ цѣли. Присутствіе богини у чужеземцевъ будетъ отнынѣ служить символомъ новыхъ, болѣе кроткихъ обычаевъ, которымъ научила ихъ Ифигенія. (Водовозовъ 396).

2119—2124. Драматургъ избиралъ поддающіяся представленію дѣйствія, какъ символы душевныхъ переживаній. Понятыя такъ слова Ореста, до сихъ поръ принимавшіяся буквально и толковавшіяся только допущеніемъ чуда, перестанутъ быть камнемъ преткновенія для толкователей. (Die Heilung des Orest 220).

2124—2125. Гриммъ говоритъ, что здѣсь Орестъ какъ бы исчезаетъ, и Гёте является словно его замѣстителемъ. Онъ игралъ роль Ореста въ 1779 г. въ Эттерсбургѣ. Въ Ифигеніи мы будто видимъ г-жу фонъ Штейнъ, которая тогда, еще не старая и очаровательная, была въ числѣ зрителей. Имъ при первомъ представленіи драмы было ясно, что слова эти внушила любовь къ ней. Никогда поклоненіе любимой женщинѣ не выражалось прекраснѣе! (Weltcharaktere 123).

2127—2129. Поэтъ имѣлъ въ виду изображеніе Аѳины Паллады, подаренное Зевсомъ царю Трои Дардану. Съ этимъ изображеніемъ было связано благополучіе города. (Düntzer 181).

2139. Вѣнца или короны не было у грековъ. Александръ Македонскій присвоилъ себѣ персидскую го-

ловную повязку унизанную жемчугомъ. Такую же носилъ и римскій императоръ Діоклетіанъ. (Düntzer 182).

2151. Ѳоантъ — гуманный деспотъ XVIII вѣка, допускающій возраженія. Такого рода деспотъ возведенъ въ типъ Вольтеромъ. Въ конечной своей уступчивости Ѳоантъ соотвѣтствуетъ Чингисъ-Хану въ Orphelin de la Chine Вольтера. (Weltcharaktere 101).

2161. Скиѳскій нарядъ состоялъ изъ звѣриной шкуры, штановъ, лука и стрѣлъ; на древнихъ памятникахъ искусства скиѳы изображены въ фригійскихъ колпакахъ. (Düntzer 183).

2162—2164. Это мѣсто напоминаетъ описаніе пріема Одиссея у Алкиноя. (Одиссея VII, 168).

2174. Заключительный стихъ драмы могъ быть навѣянъ послѣдними словами трагедіи Bérénice Расина: „Adieu, Seigneur!“ (Weltcharaktere 124).

— Окончивъ драму 28-го марта 1779 г. (въ первоначальной прозаической обработкѣ), Гёте записалъ въ своемъ дневникѣ: „Я былъ въ это время ясенъ, какъ вода, чистъ и веселъ“. (Геттнеръ, стр. 209).

Павловскъ.
15-го ноября 1910.

Переводчикъ почитаетъ отраднымъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность А. Д. Бутовскому и гг. академикамъ П. В. Никитину, Ѳ. Е. Коршу и Н. А. Котляревскому и профессору Императорскаго Александровскаго Лицея Р. А. Теттенборну за ихъ цѣнныя указанія.

Библіографическій указатель.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

И.

К.

Л.

M.

H.

O.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ш.

Э.

Я.

Указатель собственныхъ именъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

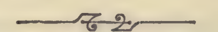
Ш.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Прошу глубокоуважаемую А. А. Майкову принять мою живѣйшую благодарность за участіе въ чтеніи корректуръ и составленіе указателей библіографическаго и собственныхъ именъ. За труды по изданію приношу сердечную признательность Р. Ю. Минкельде.

К. Р.

